

«МЫ ВСЕ – ВОЙНЫ ШАЛЬНЫЕ ДЕТИ...»

Курский военно-исторический сборник. Выпуск 13.

Юго-Западное отделение Академии военно-исторических наук

«МЫ ВСЕ – ВОЙНЫ ШАЛЬНЫЕ ДЕТИ...»

Курский военно-исторический сборник. Выпуск 13.

Курск-2014

ББК 63.3 (2Рос-4Курс) 622
В 85

Редакционная коллегия: член-корреспондент АВИН, канд. ист. наук **И.А. Анфертьев**; действительный член АВИН, докт. ист. наук, профессор Юго-Западного государственного университета **В.В. Коровин** (главный редактор); член-корреспондент АВИН, канд. ист. наук **А.Н. Манжосов**; действительный член АВИН, докт. ист. наук **А.А. Чернобаев**; действительный член АВИН, докт. ист. наук, заведующий кафедрой истории России Курского государственного университета **К.В. Яценко**.

Редакторы выпуска: *А.Н. Манжосов*
Технический редактор: *В.И. Литвинов*

«Мы все – войны шальные дети...»: Курский военно-исторический сборник. Вып. 13. – Курск: МУ ИЦ «ЮМЭКС», 2014. – с.

В очередном выпуске «Курского военно-исторического сборника» представлены материалы, подготовленные авторами из Москвы, Белгорода, Орла, Курска и Воронежа, посвященные разным периодам и различным проблемам военной истории России, особое место в сборнике отведено публикациям, посвященным сохранению памяти о земляках-защитниках Отечества.

Использованы фотографии из фондов ГАОПИКО и личных архивов авторов.

© Юго-Западное отделение АВИН
© Коллектив авторов

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА В ДНЕВНИКАХ И МЕМУАРАХ

Марковчин В.В.

КНЯЗЬ ТУНДУТОВ: О ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ И НЕ ТОЛЬКО

Калмыцкий князь Дмитрий Давидович Тундутов-Дундуков (он же - Данзан Тундутов или Данзан Давыдович Тундутов или Дундуков) родился в 1889 (по другим сведениям – в 1888 г.), в семье крупного помещика и конозаводчика, мецената Церена-Давида Цаджиновича Тундутова. Окончил Катковский лицей (1906) и Пажеский корпус (1908) в Санкт-Петербурге, после чего был выпущен корнетом в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк.

Перед началом Великой войны состоял адъютантом начальника Генерального штаба Русской армии, а затем, с началом войны, служил адъютантом Верховного главнокомандующего. Позднее был откомандирован на Кавказский фронт, где, в чине ротмистра, исполнял обязанности адъютанта командующего фронтом Великого князя Николая Николаевича Романова. После февральской революции находился в Астрахани, где был избран членом местного исполкома, а позднее заместителем атамана Астраханского казачьего войска. Принимал участие в боевых действиях гражданской войны на Юге России. В феврале 1919 г. уехал за границу.

В ноябре 1922 г. Дмитрий Тундутов-Дундуков возвратился в Россию, вместе с молодой женой, в соответствии с объявленной амнистией для чинов белых армий. Позднее неоднократно арестовывался. Постановлением судебного заседания Коллегии ГПУ от 2 августа 1923 г. Тундутов был приговорён к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 7 августа 1923 г., его прах был захоронен в Москве на территории Яузской больницы. После этого его жена Ксения Александровна (урождённая Бригер) вместе сыном Николаем вернулась в Германию.

Заключением Генеральной прокуратуры от 13 марта 1993 г., на основании Закона РСФСР от 18 октября 1991 г., Данзан Тундутов был полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Во время нахождения под следствием Д. Тундутов-Дундуков написал свои воспоминания, где отразил очень интересные факты, относящиеся непосредственно как к началу мировой войны, так и к гражданской войне.

«РОДНЫМ АСТРАХАНЦАМ»

**Воспоминания 1914-1922 бывшего Астраханского войскового атамана
Дмитрия Тундутова-Дундукова (посвящается тем, кто умеет бороться,
побеждать и прощать)**

К Вам, родные, обращено слово мое. Вам я считаю своим священным долгом рассказать, что было за эти тяжкие годы. Прочтите и верьте, что превыше всего для меня Ваше счастье, ваша жизнь...

Война объявлена. То, что висело над Европой последние годы, наконец, разрешилось. В день объявления войны я с моим шефом генералом Янушкевичем¹ были на спектакле в Высочайшем присутствии в Красносельском театре. Генерал Янушкевич, приказав мне ехать в Петроград и явиться на другой день утром в Генеральный штаб, сам отбыл к государю, где было назначено экстренное заседание Совета Министров. Когда я явился на другой день к генералу Янушкевичу, это было 20 июля, генерал мне сказал: «Великий князь Николай Николаевич² назначен Верховным главнокомандующим, я – начальником его штаба, вы будете со мной». Тем вечером мы все должны были собраться в Н.Петергоф к 9 часам, куда будет подан поезд Верховного, и откуда назначен был в ту же ночь отъезд Великого князя на фронт. Прибыв к назначенному часу в Петергоф, я застал поезд уже готовым, свита Верховного уже грузилась в вагоны. Поезд Верховного состоял из вагона великого князя Николая Николаевича, где и помещался с братом Великого князя Петра Николаевича³, вагона ресторана, вагон генерала Янушкевича, где поместился оберквартирмейстер генерал Ю.Н. Данилов⁴ и я, два вагона для свиты Великого князя и вагон для конвоя. Свиту Великого князя Николая Николаевича составляли: генерал М.Е. Крупенский⁵, полковник князь Контакузин, полковник граф Мекаден, полковник Коцебу, штабс-ротмистр Дорфельден, поручик князь Голицын и медик Малоба. К отходу поезда прибыл государь, который вошел в вагон Верховного, пробыл там минут 10, после чего наш поезд тронулся.

Нам никому не было известно, куда мы едем, это держалось в тайне. Поезд наш шел очень медленно по графику эшелонов, чтобы не вносить беспорядка в движение войск. На третий день, часам к 4 мы подошли к станции Барановичи и тут только мы узнали, что Барановичи назначены местопребыванием Ставки Верховного главнокомандующего.

Поезд наш был подан по запасному пути к лесу графа Развадовского, верстах в полутора от станции и здесь остановлен. В домике управляющего было помещено отделение генерал-квартирмейстера. Вечером того же дня

¹ Янушкевич Николай Николаевич (1868-1918) – генерал от инфантерии, в 1914-1915 годах – начальник штаба Ставки верховного главнокомандующего. Убит солдатами в ходе революционных событий.

² Романов Николай Николаевич (1856-1929) – великий князь, верховный главнокомандующий Русской армией в 1914-1915 годах. С 1919 года – в эмиграции.

³ Романов Петр Николаевич (1864-1931) – великий князь, сын Николая I, генерал-адъютант.

⁴ Данилов Юрий Никифорович (1866-1937) – генерал от инфантерии, генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем Русской армией в 1914-1915 годах. Позднее эмигрировал за границу.

⁵ Крупенский Матвей Егорович (1859-?). Адъютант великого князя Николая Николаевича с 1891 г., генерал-лейтенант (1913). Уволен от службы за болезнью 26.03.1917.

прибыл сюда второй поезд с офицерами Генерального штаба с дежурным генералом Кондзеровским¹ во главе. День в ставке проходил так: утром все те, кто прибыл с поездом Верховного главнокомандующего, собирались к 9 часам в вагон-столовую, где пили кофе. После кофе Великий князь шел в домик управляющего, где выслушивал доклад генерала Янушкевича и генерала Данилова. Доклад этот продолжался до 11,5 часов, после чего Великий князь гулял по саду с лицами своей свиты или с кем-нибудь из иностранных военных агентов. В то время союзные правительства были представлены в ставке следующим образом:

Англия – генерал Вильямс и полковник Нокс; Франция – генерал маркиз Де Лакиш, Бельгия – генерал барон Рикль, Япония – генерал Оба и генерал Накашима, Сербия – полковник Лонткевич и Италия – полковник Рополо и полковник Морсеньо.

В 12,5 в вагоне-столовой подавался обед, к которому, кроме чинов свиты и военных агентов, приглашались по очереди офицеры генерального штаба. Обед был всегда очень скромный, подавалось только красное и белое вино.

После обеда Верховный уходил к себе в вагон отдыхать, а генерал Янушкевич принимал доклады начальников отделов и управлений. В 4 часа в вагоне-столовой накрывался чай, после которого генерал Янушкевич шел с докладом к Верховному главнокомандующему, после чего Великий князь уезжал на автомобиле кататься, а генерал Янушкевич уходил гулять или ездил со мною верхом. В 8 часов накрывался ужин, который состоял из 3 блюд и кофе, тоже только с красным и белым вином или мадерой. После ужина Верховный главнокомандующий с генералом Янушкевичем и генералом Даниловым шел на прямой провод, который соединял ставку со штабами главнокомандующих фронтами и принимал доклады о положении на фронтах и делал соответствующие распоряжения.

После блестящего наступления и прорыва австрийского фронта генералом Рузским², наступили дни тяжелых неудач: армия Ранненкампа³ потеряла половину состава. К этому времени на фронте начался ощущаться недостаток в снарядах. Верховный главнокомандующий требовал снаряды от военного министра, но это не помогало. Я помню такую фразу Верховного: «стоит мне что-нибудь просить у Сухомлинова⁴, он сделает наоборот». Все

¹ Кондзеровский Петр Константинович (1869-1929), дежурный генерал при верховном главнокомандующем Русской армией, генерал-лейтенант (1914).

² Рузский Николай Владимирович (1854-1918) – генерал от инфантерии, в 1-ю Мировую войну командовал 3-й армией и группой армий Северного фронта. Убит в ходе Гражданской войны на Северном Кавказе.

³ Ранненкампф Павел Карлович (1854-1918), генерал, российский военный деятель конца XIX – начала XX века. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Расстрелян большевиками в 1918 году.

⁴ Сухомлинов Владимир Александрович (1848-1926) – генерал от инфантерии, военный министр России в 1909-1915 годах. В эмиграции с 1918 года.

больше и больше начало чувствоваться в ставке недовольство военным министром, но пока до открытого конфликта не доходило. Великий князь вызывал несколько раз Родзянко¹ и Гучкова², просил их мобилизовать общественные силы, чтобы помочь армии, ибо положение уже к весне 1915 года было трагедийное: наши батареи на неприятельский огонь могли только отвечать одиночными выстрелами. Наконец, по настоянию Верховного главнокомандующего военный министр генерал Сухомлинов был смещен и на его место назначен талантливый и энергичный генерал Поливанов³. Но что он мог сделать в данную минуту?

Тем не менее, благодаря его энергии снабжение фронта снарядами стало более интенсивным и наша артиллерия начала как будто оживать. Но все-таки положение на фронте продолжало оставаться грозным. Гвардия почти целиком легла на полях Иван-города и Ломяси и наши армии медленно откатывались, очищая немцам Варшаву и Польшу.

Внутри России тоже было неблагоприятно. Влияние Распутина⁴ волновало умы, имя государыни Александры Федоровны произносилось с ненавистью. Все общественные деятели и Государственная Дума были подавлены тупой политикой Горемыкина, ведомого темной рукой. И вот в эту минуту Верховный главнокомандующий требует экстренного заседания Совета министров. 15 августа в Барановичи прибыл государь и весь Совет министров. 16 августа государь и министры отбыли в Петроград. На этом совещании, как рассказывал мне Янушкевич, Великий князь требовал ответственного министерства со Львовым⁵, Гучковым и Родзянко во главе, говоря, что раз мы требуем от народа напряжения и жертв, мы должны идти навстречу его желаниям и считаться с мнением его избранников – Государственной Думой.

Это совещание привело к победе мысли, высказанной Верховным главнокомандующим. Государь отбыл в Царское Село с тем, чтобы дать

¹ Родзянко Михаил Владимирович (1859-1924) – крупный помещик, один из лидеров октябристов. Депутат 3-й и 4-й Государственных Дум, после октябрьского переворота – председатель Временного комитета Думы. Позднее эмигрировал.

² Гучков Александр Иванович (1862-1936) – лидер партии октябристов, депутат и председатель 3-й Государственной Думы. В 1917 году – военный и морской министр Временного правительства. Позднее – в эмиграции.

³ Поливанов Алексей Андреевич (1855-1920), генерал от инфантерии (1911). После отставки В.А. Сухомлинова, с 13.06.1915 управляющий делами военного министерства. Военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства (10.09.1915-15.03.1916).

⁴ Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864(?)-1916) – тобольский крестьянин, «прорицатель-чудотворец», пользовавшийся безграничным доверием семьи Николая II. Был убит в ходе заговора монархистов.

⁵ Львов Георгий Евгеньевич (1861-1925) – крупный помещик, депутат 1-й Государственной Думы. Первый глава Временного правительства. После революции – в эмиграции.

соответствующий манифест. Между тем наша армия уже откатилась до Седлеца. Верховный приказал перевести ставку в город Могилев.

19 вечером наш поезд прибыл в Могилев. Великий князь, его свита и генерал Янушкевич и я поместились в губернаторском доме. Генерал-квартирмейстерская часть штаба – рядом во флигеле.

Все эти дни все с нетерпением ждали обещанного манифеста. Наконец, 26 августа, когда я был дежурным, подъезжает автомобиль, из которого выходит военный министр генерал Поливанов. «Доложите Верховному о моем приезде» – говорит он. Великий князь немедленно принимает его. Генерал Поливанов пробыл у Верховного минут 10-15, быстро вышел, простился с нами и в ту же ночь выбыл обратно в Петроград. Великий князь вызвал немедленно генерала Янушкевича и протопресвитера отца Георгия Щавельского¹. Беседа эта длилась около часа.

В это время, чувствую что-то необычное, все мы собрались в зале у дверей Верховного. Дверь отворилась, выходит Великий князь, возбужденный. «Господа, я уже не Верховный главнокомандующий, государю императору благоугодно было принять самому верховное пердводительство армией и флотом, я же назначен главнокомандующим Кавказской армией и наместником Кавказа».

Итак, свершилось, темная сила поборола великого князя, манифест был отвергнут, а сам Великий князь удален в почетную ссылку. В эту памятную для нас ночь никто не ложился спать. Около 3 часов генерал Янушкевич вызвал меня к себе. «Пойдемте гулять в сад», предложил он. Была чудная, осенняя, теплая, лунная ночь. Внизу серебрился Днепр. Мы с Янушкевичем стояли у балюстрады веранды, над берегом Днепра. «Может быть, мы сделали ужасную ошибку» – проговорил взволнованно Янушкевич. «Помните, в ту ночь, когда я вернулся из Красного Села, я проехал прямо в Управление Генерального штаба. В 2 часа ночи звонок телефона, я подхожу. У аппарата государь. «Отмените мобилизацию» – слышу приказ государя. «Слушаюсь, сейчас узнаю, если приказ о мобилизации еще не разослан, отменю». Прервав этот разговор, звоню к Сазонову² и говорю: «Как быть? Сейчас только получил приказ государя отменить мобилизацию». «Доложите, что уже поздно, мобилизация уже в ходу» – отвечает Сазонов. Я позвонил в Петергоф и доложил, что поздно, мобилизация на ходу, отменить уже невозможно, а пакет еще лежал у меня на столе. Неужели мы совершили ужасную ошибку, что еще ждет бедную Россию впереди» – закончил генерал в раздумье.

Через два дня Великий князь, Янушкевич, как его помощник по военной части, свита Великого князя, куда назначен был и я, в качестве

¹ Шавельский Георгий (1871-1951) – с 1911 года – главный протопресвитер русской армии и флота. Позднее – в Добровольческой армии.

² Сазонов Сергей Дмитриевич (1860-1927) – министр иностранных дел России в 1910-1916 годах. Позднее – министр в правительствах Деникина и Колчака, представитель белого движения во Франции. Позднее – в эмиграции.

ординарца главнокомандующего, покинули Могилев. Великий князь перед Тифлисом отбыл в Першино Тульской губернии в разрешенный ему месячный отпуск, а мы получили приказание явиться в Тифлис к 25 сентября.

На Кавказе население встретило нового наместника, в особенности грузины ждали перемены политики. Старый наместник граф Воронцов-Дашков поддерживал всегда армян. Помощником великого князя по гражданской части был назначен кн. В.Н. Орлов, тоже из-за Распутина попавший в опалу. Командующим Кавказской армией был генерал Юденич, начальником его штаба ген. Болховитинов и генерал-квартирмейстер генерал Томилов, армия была небольшая, так что великий князь, как главнокомандующий и наместник, оставался все время в Тифлисе, лишь изредка выезжая на фронт. Так он посетил раз Саракамыш и Эрзерум, после его взятия, а остальное время всецело был занят управлением Кавказским краем.

Чувствовалась глубокая обида на государя, а великая княгиня и не скрывала своей неприязни к государю и государыне Александре Федоровне. «Россией правят темные силы» – говорила она не раз. Сам великий князь Николай Николаевич открыто это не говорил, но ясно чувствовалось, что его отношения с государем кончены. За это время великий князь сильно постарел, ему и лет было уже немало, шел уже 64-й год. «Вот кончится война, уеду к себе в Першино разводить кур», говорил он, «стар я уже, послужил и довольно».

Наступила осень 16 года, в России делалось что-то невероятное. Министры сменялись один за другим. О влиянии Распутина на государственные дела говорили открыто всюду и везде. Глухое недовольство перекинулось и на фронт – в офицерскую среду. Было ясно, что дальше так продолжаться не может. Страна накануне взрыва справедливого негодования. Раздался выстрел Юсупова¹ и Пуришкевича², Распутина убрали, но было поздно, общее недовольство перенеслось на государя и государыню, и это недовольство захватило не только народные массы, но и всю интеллигенцию и офицерство.

Наконец 27 февраля 1917 года – Великая Российская Революция. Царская власть была сметена в несколько часов. Назначенный последним манифестом на пост Верховного главнокомандующего, великий князь был устранен от этой должности Временным правительством и выбыл на жительство в Крым в свое имение «Дюльбер» около Ялты.

1 апреля 1917 года в г. Астрахани собрался национальный съезд калмыцкого народа. Задачами съезда было устройство административного

¹ Юсупов (Сумароков-Эльстон) Феликс Феликсович (1856-?) – генерал-лейтенант, родственник Николая II. Организатор убийства Г.Распутина в 1916 году. С 1917 года – в эмиграции.

² Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870-1920) – монархист, один из лидеров «Союза русского народа» и «Союза Михаила-Архангела», депутат 2-4-й Государственных Дум. Участник убийства Г.Распутина.

управления калмыцкой области, ибо старый аппарат в лице попечителей был упразднен революцией. Смешно верить, в 20-м веке целый народ признавался за несовершеннолетнего и управлялся попечителями, кстати сказать, набранными из бывших полицейских, в большинстве случаев пьяниц и взяточников. По решению съезда во главе народа был поставлен Центральный исполнительный комитет, в состав которого вошли: Б.Э. Криштарович, как председатель, Очиров – товарищ председателя, Баянов, я и Баскомясин, как члены. С места резко обозначились два течения: одно, возглавляемое Баяновым, кадетом по убеждениям, другое – Очировым – калмыцким националистом, ко второму течению примыкал и я.

Против нашего желания был проведен в председатели Б.Э. Криштарович, бывший главный попечитель калмыцкого народа, зять пресловутого генерала Думбадзе. Положение ЦК было трудное: полное отсутствие денег, бесконечные распри с соседними крестьянскими селами из-за земли и упорное противодействие всем начинаниям со стороны части духовенства и купцов, кулаков. Эта часть населения была против школ и образования. Ничем не помогала нам, а наоборот – агитировала и интриговала против. Временное ли правительство, само погруженное в реформы, ничем нам помочь было не в состоянии. Было ясно, что одному калмыцкому народу выйти из создавшегося тупика было не в состоянии. И вот у нас с Очировым возникла мысль соединиться с Астраханским казачеством, ибо уже тогда на казачьих кругах поговаривали о создании Союза казачьих областей и горских народов Кавказа. Эта мысль нашла сочувствие в лице атамана Терского войска М.А. Караулова.

В октябре 1917 года в г. Владикавказе состоялся съезд делегатов казачьих войск Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, в состав коего был принят калмыцкий народ, народы Чечни, Ингушетии, Кабарды и Дагестана. Был образован союз, который именовался: «Юго-Восточный союз казачьих войск, горских народов и вольных народов степей». Было избрано правительство, в которое вошли: Харламов¹, в качестве председателя, и Епифанов – от Войска Донского, Чермоев² и Бамматов – от Чечни и Дагестанов, Джабагиев – от Ингушетии, я и Скворцов – от Астраханского войска, Коцев – от Кабарды, Караулов Николай и Вертепов – от Терского войска, Макаренко³ и Калабухов¹ – от Кубани.

¹ Харламов Василий Акимович (1875-1957) – депутат 1-й-4-й Государственных Дум, в 1919-1920 годах – председатель Донского войскового круга. В эмиграции с 1920 года.

² Чермоев Абдул Меджид Орцуевич (1882-1936) – в годы 1-й Мировой войны – офицер Дикой дивизии. Позднее – член «Союза объединенных горцев Кавказа» и «Горского правительства». С 1919 года – в эмиграции.

³ Макаренко Иван Лукич (1882-1945) – уполномоченный Кубанского краевого правительства при Всевеликом войске Донском в 1918-1919 годах. Председатель Рады в октябре-ноябре 1919 года. С 1920 года – в эмиграции.

Правительство это выпустило декларацию. Здесь говорилось: «Впредь до созыва Учредительного собрания, территория Юго-восточного союза объявляет себя автономной и, не вмешиваясь в судьбы Центральной России, мыслит себя ее составной частью, как федерация. Краем управляет Объединенное правительство, которое составляется по 2 члена, делегируемых подлежащими правительствами в его состав, и ответственно перед Юго-восточным съездом, созываемым два раза в год в осенней и весенней сессии. Члены этих съездов избираются подлежащими войсковыми кругами и народными собраниями».

Резиденцией правительства Юго-Восточного союза был избран г. Екатеринодар, куда к концу октября 1917 года и переехало. Заседания правительства происходили в зале 1 отдела атаманского дворца, а затем и весь нижний этаж был освобожден для канцелярии и секретарской части Объединенного правительства. Одной из первых забот правительства было установление дружественных отношений с республиками Закавказья. Для выполнения этого задания туда выехал Харламов, председатель правительства, а затем были командированы Бамматов и я.

По приезду в Тифлис мы имели совещание с Грузинским правительством, которое возглавлялось тогда гг. Чхенкели² и Рамишвили. Грузинское правительство вполне было согласно с теми положениями, которые выдвинуло Объединенное правительство, и в конце декабря было выработано соглашение, которым обе стороны признали друг друга, и, впредь до выяснения событий в Центральной России, признавали друг друга самостоятельными единицами, входящими в будущем в Российскую Федерацию, как автономные, самоуправляющиеся области. Во время пребывания нашего в Тифлисе нам стало известно о падении Донского правительства, смерти Донского атамана ген. Каледина. Одновременно с этим и Объединенное правительство покинуло Екатеринодар. Таким образом, нам не было смысла возвращаться на Северный Кавказ и мы остались в Тифлисе, куда, в скором времени прибыли и тов. Председателя правительства Чермоев и Коцев.

В начале марта началась оккупация Украины германскими войсками. Киев был занят штабом главнокомандующего генерал-фельдмаршалом Эйхгорн³. В середине марта германская делегация во главе с генералом фон Лоссов прибыла в Батум. Германская делегация, кроме генерала фон Лоссов,

¹ Калабухов (Кулабухов) Алексей Иванович (1880-1919), член Кубанской краевой рады и кубанской делегации на Парижской мирной конференции 1919 года. После возвращения из Парижа 20 ноября 1919 года был повешен по приказу генерала Деникина.

² Чхенкели Акакий Иванович (1874-1959) – один из лидеров грузинских меньшевиков, с 1918 г. – председатель временного Закавказского правительства, позднее – министр в правительстве Грузии. С 1921 года – в эмиграции.

³ Эйхгорн Герман фон (1848-1918) – генерал-фельдмаршал, в 1917-1918 годах – командующий группой армий в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Был убит эсэровскими боевиками.

состояла из его заместителя гр. Шуленбурга, с которым я был хорошо знаком еще по Петрограду, когда он был секретарем Германского посольства, полк. Руткирх и ротмистр Гнезенау. Для переговоров с германской делегацией в Батум отбыли г. Чхенкели, а от Объединенного правительства Бамматов и я.

Нам точно были неизвестны ни намерения Германского главного командования, ни те задания, которые были даны грузинским правительством господину Чхенкели. Объединенное же правительство поручило нам изложить Германскому командованию положение и взгляды Объединенного правительства Юго-Восточного союза и ознакомиться, как только возможно, с дальнейшими планами Германского командования, ибо до нас доходили неофициальные сведения, что Донская область и Кубанская включены в состав Украины и будут оккупированы.

В Батуме мы пробыли до апреля. В течение этого всего времени генерал фон Лоссов сносился с Константинополем, а самый Батум был оккупирован турецкими войсками Нури-паши. На наши запросы и обращения генерал фон Лоссов, очевидно, не мог еще ответить, ибо он ссылался на то, что не может никак получить из Константинополя соответствующие инструкции.

Наконец, в середине приблизительно апреля, генерал фон Лоссов вызвал г. Чхенкели, Бамматова, меня и др. членов грузинской делегации и предложил нам выехать с ним в Берлин для личных переговоров, как сказал он. Делегации выразили свое согласие и мы отбыли на германском пароходе в Констанцу, куда был подан экстренный поезд, и через двое суток через Бухарест, Будапешт и Прагу мы прибыли в Берлин. В Берлине делегации были отведены покои в отеле “Адлон”.

На третий день по приезду в Берлин, германский Министр иностранных дел г. Кюльманн, назначил нам прием. К этому времени Чхенкели выработал меморандум, где излагалось вкратце состав и численность населения и границы республик Грузии и Юго-Восточного союза, декларация обоих правительств и протест против включения Кубанской области и части Донской в состав Украины.

Г. Кюльманн очень внимательно выслушал делегацию, причем весь разговор вел г. Чхенкели, и обещал рассмотреть в скорейшем времени положения делегации. Приблизительно через неделю после этого приема генерал фон Лоссов, обращаясь к нам, сказал: «По всей вероятности, вы ничего ясного и конкретного от министерства иностранных дел не добьетесь, я возбуждал ходатайство о приеме Вашем в ставке Верховного командования и аудиенции у Императора Вильгельма»¹.

Через несколько дней благоприятный ответ был получен, и в тот же вечер в сопровождении генерал фон Лоссов, мы отбыли в Спа, где была расположена Германская ставка. По прибытии в Спа, мы были приняты

¹ Вильгельм II (1859-1941) – германский император и король Пруссии с 1888 года. С 1918 года – в изгнании.

генерал-квартирмейстером Германского штаба генералом Людендорфом¹, который нам объявил, что на завтра нам назначена аудиенция у императора, который в данное время находится в Авесне и куда мы должны выехать завтра утром на автомобиле.

Затем генерал Людендорф заинтересовался Северным Кавказом, казачеством и горскими народами и просил приготовить ему меморандум, аналогичный тому, который был передан г. Кюльманну. После приема, генерал Людендорф пригласил нас к завтраку в офицерское казино.

В 12, 5 часов мы были в казино. Тут уже собралось довольно много офицеров штаба, но за стол еще не сажались, ждали фельдмаршала Гинденбурга² и генерала Людендорфа.

Ровно в 1 час дня показалась массивная фигура германского главнокомандующего, который шел, опираясь на трость, рядом с ним шел генерал Людендорф. Мы были немедленно представлены генералом фон Лоссовым фельдмаршалу. Фельдмаршал внимательно поздоровался со всеми нами, сказал, что он рад видеть представителей Кавказа и казачества у себя и пригласил нас к столу. На время завтрака мы сидели между Гинденбургом, Людендорфом и генералом Паркенсверфер, обер-квартирмейстером штаба. Фельдмаршал и Людендорф, видимо, очень интересовались Кавказом и Закавказьем, спрашивали подробно, какие племена населяют Кавказ, какое количество населения, сильно ли пострадало население от войны и т.д.

По окончании завтрака фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф простились с нами, еще раз напомнив, что утром мы должны выехать на аудиенцию к императору и после аудиенции мы можем прямо вернуться в Берлин.

Утром рано на следующий день был подан автомобиль. Нам предстояло проехать 110 верст по шоссе в Авесне. Шоссе было довольно плохое, избитое грузовиками, так что скоро идти было нельзя. Около 12 дня мы выехали в Авесне. Авесне представляет собою маленькую французскую деревушку, сильно пострадавшую от артиллерийского обстрела.

Мы проехали деревушку и свернули в лес, направо, где и остановились. Здесь я увидел поезд, который стоял на запасном пути, проведенном по лесу, тут же напротив поезда была разбита палатка. Этот поезд был германского императора. Мы соскочили с автомобиля и под предводительством генерала фон Лоссова направились к палатке. Не успели мы сделать и 10 шагов, как навстречу нам показался сам император. Генерал фон Лоссов представил нас. Император милостиво поздоровался со всеми и знаком предложил сесть на скамейку на площадке перед палаткой.

¹ Людендорф Эрих (1865-1937) – генерал, помощник П. Гинденбурга в руководстве войсками Восточного фронта и всех германских вооруженных сил в ходе 1-й Мировой войны.

² Гинденбург Пауль фон (1847-1934) – генерал-фельдмаршал, с августа 1916г. – фактический главнокомандующий Восточным фронтом и армией Германии.

Император спросил, когда и как мы приехали, подробно опять расспрашивал о Кавказе и казачестве, о жизни там, причем проявил большую осведомленность о тех племенах, которые населяют Кавказ. «Какая ужасная ошибка, что мы соседи и воевали друг против друга» – несколько раз повторил император. В 1 час был сервирован в палатке завтрак. Мы были посажены по левую руку императора. Во время завтрака было подано шампанское, император Вильгельм поднял бокал за процветание Юго-востока и Кавказа и за установление дружеских отношений между Германией и Россией.

По окончании завтрака император сказал: «Возвращайтесь в Россию, все указания мною преподаны генерал-фельдмаршалу Эйхгорну, который сейчас в Киеве и ведет переговоры с донским атаманом Красновым». Тут только впервые мы услышали, что есть уже новый Донской атаман и правительство Войска Донского. Пожелав нам счастливого пути, император простился с нами и направился к своему вагону. Мы сели в автомобиль и тронулись в обратный путь. В Берлине Чхенкели и грузинская делегация осталась еще на несколько дней, а я, откланявшись генералу фон Лоссову, выехал в Киев.

В Киеве в это время был уже гетман Скоропадский¹. Так как дел у меня никаких уже не было, я пробыл в Киеве всего несколько часов и выехал в Ростов Дон.

В Ростове я встретил председателя Астраханского войскового правительства Б.Э. Криштаровича, который уже отдал приказ о пребывании астраханского правительства временно в Новочеркасске, и предложил мне вступить в исполнение своих прямых обязанностей, как войскового атамана Астраханского казачьего войска, ибо предшественник мой генерал Бирюков был неизвестно где. Тут же в Ростов в скором времени прибыли члены Объединенного правительства Юго-восточного союза Коцев, Макаренко, Шахим-Гирей, члены же этого правительства Харламов и Епифанов были уже в Новочеркасске.

В июне месяце Донской атаман ген. Краснов отдал приказ о формировании трех корпусов: Воронежского генерала Иванова, Саратовского полковника Манькина и Астраханского генерала Павлова². Во всех отношениях эти корпуса были подчинены Донскому командующему армией генералу Денисову³, таким образом, на обязанности моей и войскового правительства лежало только управление областью и снабжение

¹ Скоропадский Павел Петрович (1873-1945) – генерал-лейтенант, глава военных формирований Центральной Рады. С апреля по декабрь 1918 года – гетман Украины. Эмигрировал в Германию в 1918 году.

² Павлов Александр Александрович (1867-?) – генерал-лейтенант, в 1917-1920г. командовал 6-м Кавказским и 4-м Донским корпусами. Позднее – эмигрировал в Турцию.

³ Денисов Святослав Варламович (1878-1957) – генерал-лейтенант, активный участник белого движения на Юге России. С 1919 года – в эмиграции.

фронта. Добровольческая армия, уже вернувшаяся с Ледяного похода¹, формировалась в ст. Мечетинской, Черкасского округа Донской области.

В Новочеркасске жил только ген. Алексеев, тяжело уже больной, и ген. Эльснер², который являлся представителем Добр. армии при Донском атамане.

Теперь уже стала чувствоваться разрозненность в правящих кругах: члены Объединенного правительства стояли на прежней точке зрения, т.е. невмешательства в дела Центральной России и ожидании полного там успокоения, и затем федерирования с нею; ген. Алексеев³ и Деникин и все командование Добр. армии стояло за поход на Москву и лозунг «Единая неделимая Россия», ген. Краснов не высказывался ясно, говоря, что Донская армия занята освобождением Донской области, а там будет видно. Наконец в середине июля 1918 года по настоянию членов Объединенного правительства Юго-восточного союза, ген. Краснов назначил в атаманском дворце заседание, куда были приглашены все наличные члены Объединенного правительства, а именно: Коцев, я, Макаренко, Харламов, Епифанов, Шахим-Гирей, Скворцов, Белоусов и Джабалиев.

Мы выдвинули вопрос о восстановлении Юго-восточного союза в тех границах, которые были указаны в соглашении во Владикавказе, и проведении тех начал, которые были высказаны в декларации Объединенного правительства. Генерал Краснов согласился с нами, и было постановлено вызвать Кубанского атамана генерала Филимонова, который был в ставке Добр. армии в Мечетинской, дабы оформить наше заседание подписью Кубанского атамана и правительства. Три телеграммы и курьер, посланный в Мечетинскую, вернулись без результата: ген. Филимонов⁴ был всецело под влиянием ген. Деникина и ген. Романовского⁵, был противником Юго-Восточного союза и всецело стоял на платформе Добр. армии и за ее лозунг «Единая, неделимая».

Одновременно с этим в газетах, разделявших точку зрения Добр. армии, в особенности, «Новое время», поднялась травля членов Объединенного правительства. Нас называли сепаратистами, изменниками

¹ Ледяной (или 1-й Кубанский) поход – предпринятый Добровольческой армией и частями Всевеликого войска Донского поход на Кубань, начатый в феврале 1918 года.

² Эльснер Евгений Феликсович (1867-1930) – генерал-лейтенант, в 1918-1919 годах – представитель Добровольческой армии при Всевеликом войске Донском. С 1920г. – в эмиграции.

³ Алексеев Михаил Васильевич (1857-1918) – генерал от инфантерии, на 1917 год – начальник штаба верховного главнокомандующего в правительстве Керенского, позднее – один из создателей Добровольческой армии.

⁴ Филимонов Александр Петрович (1866-1948) – генерал-лейтенант, в 1917-1919 годах – войсковой атаман Кубанского казачьего войска. Позднее – в эмиграции.

⁵ Романовский Иван Павлович (1877-1920) – генерал-лейтенант, 1-й генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандующем Русской армией (июнь-сентябрь 1917). С февраля 1918 начальник штаба Добровольческой армии, а затем – начальник штаба ВСЮР. Убит в результате покушения 3 апреля 1920 года в Константинополе.

России, германскими агентами, доставалось по дороге и Краснову. В особенности неистовали в «Новом времени» Борис Суворин. Антагонизм между казачьими верхами и командованием Добр. армии усиливался и начал проникать уже в фронтовые части. «Что же это такое, собрались кацапские генералы и верховодят Доном», не раз говорили казаки.

Члены круга, тоже недовольные политикой командования Добр. армией, несколько раз обращались с запросом к Донскому атаману с просьбой выяснить создавшееся положение. На это генер. Краснов неизменно отвечал: «Ничего особенного, простые интриги». Он был прав: официально при нем был ген. Эльснер, представитель Добр. армии, ген. Алексеев был в наилучших с ним отношениях, а на самом деле против него велся самый настоящий подкоп, командование Добр. армии не брезговало никакими средствами, лишь бы только подорвать авторитет Донского атамана.

Председатель Донского войскового круга и председатель Объединенного правительства Харламов, недовольный нерешительной политикой Краснова в вопросе Юго-восточного союза, тоже перешел на сторону противников Краснова и создал группу членов круга, требующих смещения Краснова с атаманского поста, и замену его ген. Богаевским¹.

Наступила осень 1918 года. Германия была раздавлена. Германские войска получили приказ эвакуировать Украину и Донскую область. В Ростове появились союзные миссии. Первой прибыла английская миссия с полковником Киисом во главе. Вслед за нею приехали французы с капитаном Эрлишем. Положение ген. Краснова сразу пошатнулось: его считали германофилом, и вот командование Добр. армией, дабы окончательно сломить Краснова, раздувала германскую ориентацию Краснова перед всеми прибывающими союзными миссиями. Наконец, в декабре 1918 года в Екатеринодар прибыл генерал английской службы Пул.

Им сейчас же был выдвинут вопрос о едином командовании и подчинении Донской армии командованию Добр. армии.

В конце декабря на ст. Кущевка состоялось свидание Донского атамана ген. Краснова с ген. Пулом. Разговор, передают очевидцы, принял очень резкий оборот. Краснов вначале и слышать не хотел о подчинении Дона Добр. армии, и, наконец, когда ген. Пул пригрозил, что в случае его, Краснова, упорства, союзники вынуждены будут прекратить снабжение армий Юга и оставить на произвол судьбы, Донской атаман уступил и признал главное командование Добр. армии.

Через несколько дней Деникин отдал приказ, которым принял на себя звание главнокомандующего вооруженными силами на Юге России. В середине января в Новочеркасске был собран войсковой круг, который

¹ Богаевский Африкан Петрович (1873-1934) – генерал-лейтенант, председатель Донского правительства в 1918-1919. С февраля 1919 атаман Всевеликого войска Донского, с 1920 – в эмиграции.

выразил недоверие командующему Донской армией Денисову, а когда за Денисова вступился Краснов, то и ему. Краснов покинул свой пост, а Донским атаманом был избран ген. А.П. Богаевский.

Между тем переход высшей власти на Юге России в руки ген. Деникина сразу дал себя знать. Начались репрессии против членов Кубанской Рады, против членов Объединенного правительства. Сама мысль о создании Юго-восточного союза почиталась изменой. Править Северным Кавказом был назначен ген. Эрдели¹, человек, с Кавказом совершенно не знакомый и мало им интересовавшийся, а помощником его сенатор Стремоухов. Над народами Кавказа были назначены правители, но в правители были назначены лица совершенно не популярные в массе, но зато слепо послушные воле Деникина.

Недовольство росло и росло. Деникин совершенно перестал считаться с пожеланиями войсковых кругов и Рады. Наконец, накопившееся за год недовольство друг другом, вырвалось. Грозовым приказом ген. Деникин объявил членов Объединенного правительства Чермоева, Бамматова, Быча, Макаренко - изменниками России и присудил их заочно к смертной казни, а бывшего случайно в Екатеринодаре члена Объединенного правительства Калабухова - повесил тут же на Красной площади.

Недовольство Деникиным и его политикой передалось в армию, в казачьи полки, усилилось дезертирство.

В Астраханском войсковом правительстве борьба казачьих верхов с главным командованием тоже нашла отклик. Председатель Астраханского войскового круга Ляхов, исполнявший при мне обязанности председателя войскового правительства Б.Э.Криштафович, члены правительства Астахов и Баянов стали открыто на сторону Деникина, обвиняя меня и помощника моего Очирова в национализме и сепаратизме. Насчет сепаратных наших планов и вождедений они написали целый даже доклад, обвинив меня попутно в германофильстве.

Условия работы создались невероятные, да и хорошего ничего ожидать было нельзя, и вот 8 февраля 1919 года я созвал экстренное заседание правительства и заявил им о сложении мною своих полномочий и передал их председателю правительства Ляхову. Немного спустя Деникин издал приказ, по которому мне и Очирову воспрещался выезд в казачьи области и мы выселялись из пределов Северн. Кавказа, Астраханской и Ставропольской губ.

Я взял заграничный паспорт, сел на итальянский пароход в Новороссийске и уехал за границу.

1919 и 1920 годы я пробыл в Париже. Армия Деникина, как и следовало ожидать, была разгромлена, сам Деникин позорно, один из первых, забрался на английский крейсер и оттуда уже давал свои последние

¹ Эрдели Иван Георгиевич (1870-1939) – генерал от кавалерии, активный участник Гражданской войны на Юге России. Позднее – в эмиграции.

распоряжения армии, которая еще была под Екатеринодаром. Знали мы в Париже, что в Крыму еще держится Врангель и Слащев, но, откровенно говоря, мало этим интересовались. Оригинальную картину в смысле русского представительства давал в эти годы Париж. Русское посольство, возглавляемое послом Маклаковым, говорившим и писавшим по уполномочию Временного Российского правительства, которого и в помине не было; полномочный представитель Врангеля – ген. Щербачев, имевший при себе целый штаб; посол Всевеликого войска Донского – Харламов; посол кубанский – Быч; посол и председатель Горского правительства Северного Кавказа Чермоев и заместитель его Джабагиев; полномочный представитель атамана Семенова – генерал Сахаров; посол Грузии – тот же Чхенкели; представитель Петлюры и т.д. и т.д. Одним словом, куда ни взглянешь, все послы и послы.

Все эти посольства и посольчики были на ножах друг с другом и воображаю, как нелегко было справляться с ними несчастному монсиньору Леглуа, заведующему русским отделом Министерства иностранных дел. Впрочем, вначале всем этим посольствам жилось недурно, но с течением времени, когда правительства их стали экономнее, послы уже простились с автомобилями, постепенно меняя более шикарные отели на менее и вот, когда уже в конце 1920 года я встретил Харламова, он жил в ужасной гостинице в Латинском квартале. Очевидно, финансы Всевеликого войска Донского были далеко не в блестящем состоянии.

Осенью 1921 года, в сентябре, волей судеб я очутился в Константинополе. В это время Константинополь был переполнен русскими беженцами из Крыма и остатками Врангелевской армии. Трудно даже себе вообразить, до чего в ужасном состоянии были эти люди: оборванные, бледные, изможденные бродили русские толпами по Пера, возбуждая жалость и отвращение иностранной публики.

Сравнительно хорошо устроились наши казаки и калмыки астраханцы: по ходатайству “Общества помощи буддистам России” калмыки были приняты кучерами и погонщиками в английский обоз на должности сивилиэнс драйверс в АрЭйЭсСи. Получали они рядовые по 32 лиры на всем готовом, а форманы – 65 лир в месяц, так что имели возможность помогать всем неимущим и инвалидам. По приезде в Константинополь я поселился в общежитии «Союза помощи буддистам России». Председателем союза был это время г. Чонов. Нигде за границей нет столько самых различных слухов и толков, как в Константинополе. Все эти слухи фабрикуются во дворе Русского посольства, разносятся по городу и оказываются всегда, конечно, вздорными.

Однажды вечером приходит ко мне с таинственным видом Чонов и говорит: «Князь, с Вами хочет познакомиться Федор Баткин, если Вы ничего не имеете против, я скажу Воронцову, что мы с Вами будем тут в кафе». «Хорошо», – говорю я.

В 8 часов вечера мы спускаемся с Чоновым вниз к кафе. Кафе это было турецкое, довольно мрачного вида. Входим. Вижу перед собою Воронцова, офицера Ставропольского калмыцкого дивизиона, а с ним рядом – черного, юркого господинчика. «Федор Баткин» – представился он. Я был немного озадачен: я ожидал встретить бравого моряка, а передо мной стоял юркий кавалер, похожий не то на комиссионера, не то на маклера.

«Чем могу служить?» – обратился я к нему.

«Я представитель партии С-р.» – начал Баткин – «мы предлагаем Вам работать с нами, Вы нам ценны, как человек, популярный среди Вашего народа и войска. Наша партия имеет деньги и думает начать интенсивную работу, но я должен Вас предупредить, что тот, кто работает с нами, тот должен работать до конца, иначе ему будет дана чашка черного кофе». «Что это такое?» – спросил я. «Яд» – был ответ. Расстались мы с Баткиным довольно холодно, у меня не было ни малейшего желания попробовать его чашку кофе.

Одним словом, Константинополь жил такой нервной жизнью в среде самых невероятных известий, что иногда казалось, что мы в каком-то огромном, сумасшедшем доме.

В конце октября или начале ноября 1921 года, точно не помню, приезжает к нам в общежитие Воронцов и говорит: «Господа, с Вами хочет познакомиться генерал Слащев и бывшие его начальник штаба генерал Дубяго, если Вы ничего не имеете против, они поручили мне пригласить Вас, князь, с Чоновым, вечером к 7 час. в Киевский кружок, где в отдельном кабинете я заказал уже обед». Мы выразили свое согласие. Ровно в 7 часов мы были в Киевском кружке и поднялись на второй этаж, где был кабинет, оставленный для Слащева.

Мы вошли. Воронцов нас познакомил. Я много раньше слышал о Слащеве, но никогда не имел случая с ним говорить и познакомиться. Передо мной стоял совсем еще молодой генерал с веселым, открытым лицом.

Мы сели за стол. Разговор вначале, как всегда бывает между малознакомыми людьми, шел довольно вяло, больше говорили Чонов и Воронцов. После кофе, когда было уже довольно выпито, ген. Слащев обратился ко мне: «Я собираюсь ехать в Россию, жизнь здесь мне опротивела и не имеет никакого смысла». «А Вы не боитесь?» – спросил я его. «Судьба», пожал он плечами. «Положение русских эмигрантов за границей невыносимо, если Советская власть простит нас, то надо возвращаться домой», добавил он. «Вы популярны, в армии Врангеля у Вас много сторонников, если Вы по приезду в Россию получите прощение для них и напишете им, я думаю, многие последуют за Вами», – отвечал я. Затем разговор прекратился, вмешался генерал Дубяго и разговор принял самый посторонний характер. Через несколько времени, поблагодарив Слащева и Дубяго за хлеб-соль, мы с Чоновым покинули кабинет.

Спустя несколько дней я услышал, что генерал Слащев уехал в Россию.

Прошла зима, был уже апрель. Положение астраханцев-калмыков резко ухудшилось. В связи с нараставшей в Англии безработицей, в РАСЦ начали принимать безработных англичан, а калмыков увольнять. Работу в Константинополе найти совершенно невозможно. Надо было думать об эвакуации из Константинополя. Но куда? Болгария забита русскими беженцами, да и условия труда там, на шахтах, очень тяжелы, Сербия переполнена врангелевскими контингентами. Выбор наш пал на Венгрию, где было развито коневодство, и была надежда устроить калмыков на конные заводы к венгерским коннозаводчикам.

«Союз помощи буддистам России» обратился с просьбой разрешить ему командировать делегацию в Венгрию в Комитет Лиги Наций к полк. Проктор и капитану Бурнье. Разрешение было дано, и вот я, Востряков и Балзанов в конце апреля должны были выехать в Будапешт в качестве делегации.

Так как многие казаки и калмыки были оторваны от своих семей, то естественно они интересовались теми возможностями вернуться домой, они слышали о Рапальском договоре и поручили делегации узнать точно, возможно ли возвращение, и, если возможно, то каким образом и куда надо обращаться.

Ввиду того, что Константинополь питался самыми невероятными слухами, к тому появились в печати письма Краснова, в которых он призывал казаков организовывать станицы по месту жительства, готовить походные вьюки и вещи и обратиться за помощью к президенту Северо-Американских Соединенных штатов, казачество и офицерство было совершенно сбито с толку, даже и мы не были в состоянии точно отдать себе отчет в том, что происходит.

В конце апреля Востряков с семьей, Балзанов с семьей, атаман Дербентской станицы Шургурчиев и я прибыли в Будапешт. Здесь я встретил своего старого товарища, офицера Уланского полка, ротмистра Казембека. Т.к. он жил в Будапеште уже около 2 лет, то я ему объяснил цель нашего приезда и просил его совета, как это выполнить и вообще исполнимо ли это. На это Казембек ответил, что все это зависит от венгерского правительства, и, если венгерское правительство выразит согласие и даст даровые визы, то устроить на работу в крупные имения человек 200-300 вполне возможно.

Через неделю после нашего приезда, через начальника русского отдела Министерства внутренних дел д-ра Пьячека, делегации удалось получить аудиенцию у правителя Венгрии, адмирала Хорти.

Хорти было изложено наше ходатайство, были передано письмо, адресованное Верховным комиссаром Лиги Наций по делам помощи русским беженцам. Хорти обещал переговорить с правительством и в самом ближайшем будущем дать тот или иной ответ. Тут только нам пришлось убедиться, насколько венгры легко относятся к своим обещаниям. Проходят дни за днями, а ответа нет, министерства внутр. дел и иностранных все время кормит нас завтраками «приходите завтра, Вы, наверное, получите ответ»,

говорят они. Между тем деньги делегации приходят к концу. Тяжело в особенности положение Вострякова и Балзанова, которые прибыли с женами и детьми. Пришлось прибегать к займам. Много денег для Вострякова и Балзанова достал по моей просьбе Казембек, но этого, конечно, было недостаточно. Наконец, представителя Красного Креста Малама устроил Вострякова и Балзанова с семьями в общежитие в Кобани, на окраине Будапешта.

Тем временем был получен ответ от венгерского Министра иностр. дел. Ответ гласил, что мы можем получить визы на проезд людей на общем основании, т.е. за плату, причем венгерское правительство просит указать, каким образом прибывающие беженцы будут существовать здесь до подыскания работ, и находит необходимым взнос суммы, гарантирующей жизнь каждого прибывающего беженца в течении трех недель со дня прибытия. Ясно, условия были невыполнимы, откуда могли быть у «Общества помощи буддистам» такие средства. Долго обсуждали мы, как быть дальше. Выручить людей из Константинополя надо было, но как? На какие средства? Наконец, решили написать письмо Кириллу Владимировичу и Борису Владимировичу, как почетным казакам Астраханского войска, излагая в этом письме бедственное положение казаков, офицеров и калмыков, и прося их помочь, если возможно, нам. Письмо это осталось без ответа, как осталось без ответа и письмо, обращенное к Союзу торгово-промышленных деятелей в Париже.

В конце мая я выехал в Берлин, где, через посредство советника Германского министерства ин. дел д-ра Крулля я познакомился с секретарем Чичерина Флоринским, и которого просил выяснить вопрос о возвращении наших людей домой в Россию. На другой день я получил ответ, что те, кто хочет ехать на казенный счет, те должны ехать через Болгарию и Варну на Одессу и Новороссийск, а те, кто едет на свой счет, те могут ехать через любую границу, что все участники белого движения прощены, амнистированы и могут спокойно вернуться домой.

В тот же день я выехал обратно. По дороге в Зееоне я встретил Краснова. «Что Вам нужно от меня, старик всецело занят литературой, стою вдаль от людей и политики» – заявил он. «Ваше высокопревосходительство, Вы написали казакам письма, призвали их организовывать станицы, готовить вьюки и седла, просить президента американских штатов помочь им (кстати, президент Гардинг категорически отказал в помощи Донскому атаману Богаевскому). Как все это понять и что это значит?», спросил я. «Это были мои мысли, которые я высказывал в литературе» – был ответ. Я опешил. Такого ответа я не ожидал. Литература! Литература, которая взволновала тысячи людей от берегов Балтики до Босфора. Я даже усомнился в его, Краснова, нормальности, настолько невероятным показалось мне его объяснение написанных им ранее писем.

Родные офицеры, казаки и калмыки! Вы видите, я нарочно, как фонограф, передаю Вам все эти факты и подробности, чтобы Вы сами поняли

всю создавшуюся обстановку. Вас соблазняют разными мечтами, сулят помощь, деньги – не верьте никому, Европе не до Вас; четыре долгих года Вы томитесь на чужбине. Голодные и холодные, Вы спите на паперти свят. Софии, томитесь в сырых и мрачных казармах Селимия или работаете, как невольники, в шахтах у болгар или бьете камни у сербов. На вас смотрят только как на дешевую рабочую силу, которая будет работать, чтобы ни дали. Во имя чего и ради чего Вы обрекаете себя этим мукам? За кем Вы пойдете и против кого?

Монархии в России быть не может. Государя и наследника нет в живых, Михаил Александрович погиб, идут далее Владимировичи, но они дети неправославной матери и поэтому по основным российским законам прав на престол не имеют, Дмитрий Павлович по состоянию здоровья не может царствовать, далее идут уже престарелый и бездетный Николай Николаевич и Петр Николаевичи, наши спасители России, кто они? И что делают? Спаситель № 1 Антон Иванович Деникин – уже 4-й год живет в одной из лучших гостиниц Брюсселя – Деникин, не имевший никогда гроша за душой. Спаситель № 2 генерал Николай Николаевич Юденич – я его сам лично встретил в Париже в лучшем отеле «Морис» на Рю де ла Пайкс. Он занимал великолепные апартаменты и уехал оттуда в Ниццу, где он купил себе имение, это Юденич, который давал уроки, чтобы окончить академию Генерального штаба.

Спаситель № 3 генерал барон Петр Николаевич Врангель, неутомимый и бесменный вождь Русской армии и флота, кстати сказать, конфискованного французами за долги. Врангель живет на вилле близ Белграда, имеет штаб и адъютантов, пишет громовые приказы и получает, хоть и понемногу, но получает, деньги на питание армии и беженцев, но питаются беженцы не особенно и больше принуждены работать на шоссейных дорогах, дабы не умереть с голода.

Против кого же Вы пойдете? Против своих же братьев. Нет, родные, пора нам сказать: “Довольно обмана, мы устали, уже 9 долгих лет мы не знаем покоя, все лишения и лишения. 9 долгих лет мы оторваны от наших семей, родных сел и хуторов, мы требуем, наконец, покоя, мы не хотим никаких авантюр, довольно!”

Родные братья, я, как выборный войсковой атаман, по долгу совести Вам заявляю: «Идите с миром домой, на Родину, Россия сильна, она на пути к полному выздоровлению, Россия справится со всеми ужасами Гражданской войны и голода, Россия ждет своих бедных, заблудших детей. Российское советское правительство не мстит нам и не наказывает за былые ошибки и прегрешения, оно говорит: «Всякого, кто честно и прямо идет ко мне, я прощаю и старое не вспоминаю».

России сейчас нужны сильные, честные люди, и я уверен, каждый из Вас найдет тут у себя на Родине дело. Вспомните стариков, жен и детей, которые ждут Вас уже четвертый год. Итак, родные, до скорого свидания.

Дмитрий Тундутов-Дундуков. Москва, 3 июня 1923 года.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧЕРЕНКОВ: СТРАНИЦЫ АВТОБИОГРАФИИ

Николай Александрович Черенков родился 3 декабря 1900 г. в селе Коренево Курской губернии в семье мелкого служащего. Учился в Кореневской начальной школе, затем – в железнодорожной, после окончания которой, в 1915 г., был принят на работу в контору начальника дистанции железнодорожного пути в качестве переписчика. Из-за бедности семьи не смог продолжить учебу, но занимался самообразованием, совмещал работу с обучением на заочных курсах рисования и с 1921 г. стал работать учителем рисования в железнодорожной школе. Заочно окончил курсы преподавателей немецкого языка и с 1936 г. работал преподавателем рисования, черчения и немецкого языка в Снагостской школе Кореневского района. В 1931 г. женился на Александре Алексеевне Грудинкиной, уроженке города Львова, воспитательнице Кореневского детского дома. Дети: сын Владимир, 1931 года рождения и дочь Вера, 1933 года рождения. В сентябре 1941 г. был мобилизован в армию, в июле 1942 г. попал в плен. На протяжении последующих лет находился в лагерях военнопленных на территории Украины, Польши, Франции. В апреле 1945 г. вернулся на Родину, после тщательных проверок был реабилитирован и вернулся домой. С сентября 1945 г. работал учителем рисования в Кореневской средней школе. Занимался живописью как художник-любитель, активно пропагандировал изобразительное искусство среди населения, организовывал кружки для обучения рисованию, среди молодежи, участвовал в областных выставках изобразительного творчества. Умер в 1980 году. Большинство картин Н.А. Черенкова переданы в Кореневский краеведческий музей и составляют значительную часть его коллекции.

Подготовленная публикация включает часть переданных родственниками автобиографических воспоминаний Н.А. Черенкова, относящихся к периоду Великой Отечественной войны.

В долгий путь

Первая бомбёжка в Кореневском районе произошла 26 августа 1941 года, в день районной учительской конференции, проходившей в саду Кореневской средней школы, где было вырыто и убежище. На 7 сентября всё мужское население получило мобилизационные извещения. 9 сентября, расставшись с семьями, с недельным запасом провианта за плечами, мы пешим строем небольшими группами покинули пределы своих сёл и своего района. Я был ещё на Суджанском шляху, когда станцию Коренево бомбили налетевшие фашистские стервятники. В моей жизни, как и всех советских людей, началась полоса тяжёлых испытаний, тяжёлых дум о предстоящем неизвестном. Думы были не о себе лично, не о потерянных удобствах и ожидаемых роковых ударах, а об оставшейся на произвол судьбы беспомощной семье – жене, двух малых детях и старушке матери. Что их ожидает? Связь с ними прерывается на неопределённое время, а надеяться на хорошее нет никаких оснований... Пройдя пешком до Обояни, мы впервые

обмылись и прошли комиссию. По зрению я был признан непригодным к военной службе, раньше военному делу не обучался и подлежал освобождению от службы в армии. Но Коренево было уже оккупировано, и меня отправили, уже по железной дороге, дальше, на Моршанск Тамбовской области, где происходила передача мобилизованных воинским частям. И тут судьба подготовила мне новый непредвиденный подвох.

К началу войны у меня на руках были два свидетельства от ИН-ЯЗ: за 3-й курс, дающий звание переводчика средней квалификации, и за 4-й – высшей. Идя в армию, я резонно рассудил, что одно из них нужно взять с собой – пригожусь на войне хоть переводчиком, и при взятии на учёт в моршанском военкомате предъявил свой документ. Военком выразил свою радость по такому случаю и передал документы в канцелярию, предупредив, что после оформления он будет возвращён.

В армии – не дома. Слово командира – закон. И я стал ожидать возвращения документа, счастливый, что не даром буду получать солдатский паёк. Но на третий день меня вызвали по списку для отправки на какой-то конный завод, а документа не возвратили. Обращаюсь к военкому. «Сиди, жди, получилась ошибка». Потом меня вызвали ещё раз и всё снова повторилось.

Тоскливое, бездейственное ожидание, к которому я не привычен, тянулось неделями. Как-то в городе меня встретил В.Д. Зеленин и потянул к себе – в батальон связи. Недолго раздумывая, я согласился и на следующий день, уже обмундированный, находился в части. При этом военком выдал мне подробную справку, которая могла бы заменить свидетельство об окончании 3-го курса ИН-ЯЗ (через некоторое время оно вернулось и военком, разыскав меня за вычерчиванием оборонительного плана города Моршанска, торжественно произвёл обмен документов).

Дальше моя судьба в армии пошла так: часть, уходящая на фронт, передавала меня, как нестроевого, в другую, отдыхающую часть или запасной полк, и так я всё больше терял людей, которые меня хорошо или чуть-чуть знали лично. В одном из запасных полков я был вдруг вызван следователем 3-го эшелона, и началась какая-то проверка. Судя по задаваемым вопросам, дело касалось того времени, когда я был в Моршанске. Продержали меня на проверке целый месяц и, не найдя никакой вины, отпустили. Но так и не сказали, чем я обратил на себя внимание своей контрразведки. Я склонен был объяснить это своими зарисовками, которые заполняли мою походную сумку. И только встретившись после демобилизации в Коренево с однополчанами, я смог установить следующее. В то время как я по распоряжению военкома сидел в Моршанске в ожидании ошибочно засланного документа или служил в батальоне связи, на конный завод из Моршанска пришли списки с моей фамилией в сопровождении документа, а самого меня не оказалось. Недолго думая, меня зачислили в дезертиры и даже, для острастки, объявили перед строем, что я пойман и расстрелян как изменник Родины. Эта версия дошла не только до

контрразведки. По освобождении Коренево от оккупантов, кто-то из вернувшихся домой раньше меня, принёс весть, что «своими глазами видел, как меня расстреливали». На одном этом слухе, не подтверждённом положенным документом, я был Кореневским сельсоветом объявлен врагом народа, семья лишена красноармейского пособия и перенесла тяжёлые моральные испытания и незаслуженные оскорбления со стороны представителей власти и населения. Больше того, когда я явился сам живым и с чистым военным билетом на руках, кое-кто своим глазам долго не верил и голословно приписывал мне то побег с фронта, то службу у оккупантов, то «заражение фашистской идеологией» (заявление директора школы Т.П. Коржова на заседании районной РКК, занесённое в протокол).

Плен

Побывав «связистом», «зенитчиком» (в качестве которого находился на передовой), «ПТР-овцем», «пехотинцем», я к концу июня 1942 года оказался в стрелковом полку, расположившемся в лесу, километрах в сорока от Купянска Харьковской области, с ограниченной возможностью передвижения вследствие растяжения сухожилия на правой ноге, поэтому, когда часть двинулась по направлению Ст. Оскола во избежание окружения, то я был включён в лазаретную группу, которая хотя и шла пешком, но медленно. Но в то время как здоровая рота делала большие броски ночью, а на день замаскировывалась на отдых, наша группа шла днём и ночью, отдыхая не больше трёх – четырёх часов в сутки и подвергалась постоянной опасности обстрела с воздуха. Все мы получили новое обмундирование и недельный запас продовольствия за плечами. И вот, ровно на шестой день, проходя у подножия холма, мы ясно услышали тархтенье немецких мотоциклов. Ведущий нас лейтенант скомандовал врассыпную, и мы бросились кто куда. Я перебежал через дорогу, перескочил через плетёнышек и очутился в саду, перебежал вглубь и свалился в траву. Вскоре сад стали прочёсывать немецкие автоматы, над головой засвистели одна за другой пули. На дороге стал повторяться окрик: «Хальт!» В сад вышел старик – хозяин сада и заявил: «Уходи отсюда, а то пойду немцу скажу. Я не хочу через тебя отвечать».

Прежде чем выполнить волю судьбы и злых людей, я уничтожил все документы, включая злополучное переводческое свидетельство, оставив одну лечебную карточку, из которой было видно, что я больной и рядовой. Так, ценой своего существования, освободила меня от самой возможности служить врагам моей Родины та самая бумажка, которая ложными манёврами навлекла на меня подозрение в измене Родине.

Выбравшись из сада на дорогу, я попал в вереницу обезоруженных русских солдат, направляемую немецкими постовыми по определённой дороге. Откуда взялись эти солдаты, я не мог сообразить: час назад в этих местах никого не было кроме нашего лазаретного отряда, а теперь никого из наших, ни одного знакомого лица... По дороге к нам присоединялись ещё военнопленные, потом гражданские старики, женщины, матери с детьми на

руках, подгоняемые немецкими конвоирами из прилегающих к дороге селений. Сопровождающий нас конный конвоир ехал вдоль колонны и через одного – кого придётся – с размаху бил, по чему придётся, палкой. Я тоже получил по спине свою «долю» и был рад, что принял на себя удар, который мог придти по переднему или заднему человеку.

Так прогнали нас без передышки километров сорок. В конце пути на нас обрушился летний ливень, промочивший всех до костей. Уже село солнце, когда нас пригнали на место – открытую площадь на лугу, обнесённую колючей проволокой со стоящими вокруг немецкими автоматчиками. Дождь перестал, но луг напитался водой, и в каждом углублении блестела лужа. Выбрать место «посуше» не приходилось: ложились спать «впритык» друг к другу. Меня приняла на ночь лужа. Укрыться было нечем, так как шинель дня за два до пленения я сдал старшине на повозку для облегчения ноши, и она уехала в неизвестном направлении. Для того чтобы хоть чуть-чуть предохранить лёгкие от простуды, я снял с ног обмотки, положил их зигзагообразно под спину, положил котелок под голову, лёг навзничь, сложил руки на груди и немедленно заснул. Смотря, как я копошусь на своей «постели», молодые ребята не то в шутку, не то с участием сказали: «Что, старик, погибать пришёл?» – «Ни за что!» – ответил я. Первый раз в жизни меня назвали стариком, и это как будто пристало ко мне на всё время плена. С тех пор прошло больше двадцати семи лет, но вряд ли теперь я чувствую себя более слабым и постаревшим, чем тогда.

Утро 12 июля 1942 года наступило свежее, солнце не грело, и одежда на нас просушивалась теплом собственного тела. У меня кроме всего прочего из-под головы утащили котелок, и хотя горячей пищи в него получать не приходилось, но я был обезоружен даже на случай зачерпнуть воды напиться или умыться... Через несколько дней нас разместили по избам (вернее – сараям) ближайшего села. Называлось оно Беленькое. И питались мы подаванием добрых людей. Но какое же село в состоянии прокормить такую массу там, где вражеский солдат собственноручно обшарил все уголки и кладовые в поисках «курки» и «яйки». Пожалуй, самым сытным для нас днём было, когда немцы разрешили разобрать труп убитой лошади, но и это мясо дошло до нас уже основательно усеянное яйцами мух... Голодание же духовное давало себя чувствовать мне ещё в большей мере, чем голодание физическое. И единственным средством до некоторой степени удовлетворить этот голод была найденная пачка квитанций и ордеров различного формата и цвета из какого-то разбитого склада товаров, и обрезок простого карандаша размером с мизинец пятилетнего ребёнка: я получил возможность отводить душу на зарисовках окружающей жизни. Некоторые из зарисовок тех дней прошли всю историю моего плена, возвращения в армию и сохранились до сего дня.

Из деревни Беленькая нас перебросили по железной дороге в тюрьму на Холодной горе (Харьков). В смысле защиты от открытого неба здесь было

несколько лучше (по крайней мере для больных и особо слабых, в числе которых я продолжал находиться), но питание не улучшилось. Были дни, когда мы довольствовались половиной чайной чашки горького, загнившего подсолнечного семени в сутки. Ощущение голода было так сильно, что вызывало бессонницу. Тогда я вставал, вооружался альбомом для рисования, сделанным из бумаги, которую снабдила меня русская женщина-врач, и начинал лихорадочно, запоем, по десятку разрабатывать композиции в квадрате, чтобы отвлечь внимание от неприятных ощущений. Доведя себя в этой напряжённой работе до изнеможения, я опускался на солому и моментально засыпал.

После Харькова был Житомир, а затем военный городок (и госпиталь) во Владаве (Польша), Холм.

Испытание права на жизнь

Во Владаве с питанием стало как будто лучше: мы регулярно раз в день получали полкотелка «баланды» и раз в день – кружку кипятка с одной четвертью буханки немецкого хлеба, как говорили у нас, с опилками.

В ноябре 1942 года этот госпиталь ликвидировали, военнопленных вывезли, а часть, человек общим счётом 60, в том числе я, были оставлены для освобождения помещения от коек, мытья полов и т. д.

После того, как эти работы были окончены, нас выстроили в шеренгу и перед нами явился немецкий обер-лейтенант, который через переводчика Краузе повёл агитацию за наше вступление в немецкую армию – вернее в РОА, которая формировалась генералом-изменником Власовым.

Исчерпав все немногочисленные и шаткие доводы, агитатор закончил самым «убедительным»: «Кто не хочет идти с нами, выйди из строя. Мы будем знать, что это коммунисты и комиссары».

Я слышал раньше, что в решительные моменты мозг человека может работать с быстротой молнии и в одно мгновение приходит к определённом решению. В тот момент я понял, как это происходит. Мозг работал без слов, одними зрительными образами, которые сменяли друг друга, вероятно, быстрее, чем кадры кинематографа. Лишь после всё это оформилось словами, и получилось вот что.

Допустим, я спас свою жизнь, согласившись работать в качестве чертёжника на каком-нибудь аэрозаводе. Самолёт, собранный с моей помощью, летит над Коренево и сбрасывает бомбы там, где находится моя семья. А если её нет уже в живых, то такие же мои соседи, их дети! Я мобилизован в армию, где каждую минуту мог быть убит, как многие тысячи других бойцов. До сих пор не случилось этого, значит, до сих пор я был счастлив. Теперь настал момент, когда я больше не могу жить, не убивая тех, кого должен защищать. Значит, пришла моя очередь умереть. Вместе с четырьмя врачами (двое из них евреи) и многими санитарями вышел из строя и я. «Коммунист и комиссар».

Однако угроза по отношению к нам не была выполнена. Врачи (кроме одного) и санитары продолжали свою работу, и нас перебросили в лагерь города Холм.

Много ли их было, изменников родины?

Обширная площадь, занимаемая лагерем, была поделена колючей проволокой на отдельные дворы – блоки. В каждом блоке – по десять-двенадцать барачных-землянок. В каждом бараке – по 300-350 военнопленных. Вся эта масса внутри одного блока свободно общалась, никто не стеснялся выражать свои антифашистские настроения и никто никогда не стал жертвой доноса. Мы хорошо знали, кого из лагерных переводчиков нужно остерегаться. Пленные-перебежчики содержались в особом блоке, исчислялись они единицами и среди нас никогда не показывались из-за боязни за свою неприкосновенность.

Был у нас свой поэт – Сашка Лунёв, сочинявший памфлеты на Гитлера и пускавший их в ход на наших самодеятельных вечерах, устраиваемых после отбоя ко сну. Певцы, декламаторы, рассказчики, заносили сюда, в бараки, дух далёкой и близкой Родины.

В нашем бараке помещался оркестр, попавший в плен вместе с инструментами и долгое время отказывавшийся сдать их немецким властям. Когда немцы предлагали исполнить их гимн, капельмейстер отказывался и от этого. Очевидно, какие-то практические соображения удерживали немцев от применения насилия.

Я был в дружественных отношениях с музыкантами, с Сашкой Лунёвым, с теми переводчиками, которые открыто проявляли свои патриотические настроения и со всеми, с кем постоянно соприкасался. Иногда по протекции какого-нибудь переводчика лагерный солдат-немец совал мне фотографию жены или сына – увеличить от руки. За это я получал буханку хлеба и, по договорённости, бумагу, краски, карандаши для собственных занятий рисованием. Это ни у кого не возбуждало зависти и не вызывало подозрения в связи с врагами. (Так, между прочим, смотрели на это и органы, производившие проверку после моего освобождения из плена).

Колька Пикировщик

Ещё в Житомире всеобщее внимание на себя обращал полицаи, прозванный Пикировщиком за «пикирование», то есть налёты на котёл за получением супа сверх нормы. (Эти незаконные порции он раздавал «доходягам»). Низкого роста, плотно сложенный, он как шар катался перед строем и, щёлкая в воздухе плёткой, кричал: «Засеку!» и подкреплял свою угрозу убедительными словами. С этой «грозой» я близко познакомился в Холме, когда, получив разрешение заниматься искусством в особом домике, я лепил статуэтку, а он заходил поглядеть и поболтать. Тут, наедине, он рассказал, что он студент какого-то института, пошёл в армию с четвёртого курса, а попав в плен, пользуясь своими развитыми бицепсами, выдаёт себя за грузчика, и что грозный вид принимает только для маскировки. «Если тебе не хватит супа, говори, я всегда котелок достану», – заключал он.

Однажды он вошёл ко мне спешащей походкой и конспиративно сообщил: «К тебе придёт немецкий офицер с предложением работать чертёжником на немецком заводе. Если, гадина, согласишься – своими руками задушу!»

Опасения его были напрасны, но предложение, сделанное невзначай, могло бы вызвать ненужные осложнения. Предупреждение же позволило мне подготовить версию, которая вполне убедила вербовщика. Да, я преподавал в советской школе черчение, но – какое? Вы видите: я скульптор и учил детей на скульптурно-архитектурных формах: различного рода ордерах, карнизах, розетках, а в механическом черчении я ровно ничего не понимаю.

Предупреждение и то, как оно было сделано, подтвердило мне искренность тех признаний, которые Николай выразил мне наедине. Я признал в нём подлинного советского человека и друга, которому можно всё доверить.

Прошли недели, может быть, месяцы. Приходит ко мне Николай и просит проводить его в дальний путь. Куда? – удивился я. – Завербовался в РОА. – То есть, как же так? – Я знаю, что делаю.

Мне стало ясно, что у него созрел определённый план, и для его осуществления нужно было воспользоваться любой дырой, чтобы выйти за колючую проволоку. Крепкие объятия, горячий поцелуй, обильные слёзы и подарок – тёплые носки, в которых он больше не нуждался, подтвердили мою догадку. О подробностях ч не стал расспрашивать из чувства такта и осторожности, так как при известных обстоятельствах это могло бы ему повредить. Да и что значат подробности там, где обнажена чистая совесть человека?

Viktor mit Bart

О том, что мне будут предлагать работу чертёжника, меня предупредил через Николая, безусловно, старший переводчик Виктор Алексеевич, которого немцы называли «Виктор мит барт» - усатый Виктор. Инженер по образованию, советский интеллигент по духу, Виктор Алексеевич умело пользовался своим положением для того, чтобы в трудные моменты помогать советским людям. Во всей его группе переводчиков и других лиц обслуживающего персонала действовало правило круговой поруки и единопоручия.

Однажды, часа в два ночи, все бараки нашего блока были подняты по тревоге. При слабом свете лагерных фонарей всё население лагерных барачков построено, началась перекличка, пересчёт, обыск внутри барачков. Больше всех суетился, конечно, «Виктор мит барт». Оказалось: ночью, при весьма загадочных обстоятельствах, ушли из лагеря три человека из числа подчинённых Виктора Алексеевича. Проволока нигде не повреждена, подкопов нет, лагерная стража из немцев стоит на местах, ворота закрыты, а ребята ушли. И – бесследно.

Ещё один Николай

Как-то в дождливый осенний день, когда, как сказал один лагерный немец, «Alles grau: Erde und Himmel, und Baracke und Leute», я сидел в своей относительно уютной «мастерской» и занимался вопросом наилучшего способа смешения акварельных красок или чем-то вроде этого, как дверь открылась и на пороге показался совсем юнец, которому нельзя было дать и 18 лет, и сказал, что его направил ко мне старший переводчик. Он только что прибыл с транспортом военнопленных, по имени Николай Куприянов, лейтенант, раненый в ногу, художник и, как таковой, рассчитывает на какую-то мою помощь. В этом жесте Виктора Алексеевича я без труда усмотрел деликатное предложение взять юнца под своё покровительство и присмотр, что мной было принято как приказ, к неуклонному исполнению. С этого момента Николай Куприянов расставался со мной только на время сна, так как ночевал он в другом бараке.

Были моменты, когда, по праву «дядьки», приходилось умерять его склонность к переоценке собственных достоинств как художника, но главная моя педагогическая задача была более значительна.

Один из барачных был оборудован под «клуб» военнопленных, в котором фактически развлекались лагерные немцы, используя в качестве артистов, певцов, музыкантов – военнопленных. Для женских ролей привозили сюда девушек из женского лагеря. Как-то фельдфебель РОА, заведующий этим клубом, предложил мне с Куприяновым сделать масляными красками портрет генерала Власова в качестве преподношения от лица военнопленных. Я категорически отказался от такого заказа и строго предупредил Николая. Поморщившись, фельдфебель через несколько дней дал нам другое поручение: сделать плакат – воззвание о вступлении в РОА с печатного листа, который, как сказал фельдфебель, имеется всего в одном экземпляре и должен быть сохранён как зеница ока. Для удобства расположиться с большим листом он предоставляет нам помещение клуба, а сам уезжает в двухнедельную командировку. Воспользовавшись предстоящим представлением в клубе, мы растопили «единственным экземпляром» буржуйку, а фельдфебелю доложили, что артисты после спектакля использовали его для удаления грима с лица. Досаде и возмущению фельдфебеля не было предела, но зато он больше не обращался к нам ни с какими поручениями.

И ещё один Николай

Недалеко от лагеря находился лазарет для военнопленных, нуждающихся в поправке здоровья. Когда мои товарищи по бараку узнали, что мне предложили пойти пожить там, то наперебой стали расхваливать и советовать обязательно воспользоваться счастьем, которое не каждому на долю выпадает. Там-де суп варят из чистой картошки (в лагере варили с кожурой), и едят не из котелков, сидя на койках, а из тарелок, за столами. Постели чистые, и одеяла, и подушки. Двор весь засажен разными цветами, обхождение... Ну в общем рай среди ада. Отдохнёшь.

Но в то время как одни от души советовали, другие стали надо мной злобно подшучивать, явно изменив ко мне отношение. В чём дело – я не понимал и объяснял это завистью, и тоже отвечал недовольством. Узнал лишь после того, как попал в лазарет.

Ровно на второй день к койке, где я лежал, подошёл товарищ и сказал: «Смотри, браток, тебя будут агитировать поступить в немецкую армию. Я поблагодарил и стал ждать, что будет. Назавтра действительно меня навестил агитатор и, сказав несколько слов в защиту «справедливости» гитлеровского дела, вручил мне брошюрку: «Прочитайте, подумайте и записывайтесь. Вы как художник принесёте пользу правому делу». И он ушёл, а брошюрка легла под подушку. При следующем появлении агитатора она была возвращена как совершенно для меня непонятная и неприемлемая.

Ознакомившись с составом населения лазарета, я встретил там почти исключительно представителей интеллигенции: инженеров, артистов, музыкантов, профессоров, художников или специалистов-мастеровых, то есть людей, которые в силу своей квалификации могли бы быть использованы в Германии. Мне сказали, что здесь идёт идеологическая обработка и вербовка желающих... Об «успехах» этой работы я имел случай получить представление.

В лазарете я застал двух художников, один из них был Николай Чеботарёв или что-то вроде этого. Однажды, когда мы сидели вдвоём, о чём-то беседовали, к нам подошёл начальник госпиталя и, показывая моему собеседнику какую-то бумагу, предложил собраться в путь. Мой собеседник, сразу обмякший, попытался переадресовать вызов на моё имя, но начальник госпиталя не мог ошибиться, и ему всё-таки пришлось вслед за «А» сказать «Б». На мой вопрос, в чём дело, в какую историю он хотел меня втянуть, этот Николай признался в следующем. Ища места потеплее, он послал в редакцию газеты для военнопленных карикатуру на Сталина и предлагал свои услуги в качестве сотрудника газеты. Теперь же, поразмыслив и осознав, какую ошибку допустил он, отец двоих детей, хотел подменить себя мною, пользуясь сходством наших инициалов (Н. Ч.), которыми была подписана и его карикатура – он её мне показал. Насколько отрадны были слёзы надежды и риска Николая Пикировщика при расставании со мной, настолько гнетущи и тягостны слёзы раскаяния этого Николая. То, что он только что хотел преподнести мне, я ему простил. Но и до сих пор мне тяжело сознавать, что в нашей стране бывают такие неразборчивые и легкомысленные люди.

После того, как я отказался выполнить какое-то поручение начальника госпиталя «в благодарность за заботу», я был возвращён в лагерь, и суп с картофельной кожурой показался мне более вкусным, чем «чистый» суп госпиталя.

«Шуба!»

Примерно в конце июля 1944 года наш лагерь был снят и с кратковременной остановкой в Кельцах был переброшен в Скерновицы, где

мы использовались как рабочая сила на разборке зданий военного городка. Один месяц стоянки здесь оставил много незабываемых впечатлений.

Казармы, где мы теперь располагались, стояли впритык с усадьбами поляков, и высокие заборы не служили непреодолимым препятствием для товарообмена: наши ребята, с помощью немцев же, доставали на немецких безучётных складах носки, ботинки, нитки и выменивали у поляков на булки, водку. Бывало, что немец-конвоир выводил «купцов» с товарами за проволоку и сам стоял на часах, пока в овраге производился торговый обмен. Один немец-ездовой вывозил военнопленного из лагеря в своей бортовой таратайке. Тихими тёплыми вечерами устраивались концерты дружеских контактов с поляками. Оркестр, который продолжал держать инструменты в своих руках, располагался в нашем дворе и исполнял в основном польскую музыку, а поляки выносили стулья и скамьи, превращая свои сады и огороды, отделяемые от нашего двора одним забором, в зал для слушателей. Когда мы проходили колонной от своих казарм до места работы, поляки бросали нам сигареты, спички, булки. Однажды заметил это немецкий офицер и строго запретил своим солдатам допускать такое. Тогда поляки изменили тактику: набрав полную корзину подарков, кто-нибудь переходил нам дорогу почти вплотную, быстро высыпал всё на землю, и передние в колонне подбирали. Один немец-конвоир собирал наших ребят в кружок, доставал из-за голенища сапога партийный билет и вёл агитацию в духе: «Гитлер капут». Накрыл его на связи с нами офицер, посадил в карцер. Через неделю он снова появился между нами: «Eine Woche voruber»...

На разборке высоких стен зданий стояли молодые ребята, которые по желобам спускали кирпичи вниз, а кто послабее, вроде меня, принимали кирпич и относили в штабеля. За работами присматривал немецкий фельдфебель, добродушный старичок, повторявший беспрестанно «помалу, помалу» – чтобы, чего доброго, ребята не переутомились. Ребята пользовались такой поблажкой с толком и больше лежали, греясь на солнышке, чем работали ломом, но и не хотели подводить под неприятность конвоира: на страже у них стоял свой часовой, которому далеко видно было приближение офицера, и тогда он выкрикивал условное: «Шуба!» По этому сигналу все вскакивали с мест и начинали усердно работать.

Фельдфебеля заинтересовало не раз слышанное слово, и он спросил: «Was ist Schuba?» Ему растолковали к его неописуемому удовольствию, и теперь, стоя на посту, он при появлении офицера уже сам кричал: «Шуба!»

Здесь же, у этих стен, происходило братание с молодыми штрафниками немецкой армии: они выполняли ту же работу и имели возможность под укрытием стен вести беседы с нашими ребятами. В результате – «Мы только до фронта – говорили они, – а там воевать не будем». Нет ничего удивительного, что проходя по улице города, иногда наша колонна с головы запевала: «Москва моя, любимая», и когда передний конвоир командовал: «Отставить», – та же песня запевалась в хвосте.

Но я сам видел приклеенное к забору объявление о расстреле сорока поляков за убийство одного немца. Польский инженер, с которым я встречался на работах, рассказывал, как изгоняют в школах польскую культуру, язык, как мучили в застенках его жену. В последний раз, сказал он, с одеждой она передала прощальную записку. Наверное, теперь её уже нет в живых. Один конвоир как о должном говорил о том, что Бетховен запрещён в гитлеровской Германии, и был удивлён тем, что в стране «низшей расы» – Советском Союзе – тот же Бетховен пользуется всенародным почётом. С его точки зрения это анархия и беспорядок.

«Карантин. Тиф»

В начале сентября весь наш лагерь сквозным поездом через Германию был переброшен в Эльзас-Лотарингию и размещён в казармах бывшей знаменитой «Линии Мажино». Шли разговоры, что порядки здесь самые жестокие, так как всё лагерное начальство – из капиталистов, засевших здесь, в глубоком тылу, при помощи откупа (не в пример старичкам и полуинвалидам, списанным с фронта, как это было в Польше). А место окружено угольными шахтами, потребность в рабочей силе большая. Действительно, нас то и дело пропускали через медицинскую комиссию, и хотя врачи – почти всегда поляки – не очень старались обеспечить немецкие шахты рабочей силой, всё же известная часть военнопленных убывала. Я помещён был в госпиталь из-за общего состояния и миокардита.

Но в одном отношении обстановка здесь существенно отличалась от того, что было в Польше: здесь мы по временам слышали гул бомбёжек, сначала со стороны Саар-Брюкена, который находился от нас в сорока километрах (по ночам можно было видеть и зарево), а потом и со стороны Меца: приближался Западный, союзнический фронт. С некоторых пор канонада в стороне Меца сделалась устойчивой, ежедневной, иногда в воздухе появлялся самолёт, но не было никаких признаков движения фронта. Но вот однажды над нашим лагерем, чуть не цепляясь за крыши, пролетел американский самолёт, сбросил лёгкую бомбу. Немцы стали спешно выкладывать из белых плиток на открытой площадке опознавательный знак лагеря военнопленных. А в одно прекрасное утро мы проснулись и не поверили глазам своим: в лагере нет ни одного немца, все ушли. Командование лагерем приняли на себя польские врачи. Питание сразу улучшилось, однако грозила опасность быстрого уничтожения продовольственных запасов, а когда придёт новый хозяин – неизвестно. Второй заботой нашего командования было – не допустить возврата немцев. Над входом в лагерь была повешена табличка с надписью: «Карантин. Тиф». И эта мера некоторое время действовала: немецкие солдаты не рисковали заходить к нам. Но через неделю распространилось предупреждение: лагерь посетит немецкий врач. Всем здоровым лечь на койки, укрыться одеялами, стонать и охать. Безногим и безруким выполнять роль санитаров – ухаживать за «больными». Я лежал, симулируя тяжёлое дыхание, ни жив ни мёртв, ожидая, что немец подойдёт и скажет: «Поставить ему термометр». Но этого,

к счастью, не случилось. Ни с кем. Дня через три немцы снова ушли и уже не возвращались. Весь лагерь с трепетным волнением ждал неизвестного, которое вот-вот должно обрушиться и изменить всё. Вечером 23 декабря 1944 года разведка донесла (да, у нас была своя разведка), что ранним утром здесь начнётся бой. Бой начался, чуть стало сереть. Обе стороны перебрасывались снарядами и минами через наши головы. Было несколько случаев недолёта, были жертвы. Каждую минуту каждый из нас ожидал того же, но ощущение страха совершенно отсутствовало. Было одно желание – освободиться из неволи, и было сознание, что единственный путь к этому лежит через эту смертельную опасность.

Часам к трём дня бой прекратился. Ружейной стрельбы почти не было. Немцы отступили, и мы впервые увидели американских солдат.

Хлеба и безопасности!

Проголодавшаяся и истощённая братва ожидала, что американцы до отвала накормят нас праздничным обедом (25 декабря – Рождество), а те стали только дразнить: пищу давали разнообразную и 5-6 раз в день, но в таком мизерном количестве, что нечем и облизнуться было. И даже самым простым – хлебом не накормят! В сутки один раз дают не больше 70 граммов белейшего пшеничного хлеба. Это нам-то, русским людям? После долгих настоятельных разговоров порция была удвоена. Но и это ни в какой мере не удовлетворяло. Конечно, может быть предосторожность была несколько преувеличена, но она нужна была: были случаи, когда излишне съеденное становилось причиной гибели отощавшего человека. Так или иначе, через три недели истощённые организмы стали приходить в норму и обиды прекратились.

Другой вопрос, которым мы чуть ли не больше осаждали англо-американское командование, касался немедленной эвакуации в безопасное место. Страх, что немцы могут вернуться и опять захватить нас, был сильнее всего на свете.

Никакие уговоры американцев не имели ровно никакого воздействия, и на третий день началась наша эвакуация в северную часть Франции. После лотарингского лета каким-то сюрпризом показался ровный чистый снежок, покрывший наутро землю при нулевом морозе и абсолютной тишине. Как в сказке поднималось улыбающееся солнце и обещало к десяти часам слизнуть невзначай заблудившуюся белую пыль. Не смолкая чирикали воробьи на ветках деревьев и кустарниках, возбуждённые не то снегом, не то солнцем, не то появлением невиданного эшелона незнакомцев, перед которыми бегал с поднятой рукой, встречаемый дружным смехом, какой-то болгарин: «Русская армия, смир-р-р-но!»

На первую более или менее длительную стоянку стали в городе Тул. Многотысячный лагерь состоял из людей разных национальностей: русских, украинцев, белорусов, болгар, югославов, чехословаков, итальянцев (отказавшихся воевать на русском фронте и содержавшихся у немцев на положении военнопленных). Размещались в каких-то казармах, по-видимому,

военного городка. Когда нужно было выбрать старших по комнатам, то я вдруг оказался спорным кандидатом. Украинцы и белорусы говорили: «Наш Николай!» И татары говорили: «Наш Николай!» Мне не хотелось обидеть ни тех, ни других. Пересилили более напористые татары. Но после того как они стали ящиками таскать вино с американских складов, не обращая внимания на мои запреты и проводя на своём языке совещания, в которых я не мог принимать участия, я ушёл от них в украинско-белорусскую группу.

Однажды в клубе был организован интернациональный концерт. Я принял участие большим портретом Сталина, нарисованным по памяти, чем произвёл сильное впечатление на иностранцев.

Марсель

Последним местом нашего пребывания во Франции была деревня Шемпанье, расположенная километрах в семи – восьми от Марселя.

Жили в бараках, в сосновом лесочке. Наше командование проявило особую заботу обо мне, как о художнике, поселив в особом отделении барака и дав в качестве «денщика» комсомольца Николая Ерофеева с Орловщины, на обязанности которого было протапливать помещение и позировать. Здесь я принялся за осуществление давнего замысла: воссоздание потрясающих картин плена по собственным впечатлениям и рассказам старого санитаря. Появился ряд карандашных эскизов. Я получил также возможность выходить на зарисовки, а иногда пешком отправляться в Марсель – посмотреть город, купить бумаги и красок.

Все эти экскурсии совершались обычно с молодым художником по имени Григорий, много курившим, но во всём остальном сдержанным и трезвым. Теперь непонятно, как не зная языка мы могли ориентироваться в таком огромном городе, покупать, торговаться, попадать на нужный трамвай и к вечеру возвращаться домой.

Почва в окрестностях Марселя представляет красную каменистую глину, на которой ничего не растёт кроме мелких пиниевидных сосен. В трещинах водятся скорпионы. В километре от нас протекал ручей – серный источник, по берегам которого бушевала растительность – трава, кустарник, отдельные деревья. Туда мы часто ходили рисовать и наслаждаться живым пейзажем. Но ещё интереснее было бродить по живописнейшим окрестностям и встречаться с людьми.

Особую красоту и своеобразие пейзажу в этих местах придаёт скалистый рельеф с бесконечным разнообразием форм и комбинаций. Скалы то поднимаются вдруг причудливыми нагромождениями, преграждая дорогу путнику и не неся на себе никакой растительности, то переходят в пологие холмы, по склонам которых стелются виноградники, взмывают вверх кипарисы, пасутся козы; небольшими хуторками или в одиночку разбросаны, точно карточные, домики. Селения встречаются часто – через каждые два-три километра, но зато они небольшие и связаны между собой мощёными и асфальтированными дорогами. О грязи и лужах здесь понятия не имеют ни в

какое время года. Дорога не поднимается и опускается, подчиняясь рельефу, а то и дело пересекает холмы и скалы, образуя искусственные ущелья.

В маленьком городке-деревушке Шемпанье поражают экономические контрасты. Рядом с гранитным трёхэтажным богато облицованным домом стоит полуразвалившаяся халупа с позеленевшими стенами, разрушившейся крышей. Редко-редко когда по улице проедет легковая машина. Но постоянно встречаются старички и старушки, толкающие перед собой небольшие лёгенькие тачки – обычный здесь вид ручного транспорта, с которым ходят даже в магазин за покупками. Можно встретить и босых, оборванных мальчишек и девчонок. Была у нас с Григорием целая стайка таких знакомцев. От американцев мы регулярно получали, кроме продуктов питания, сигареты, жевательную резину и конфеты. Сигареты я продавал французам, переводя на краски, а лакомствами, так же как и Григорий и многие другие товарищи, любил баловать детвору, с которой мы конечно в совершенстве понимали друг друга и без языка.

Марсель – огромный красивый город, с несколько вольной планировкой, со множеством памятников, скульптур, фонтанов, аллей, бульваров и площадей, кафе и магазинов, с обширной пристанью, где причаливают сотни кораблей разных мастей, калибров и национальностей, а по берегу движутся толпы самых разных типов, цвете кожи, костюмов и говора. К услугам молодёжи, праздных и ищущих развлечений – обширная площадь с каруселями, качелями, аттракционами. Вот помост, обнесённый перилами. На нём много одноместных тележек, автоматически движущихся, но управляемых. Одна тележке от другой на расстоянии не больше пяти шагов. И вот когда они все занимают публику и начинают двигаться в разных направлениях, то седоки, избегая столкновения с одной тележкой, тут же сталкиваются с другой и получают удар сзади или сбоку от третьей; подаваясь назад, попадают в новую непредвиденную ситуацию. Этот аттракцион доставляет столько удовольствия играющим, вызывает столько веселья и смеха, что в воздухе стоит сплошной хохот. Катаются люди всех возрастов, и все переживают состояние детства. Билет в кинотеатр годен не на один сеанс, а на день, пока идёт картина, так что, посмотрев фильм, можно остаться в зале и посмотреть ещё раз его повторение. Так и делали многие французы, когда шёл советский фильм «Радуга».

Заходили мы с Григорием в музей, но там оказались пустые стены, в которых дежурят пожарники в касках, а все ценности, как нам объяснили, вывезены фашистами. Пытались через советского консула в Париже добиться разрешения на поездку в Лувр, но безуспешно: и там жизнь была дезорганизована дыханием войны.

Нужно сказать, однако, что все эти наиболее приятные события в период плена не стали возможными сразу же после освобождения 24 декабря 1944 года: сначала мы содержались за американской колючей проволокой в такой же неволе, как и за фашистско-немецкой. За проволоку нас не выпускали, советским властям о нашем лагере не сообщали и наши письма и

телеграммы задерживались американским лагерным начальством. Советский военный атташе приехал принимать лагерь только после того, как группа лазутчиков из военнопленных, воспользовавшись благорасположением стоящих на постах солдат, ночью вышли из лагеря и сообщили русским представителям о существовании и местонахождении лагеря.

Через шесть морей

В конце апреля 1945 года началась подготовка к транспортировке на Родину: медосмотр, комплектование партий. Волнение. Ожидание. Версии. Какой будет переправа морем, которого никогда своими глазами не видел. Говорят, предыдущий транспорт попал в шторм. Или: сильно качало... Перенесу ли я морскую болезнь?

Наконец, наша очередь. Нас будет везти большой английский пароход, зафрахтованный американцами. Церемония восхождения на палубу – без головных уборов – священный момент. Наставления о поведении в пути. Раздача спасательных подушек и лимонной кислоты, на случай морской болезни. У нас будет русский начальник эшелона, подполковник, и американский – командир корабля.

Применяясь к психологии представителя капиталистического мира, от которого во многом зависит приятность путешествия всего эшелона, подполковник предлагает мне заняться портретом командира корабля - на память и в благодарность от спасённых советских военнопленных. Это дало мне возможность провести несколько приятных часов в каюте, в которую доступ обыкновенным смертным невозможен.

Вышли в открытое море к ночи, и никто не смог рассмотреть его толком до отбоя. Море показалось нам в своей дневной красоте только назавтра. Глубоко синее, как кристаллы железного купороса, Средиземное море целый день плескалось о боры парохода трёхметровыми волнами, исчезающими на следу за кормой корабля. Однообразие вида и звуков навевало несносную тоску, нужно было активно сосредоточиться на чём-то. Этюд! Беру бумагу, акварель и приспосабливаюсь на своём походном стульчике у края палубы...

И были другие моря, и в них – иная вода, в каждом – своего особого цвета: то зелёно-бирюзового, то какого-то пёстрого (Мраморное), то грязно-бурого. Некоторые утверждают, что в чёрном море вода такая же синяя, как везде, но я видел в нём воду и цвета грязной глины, и совершенно чёрную, как нефть. Цвет воды меняется от состояния погоды и освещения, но всё же чёрного цвета я не встречал больше нигде, поэтому считаю, что название Чёрное море имеет совершенно реальную основу.

Одесса

Одесса встретила нас сначала белыми-зелёными берёзками, но, сойдя на берег, нам пришлось совершить путь позора, выслушивая проклятия от женщин, многих с детьми, натерпевшихся от фашистов и видящих в каждом военнопленном изменника Родины. Нужно сказать, что и работники контрразведки, проводившие первую проверку «на ощупь», вели себя не

более деликатно. Через пару дней меня разыскал Николай Куприянов. Он уже был с лейтенантскими погонами, но тем не менее очень волновался и просил меня подтвердить, что у немцев в плену никем не работал. Проверивший офицер встретил нас добродушной улыбкой: «Ну что, всё-таки привёл свидетеля?»...

Я прошёл капитальную госпроверку уже через несколько недель в городе Коростени по первой категории (полная реабилитация) и зачислен в запасной стрелковый полк, где и пробыл до момента демобилизации старших возрастов, занимаясь карандашными зарисовками природы и людей. Все рисунки, вывезенные мной из плена, а также бумага, краски, кисти, приобретённые в Польше и Франции, мне были возвращены при отправке домой и частично послужили материалами для выполнения работ, задуманных ещё во время пребывания в плену.

Опять в Коренево

Из армии я возвратился домой по мобилизации 1-й очереди (старших возрастов), 25 августа 1945 года. Кругом – следы войны и оккупации, разруха и запустение. От дома осталась половина, жена и дети в лохмотьях, есть нечего, всё жизненно необходимое достаётся с великим трудом. Не время было пользоваться правом на отдых. С первого сентября я уже работал в той школе, из которой был взят по мобилизации...

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ПОБЕДЕ

Коровин В.В., Манжосов А.Н.

ИХ СУДЬБЫ В ЕДИНУЮ СЛИТЫ... (СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА, ПОГИБШИХ В ДВУХ ВОЙНАХ)

Изучая уже далекие события Первой мировой войны, вспоминая имена курян, павших в ходе боев в Галиции, Польше, Прибалтике, мы не часто задумываемся о судьбах их родных и близких, о детях или внуках, отдавших жизни в борьбе за Родину в ходе ожесточенных войн XX столетия. Исследуя документы Государственного архива общественно-политической истории Курской области, нам удалось ознакомиться с биографиями курских железнодорожников М.С. Салова и А.Я. Малыхина, отцы которых погибли в годы Первой мировой войны.

Волей судьбы Михаил Стефанович Салов и Андрей Яковлевич Малыхин в суровые годы Великой Отечественной встали в строй защитников Родины, отдав жизни во имя ее свободы и независимости. Оговоримся, что сведения о погибших защитниках Отечества разных лет достаточно краткие, но другими курские архивы не располагают.

В своей автобиографии помощник машиниста паровозного депо Курск-Западное железной дороги им. Ф.Э. Дзержинского Михаил Стефанович Салов в 1937 г. указывал: «Родился 11 января 1907 г. в семье крестьянина

слободы Казацкой. В 1914 году отца – Салова Стефана Даниловича забрали на империалистическую войну, где он вскоре пропал без вести...»¹

Трудовая жизнь сиротского паренька Михаила Салова типична для сотен тысяч его сверстников, потерявших своих родителей во время Первой мировой войны. С 1919 по 1921 гг. он работал в Курске учеником печатника в типографии епархиального училища, до 1932 г. – чернорабочим, поденщиком, а также печатником в городской типографии. В 1932-1936 гг. обучался на дневном отделении в Курском техникуме тягового (паровозного) хозяйства². После его окончания трудился в 1936-1937 гг. помощником машиниста в депо Малая Вишера Октябрьской железной дороги³.

В октябре 1924 г. М.С. Салов вступил в комсомол, в 1929 г. – был принят кандидатом в члены ВКП(б). Как отмечал он в автобиографии, в 1930 г. исключался из кандидатов партии «за высказанное личное мнение о том, что проводить коллективизацию рано, нужно подготовить политически крестьянство, а после его коллективизировать»⁴.

Через несколько лет Михаил Салов был восстановлен в числе кандидатов в члены ВКП(б) городской контрольной комиссией. В 1937 г. он был откомандирован в депо Курск-Западное, где работал в должности помощника машиниста паровоза. В характеристике, подписанной начальником депо В.А. Билимом, указывалось: «Один инициаторов движения «За здоровый паровоз». Активно участвует в общественной жизни»⁵.

29 сентября 1938 г. бюро Кировского РК ВКП(б) переводит его из кандидатов в члены партии. Интересная деталь его биографии: в числе трех коммунистов, давших ему рекомендацию в партию, была его старшая сестра Евдокия Стефановна Салова – председатель Тимского райисполкома, депутат Верховного Совета СССР первого созыва, член ВКП(б) с 1926 года⁶. В конце 1938 г. помощник машиниста Михаил Салов возглавил комсомольскую организацию паровозного депо Курск-Западное⁷.

В августе 1941 г., уже в первые дни Великой Отечественной войны, машинист депо Курск-Западное М.С. Салов был утвержден бюро Кировского РК ВКП(б) секретарем деповской партийной организации⁸. Вскоре он назначается политработником 2-й роты 1-го батальона Кировского районного полка народного ополчения⁹. Костяк этой роты составляли рабочие Западного паровозного депо.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 2. Д. 145. Л. 6.

² ОАМЖД (г. Курск). Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 91, 92-93.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 2. Д. 145. Л. 8-об.

⁴ Там же. Л. 2, 7.

⁵ Там же. Л. 13-14.

⁶ Там же. Л. 9-об., 11.

⁷ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 29. Л. 26.

⁸ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 2. Д. 157. Л. 7.

⁹ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

Когда немецко-фашистские войска подходили к городу, коллектив депо выступил с инициативой построить бронепоезд и передать его частям Красной Армии¹. Важную функцию организатора строительства бронепоезда принял на себя секретарь парторганизации М.С. Салов. Он участвовал в формировании боевого экипажа, в проведении первых испытательных рейсов на станции Рышково².

2 ноября 1941 г. ополченцы Западного депо заняли оборонительные рубежи на восточной окраине города. Целый день они вели бой с превосходящими силами гитлеровцев. 4 ноября 1941 г. бойцы народного ополчения влились в 395-й гвардейский стрелковый полк 2-й гвардейской стрелковой дивизии. Документы Кировского полка народного ополчения позволили нам установить, что 5 ноября 1941 г. вместе с 24 бойцами и командирами ополчения политрук М.С. Салов был передан в 160-ю стрелковую дивизию³. Его боевой путь оказался недолгим. По данным Курской областной Книги памяти он без вести пропал 26 ноября 1941 г. в ходе боев на территории Курской области⁴. В документах Центрального архива Министерства обороны РФ значится, что в ноябре 1941 г. полки 160-й стрелковой дивизии вели оборонительные бои у с. Красная Поляна и Сенчуковка (Черемисиновский район), и, не выдержав натиска превосходящего противника, отошли восточнее районного центра Черемисиново⁵.

Дежурный по товарной станции Курск, уроженец Курска Андрей Яковлевич Малыхин родился в 1914 г. в семье легкового извозчика. Его отец Яков Малыхин в 1917 г. был призван в русскую армию и в июне того же года погиб в ходе наступления войск Юго-Западного фронта⁶. В четыре года, после смерти матери, Андрей остался круглым сиротой. С 1932 по 1933 гг. он работал на фосфоритном заводе в Дмитриеве. В апреле 1934 г. возвратился в Курск, где устроился списчиком вагонов товарной станции. В 1934-1937 гг. сменил ряд должностей: весовщика-приемщика, технического конторщика, агента представления грузов. В декабре 1937 г. был утвержден дежурным по товарной станции Курск⁷.

В 1938 г. он был отмечен премией Народного комиссара путей сообщения СССР, в 1940 г. – именными часами начальника железной дороги

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 8. Л. 41; Д. 35. Л. 49.

² См.: Гудок. 1942. 12 августа; Киселев А.В. Бронепоезд «Борис Петрович» // Курский альманах. 1950. № 1. С 98-99.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 7. Л. 98-об. Вместе с М.С. Саловым в 160 СД были переданы начальник штаба полка народного ополчения И.И. Пархоменко, комиссар 3-го батальона И.С. Чернышов.

⁴ Книга памяти. Т. 1. Курск, 1993. С. 175. В ОБД «Мемориал» данные о М.С. Салове отсутствуют.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 13. Л. 7, 12; Ф. 1252. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁶ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

⁷ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 2. Д. 175. Л. 4.

им. Дзержинского¹. Его фамилия в числе активных стахановцев и ударников транспорта упоминалась на III Кировской районной комсомольской конференции (январь 1939 г.)². Как кандидат в члены ВКП(б) А.Я. Малыхин являлся агитатором смены № 3 станции Курск, успешно справляясь с основной работой³. В январе 1941 г. на партийном собрании коммунистов станции Курск Андрей Малыхин был принят в члены ВКП(б)⁴.

Осенью 1941 г. А.Я. Малыхин добровольно вступил в состав 3-го батальона Кировского полка народного ополчения⁵. Он сражался с гитлеровцами в ноябре 1941 г. в числе защитников Курска. Военная судьба А.Я. Малыхина точно не известна. Его фамилия высечена на памятнике работникам станции Курск, погибшим в годы Великой Отечественной войны, также она значится на плитах мемориального знака «В память о боевых и трудовых подвигах курских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», открытого в парке железнодорожников в июле 2013 года. По данным областной Книги памяти он же числится как без вести пропавший в апреле 1943 года⁶.

Ретроспективный анализ сведений о двух поколениях защитников Отечества в период Первой и Второй мировых войн указывает на необходимость сохранения их фамилий в мартирологах павших, на памятниках и обелисках, установленных в честь погибших воинов. Историческая память о трагических и героических событиях XX столетия должна способствовать формированию патриотического сознания россиян в настоящем и будущем.

Бормотова А.Р.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ «КУРСКОЙ ПРАВДЫ»)

Полноценное патриотическое воспитание молодежи XXI века невозможно осуществлять без учета предшествующего опыта становления и формирования системы воспитания подрастающего поколения. В современном российском обществе в рамках дискуссий, разворачивающихся в средствах массовой информации неоднократно предпринимаются попытки

¹ Там же. Л. 4-об.-5.

² ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 29. Л. 17.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 2. Д. 175. Л. 2, 4-об.

⁴ Там же. Л. 1-2. Решение партийного собрания было утверждено на бюро Кировского РК ВКП(б) 14 февраля 1941 г.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 7. Л. 69-об.

⁶ Книга памяти. Т. 1. Курск, 1993. С. 136. Такую же формулировку о факте гибели имеют большинство ополченцев Курска, погибших в боях 1-2 ноября 1941 г. при обороне города. Данные о гибели А.Я. Малыхина в ходе вражеских бомбежек весной 1943 г. не подтверждаются архивными документами станции Курск (ОАМЖД. Ф-2. Оп. 1-Л. Д. 2).

пересмотра истории Второй мировой войны. Данные ревизионистские настроения и трактовки, отрицающие преступность нацистского режима, существенно затрудняют реализацию полноценного патриотического воспитания молодежи.

В подобной ситуации особенно важным представляется формирование патриотического сознания молодежи на базе таких источников, как отечественная и региональная военная история. Изучение истории Великой Отечественной войны приобретает все большую актуальность также и в контексте формирования национального самосознания россиян, воспитания гражданских и патриотических чувств. На это направлена Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 гг.», разработанная в соответствии с Концепцией патриотического воспитания граждан нашей страны¹.

В советский период истории нашей страны воспитанию молодежи и школьников уделялось значительное внимание. Безусловно, патриотическое воспитание детей и молодежи в те годы было слишком политизировано и идеологизировано. Тем не менее, тогда существовала целая система воспитания подрастающего поколения: за пионерской организацией была закреплена функция воспитания школьников, за комсомолом – молодежи. В школах, училищах и других учебных заведениях повсеместно использовались все возможные методы патриотического воспитания. С началом Великой Отечественной войны патриотическое воспитание школьников и молодежи окончательно вышло на первый план и приобрело стратегическое значение в жизни страны. Осуществлялось оно разными методами, в том числе и через печать, как наиболее эффективное средство пропаганды и агитации именно в условиях военного времени (радиоприемники в те годы были не у всех, да и с началом войны многие средства связи, линии радиопередач и коммуникации были разрушены).

Анализируя материалы «Курской правды» периода Великой Отечественной войны, а также архивные источники, можно сделать ряд выводов касательно системы патриотического воспитания школьников в тот период времени. Патриотическое воспитание было плотно переплетено с пропагандой и агитацией, в прессе публиковались материалы, освещавшие подвиги школьников, сынов полков и юных партизан в деле борьбы с врагом, т.е. осуществлялось воспитание на примерах.

Часто в партизанских листовках, а также на страницах газет приводились факты зверств фашистов, разоблачался так называемый «новый порядок», установленный захватчиками на оккупированных территориях. В таких публикациях зачастую фигурировали сообщения о массовом уничтожении фашистами детей и школьников. При всей трагичности

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 5 октября 2010 г. N 795 / Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2010/10/11/patrioty-site-dok.html> (дата обращения: 08.04.2014).

излагаемого материала, эти сводки несли в себе не менее важную в условиях военного времени пропагандистско-воспитательную функцию: развить в школьниках стремление защищать свою Родину, поднять на борьбу с врагом. Некоторые опубликованные материалы содержали прямые призывы и обращения к пионерам, школьникам и комсомольцам. Например, в «Обращении комсомольцев с. Мясоедово, Белгородского района, ко всей молодежи Советского союза с призывом к борьбе против немецко-фашистских оккупантов»¹ видим такие слова: «Дорогие комсомольцы, пионеры, школьники и октябрята!». В данном обращении приводились примеры двух комсомольцев (Спесивцев Алексей и Ушаков Василий), вступивших в партизанский отряд. Шишканов Иван помогал партизанам. Все они погибли от рук оккупантов. И далее: «Слушайте, молодое поколение! Слезами вы не спасете жизнь ваших отцов и матерей, братьев и сестер. Вы должны ежечасно, ежеминутно действовать, безжалостно уничтожать оккупантов, всеми способами и средствами оказывать помощь нашей доблестной Красной Армии.» ... «Все, как один, от октябренка до комсомольца, вся молодежь, подымайтесь грозной силой на священную борьбу против фашистских головорезов и несите смерть гитлеровским ордам!», «Оказывайте помощь действующим партизанским отрядам. Вступайте в партизаны! Уничтожайте коммуникации противника, живую силу его и предателей».

Факты гибели 7-, 10-летних детей зафиксированы в «Акте о расстреле гитлеровцами граждан гор. Курска возле пос. Щетинка, Стрелецкого района» опубликованном в газете «Курская правда»².

Можно привести еще ряд примеров. В «Курской правде» было опубликовано «Письмо воспитанников Суджанского детдома о злодеяниях гитлеровцев и о том, как заботятся о сиротах советские люди»³. В этом письме рассказывается о том, как дети осиротели: как умерла от голода мама Шуры Мирошниченко, как не удалось спасти родителей Зайцева Виктора и т.д.. Письмо заканчивается следующим призывом: «Отцы и братья, о нас не беспокойтесь. Слышите, как о нас заботятся? Скорее гоните немцев из нашей Родины. Вас ждет много, много несчастных ребят на захваченной немцем земле».

Также через прессу пропагандировалось оказание всесторонней помощи фронту. Патриотическое воспитание помогало включать в этот процесс и школьников. Содействие школьников, пионеров и комсомольцев фронту было весьма разнообразным и эффективным. Особый интерес представляют заметки о вкладе школьников в общее дело восстановления хозяйства. В Стрелецком районе в сельскохозяйственных работах участвовали 40 школ.

¹ Курская правда. 1942. 9 марта. Материал обращения использован в статье М. Юрьева, опубликованной в «Учительской газете», № 21 от 20 мая 1942 г.

² Курская правда. 1943. 9 мая.

³ Курская правда. 1943. 16 июля.

Были организованы 92 отряда, в которые входили 1617 детей. Только за 12 дней июня школьники выработали 9500 трудодней¹. Подобные примеры не могли не повлиять на желание помочь в восстановлении сельского хозяйства области.

Такое воспитание приносило свои плоды: по всей стране школьники, пионеры и комсомольцы оказывали безвозмездную и самую разнообразную помощь фронту - от сбора теплых вещей для красноармейцев до пожертвования денег на строительство боевых самолетов, о чем регулярно сообщалось в прессе. И это тоже имело результат, так как таким образом осуществлялось воспитание на примерах, о котором говорилось ранее. Часто встречались газетные материалы, перекликавшиеся с ранее опубликованными. Например, на призыв о сборе денег в помощь фронту откликались школьники и даже организовывали между школами соревнование, что также освещалось на страницах газет. Сбор средств на нужды армии позволял производить строительство дополнительных самолетов и танков, а также других видов вооружения. Комсомольцы Курской области активно занимались сбором денег на строительство самолетов «Курский партизан»². Например, значительное количество средств внесли школьники курской школы №7: за один день вся школа собрала и сдала в Госбанк 3259 рублей, о чем есть заметка в «Курской правде»³.

На основании исследования проблемы путем анализа материалов «Курской правды» за военный период можно также выделить еще несколько видов помощи фронту:

1. Участие школьников в сельскохозяйственных работах, помощь взрослым колхозникам на полях. Это позволяло: во-первых, заменить в поле ушедших на фронт, и, во-вторых, обеспечить армию продуктами питания. Примеры такой помощи находим во многих выпусках газеты «Курская правда» на протяжении всей войны. Школьники, пионеры и комсомольцы активно оказывали различную помощь колхозам, принимали участие в полевых работах⁴, трудились наравне со взрослыми, зарабатывая трудодни⁵. Уже в завершающий период войны в статье «80 миллионов трудодней» подводились некоторые итоги и указывались результаты стахановского труда школьников и пионеров страны во имя общей победы. Более 4 млн. пионеров и школьников работали летом 1944 года на полях. По всей стране они заработали 12 млн. рублей⁶.

Пионеры и школьники принимали участие во всех видах сельскохозяйственных работ, трудились на прорывке свеклы, прополке

¹ Курская правда. 1943. 18 июля.

² Курская правда. 1943. 26 марта.

³ Курская правда. 1943. 28 марта.

⁴ Курская правда. 1941. 28 июня.

⁵ Курская правда. 1941. 25 июня, 3 июля, 4 июля; Курская правда. 1943. 16 июля.

⁶ Курская правда. 1944. 28 октября.

зерновых¹, пахали² и т.д. В «Курской правде» обширно представлены материалы о школьниках на сельскохозяйственных работах, например, в статье «Школьники в поле»³, о помощи учеников колхозам⁴.

Кроме того, в первые месяцы Великой Отечественной войны в Курской области создавались дружины по охране колхозной собственности, преимущественно из комсомольцев⁵. Пионеры также принимали активное участие в этой деятельности – охраняли колхозные поля с полевых вышек⁶. Эти дежурства начинались в 7 утра и были организованы весьма эффективно. Информацию о таких дежурствах также находим на страницах газеты «Курская правда».⁷

2. Организация воскресников в помощь обороне страны. 17 августа и 7 сентября 1941 года были проведены комсомольско-молодежные воскресники, заработанные на них деньги, а также стоимость трудодней отчислялись в фонд обороны страны⁸.

3. Еще одним видом помощи фронту являлась работа пионеров с семьями мобилизованных: проводились дежурства⁹, оказывалась помощь по хозяйству в семьях призванных на фронт, были организованы кружки бытового обслуживания детей фронтовиков¹⁰.

4. Школьники принимали самое активное участие в сборе металлолома и запасных частей для фронта. Например, в марте 1943 года в «Курской правде» было объявлено о проведении декадника по сбору запасных частей и металлолома¹¹. Через несколько дней появились сообщения о поддержке данной инициативы молодежью¹².

5. После освобождения города и области от оккупации приоритетным направлением в деятельности как всего населения, так и школьников в частности, стала помощь в восстановлении разрушенного хозяйства¹³. Комсомольцы помогали восстанавливать колхозные фермы¹⁴, школьники сами восстанавливали свои школы, для чего в образовательных учреждениях создавались строительные бригады¹⁵. Деятельность добровольческих

¹ Курская правда. 1941. 4 июля.

² Курская правда. 1941. 3 июля.

³ Курская правда. 1944. 21 июля.

⁴ Курская правда. 1944. 6 августа.

⁵ Курская правда. 1941. 5 июля.

⁶ Там же.

⁷ Курская правда. 1941. 31 августа.

⁸ Курская правда. 1941. 2 сентября.

⁹ Курская правда. 1941. 9 июля.

¹⁰ Курская правда. 1943. 28 марта.

¹¹ Курская правда. 1943. 27 марта.

¹² Курская правда. 1943. 30 марта.

¹³ Курская правда. 1943. 19 марта.

¹⁴ Курская правда. 1943. 20 апреля.

¹⁵ Курская правда. 1944. 1 февраля.

строительных бригад, их соцсоревнования¹, которые освещались на страницах «Курской правды» также явились ценным источником для осуществления патриотического воспитания подрастающего поколения².

6. Школьники и пионеры повсеместно брали шефство над госпиталями, оказывали им разностороннюю помощь: осуществляли уход за больными³, собирали среди населения медикаменты и продукты питания для раненых⁴ и др. Дети собирали для раненых книги, подушки, кровати, матрацы, различную посуду⁵, навещали раненых в подшефных госпиталях, приносили им подарки: кисеты с табаком, сахар, бумагу, конверты⁶.

Осуществление патриотического воспитания посредством газетных публикаций было весьма результативным. Молодежь активно включалась в дело всенародной помощи фронту, укрепляла единство фронта и тыла, что в итоге помогло нашей стране одержать нелегкую, но великую Победу.

Подводя итог, отметим, что в последнее время наблюдается позитивная тенденция: общество вновь обратило внимание на духовное развитие детей и молодежи и система патриотического воспитания постепенно начинает возрождаться, причем с учетом современных реалий.

Фролов М.И.

ИСТОРИКИ И МЕМУАРИСТЫ ФРГ О КУРСКОЙ БИТВЕ

В немецкой историографии «Восточного похода» Германии, как не редко в ФРГ называют в исторической литературе войну Германии против СССР, значительное внимание уделено анализу крупнейших сражений на советско-германском фронте: Московской и Сталинградским битвам, операции «Багратион», Берлинской битве и др. Куда меньше внимания уделялось и уделяется Курской битве, сыгравшей важную роль в завершении коренного перелома в Великой Отечественной войне и всей Второй мировой войны.

Определяющей тенденцией в немецкой историографии в 50-60-е годы прошлого века было либо замалчивание, либо упоминание вскользь о Курской битве, либо стремление приуменьшить ее размах и значение. Так, в книге Г. Дамса «История Второй мировой войне», в сборнике «Роковые решения», написанном группой бывших генералов вермахта, о Курской битве не было сказано ни слова.¹ В работе Г.-А. Якобсена «1939-1945» ей уделена лишь одна фраза: «...на Востоке Советы после провала последнего

¹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф.Р-3322. Оп. 10. Д. 38. Л. 178.

² Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 828. Л. 1.

³ Курская правда. 1943. 26 марта.

⁴ Курская правда. 1943. 12 марта.

⁵ Курская правда. 1943. 7 апреля.

⁶ Курская правда. 1943. 3 апреля.

германского наступления под Курском (операция «Цитадель») окончательно захватили инициативу в свои руки...»² Такой подход к этому сражению был характерен и для большинства других авторов того времени.

В дальнейшем положение несколько изменилось. Битве под Курском в ФРГ были посвящены специальные монографии. Среди них книги Э. Клинка «Стратегическая инициатива. Операция «Цитадель» 1943» и Я. Пикальковича «Операция «Цитадель», Курск, Орел. Величайшая танковая битва Второй мировой войны». Однако в первой из них, как и в ранее вышедших в ФРГ работах, прослеживается широко распространенная в немецкой историографии версия, призванная приуменьшить историческое значение Курской битвы, утверждается, что немецкое командование в операции «Цитадель» преследовало ограниченные цели и, следовательно, победа Красной Армии под Курском имеет значение лишь для советско-германского фронта. Бывший командующий группой армий «Юг»

фельдмаршал Э. Манштейн в своих воспоминаниях подчеркивает, что провал операции «Цитадель» стал решающим поворотным пунктом лишь на Восточном фронте.⁴ Э. Клинк стремится доказать, что командование вермахта, планируя операцию «Цитадель», стремилось не к захвату утраченной стратегической инициативы, а намеревалось провести под Курском только «ограниченное наступление» с тем, чтобы частично ослабить наступательную мощь советской армии и тем самым укрепить собственную стратегическую оборону. Однако приведенные автором в приложении документы убедительно опровергают это утверждение. К их числу, например, относится обращение Гитлера к солдатам ударных группировок, зачитанное им в ночь перед наступлением. В нем говорилось, что начинается «великое наступательное сражение», которое окажет «решающее влияние на исход войны в целом».⁵

О военно-политической значимости спланированной операции свидетельствуют официальные документы. В оперативном приказе верховного командования вермахта № 6 от 15 апреля 1943 года указывается: «Я (Гитлер – авт.) решил... осуществить первое в этом году наступление «Цитадель». Это наступление имеет решающее значение. Оно должно дать нам инициативу на весну и лето. Поэтому все приготовления должны быть осуществлены с большой осторожностью и большой энергией. На направлении главного удара должны использоваться лучшие соединения, лучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов... Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира... В случае планомерного развития операции начать незамедлительно с ходу наступление на юго-восток («Пантера») с тем, чтобы использовать замешательство в рядах противника».⁶ В. Герлиц писал, что после предполагавшегося разгрома советских войск под Курском Гитлер намеревался «либо снова достичь линии Волги, либо с юга угрожать Москве».

Операция «Цитадель» была не только военной, но и важнейшей политической акцией. «Мы должны наступать из политических соображений», – заявил 3 мая 1943 года на совещании в Мюнхене фельдмаршал Кейтель. На проведении этой операции руководство Германии толкала и общая идея беспощадной войны против СССР. «Здесь, на Востоке, решается судьба... Здесь русские должны быть истреблены и как люди, и как военная сила и захлебнуться в собственной крови», – говорил офицерам танкового корпуса СС Гитлер в апреле 1943 года.

Убедительным свидетельством того, что наступлением под Курском нацисты преследовали далеко идущие цели, являются огромные силы, которые были выделены немецким командованием для проведения операции. К началу операции «Цитадель» перед Курским выступом враг сосредоточил 50 лучших дивизий, в том числе 17 танковых и две моторизованных, 3 отдельных танковых батальона и 8 дивизионов штурмовых орудий, что составило около 70 процентов танковых, до 30 процентов моторизованных и более 20 процентов пехотных дивизий, находившихся на советско-германском фронте. Всего немецкие войска, находившиеся на Курском направлении, насчитывали более 900 тысяч солдат и офицеров, около 10 тысяч орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий, свыше 2 тысяч самолетов.⁹

Под Курск были направлены почти все произведенные в Германии к июлю 1943 года новые танки «Пантера» и «Тигр» и самоходные орудия «Фердинанд», имеющие мощную броню. Они были практически неуязвимы для наших 76-миллиметровых дивизионных пушек. Такая группировка не создается в целях «ограниченного» наступления. Главной целью этой операции являлся захват стратегической инициативы и решительное изменение хода войны в пользу Германии. Героизм и мужество, умение советских воинов, решительные действия Красной Армии опрокинули все расчеты немецкого командования.

Битва развернулась в полосе 600 км по фронту и до 150 км в глубину. В ней участвовали с обеих сторон громадные силы – до 300 дивизий, более 4 млн. человек, свыше 69 тысяч орудий и минометов, более 13,3 тысяч танков и самоходных орудий, до 12 тысяч боевых самолетов.¹⁰ В ходе ожесточенных боев советские войска разгромили 30 отборных дивизий противника, в том числе 7 танковых. Особенно тяжелые потери понесли танковые войска. Главный инспектор бронетанковых войск Германии генерал Гудериан вынужден был признать: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя.... Инициатива окончательно перешла к русским».¹¹ Наступательная стратегия вермахта потерпела крах. С этого времени враг вынужден был взять курс на затяжную войну, перейти к стратегической обороне на всех театрах военных действий. До конца войны немецкие войска не смогли

предпринять ни одного крупного наступления оперативно – стратегического масштаба. 7 августа 1943 года, после окончания Курской битвы, руководитель нацистской пропаганды Геббельс признает, что сейчас германская армия не в состоянии перейти в наступление, поэтому ее основным принципом остается оборона...» Глубину поражения вермахта в Курской битве и всю серьезность ее последствий понимали в ставке Гитлера. «Инициатива полностью перешла к русским, – считали там, – а немецкая армия потеряла возможность восстановить свои потерянные кадры». ¹³

Значение победы на Курской дуге выходит далеко за пределы советско-германского фронта. Ее роль во Второй мировой войне и влияние на весь последующий ход событий огромны. Она наглядно показала всему миру, что крах фашистской Германии неизбежен. В результате победы под Курском и выхода советских войск к Днепру завершился коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны и всей Второй мировой войны в пользу стран антифашистской коалиции. «Этот перелом, – писала газеты «Правда», – осуществлен на советско-германском фронте силами Красной Армии, в стратегическом треугольнике Москва – Сталинград – Курск. Битва под Москвой была его началом, Сталинградская битва – решающей фазой, битва под Курском и на Днепре – его завершением». ¹⁴

Не отрицает этого и ряд немецких авторов. Гудериан, Бутлар, хотя с их высказываниями не всегда можно согласиться, в основном обоснованно полагают, что битва под Курском была «решающим, поворотным пунктом войны», что после Курска инициатива «окончательно перешла к противнику». В. Герлиц считает Курск «началом смертельного кризиса» немецкой армии. ¹⁵ «Битва под Курском и Орлом явилась не только кульминационным пунктом войны на Востоке, – констатирует Я. Пикальквич, – но также решающей битвой Второй мировой войны. Провал операции «Цитадель» знаменовал собой начало последней фазой войны, которая завершалась вступлением Красной Армии в Берлин и подъемом Советского Союза до уровня мировой державы». ¹⁶

Отметим, что некоторые немецкие историки и мемуаристы пытаются доказать версию, что операция «Цитадель» окончилась неудачей для вермахта потому, что высадившиеся в июле 1943 года американо-английские войска в Сицилии заставили немецкое командование отказаться от наступательных планов на советско-германском фронте. Так, Ф. Меллентин считает, что Гитлер под влиянием высадки союзного десанта «потребовал немедленно прекратить наступление». И лишь вследствие этого – действий союзников – положение на востоке стало «критическим». А. Хилльгрубер пишет, что Гитлер отдал 13 июля 1943 года приказ о прекращении операции «Цитадель», чтобы высвободить резервы для обороны на Аппенинском полуострове. Ту же мысль высказывает Л. Грухман. По его утверждению, будто бы 13 июля 1943 года немцы прекратили свое наступление под Курском, чтобы «перебросить силы в район Средиземного моря». ¹⁷

Однако это утверждение не соответствует фактам. Огромные потери на советско-германском фронте в ходе Сталинградской и Курской битв заставили германское командование перебрасывать туда все новые и новые соединения вермахта с Запада. В течение 1943 года на Восточный фронт было направлено 46 немецких дивизий.¹⁸

Чтобы высвободить эти соединения, немецкому командованию пришлось отвести свои войска из Южной Италии на оборонительные рубежи в северной части страны и заменить танковые дивизии на итальянском фронте пехотными дивизиями. Это позволило англо-американским войскам почти беспрепятственно вступить в Италию и продвинуться до ее центральных районов.¹⁹

Высадка союзных войск в Сицилии, по нашему мнению, несомненно, ухудшила стратегические позиции Германии, но она не оказала заметного влияния на ход сражения под Курском. Как же реагировало немецкое верховное командование на высадку англо-американских войск в Сицилии. 10 июля, когда в ставке вермахта стало известно о высадке союзных войск в Сицилии, последовал приказ Гитлера о продолжении операции «Цитадель». На следующий день немецкие войска вновь предприняли попытку прорваться к Курску. По свидетельству бывшего начальника генерального штаба сухопутных войск Германии К. Цейтлера, Гитлер требовал продолжать наступление на Курск даже после перехода советских войск в контрнаступление 12 июля, когда уже многим генералам вермахта было очевидно, что летнее наступление немецких войск потерпело крах. После войны бывший командующий 2-й немецкой армией генерал Г. Хейнрици и военный историк В. Гаук в немецком журнале «Военно-научное обозрение» отметили: «12 июля противник перешел в контрнаступление... В результате продолжение операции «Цитадель» в полосе группы армий «Центр» стало невозможным. А. Гитлер не мог ничего поделать. Ему оставалось только подчиниться обстоятельствам. Кроме того, поведение противника перед фронтом 1-й танковой армии свидетельствовало о его подготовке к контрнаступлению. В этих обстоятельствах А. Гитлер вынужден был 13 июля объявить командующим обеих групп армий, участвующих в операции «Цитадель», что операция должна быть остановлена».²⁰ В журнале военных действий вермахта записано: «Из-за сильного наступления противника дальнейшее продолжение «Цитадели» не представляется возможным».²¹

Советско-германский фронт все это время, несмотря на высадку англо-американских войск в Сицилии, продолжал сковывать основные силы вермахта. В июле, в период наиболее активных действий в Сицилии, с Восточного фронта не была снята ни одна дивизия. Все внимание немецкого командования было обращено на Восток. «Италия оставалась, – отмечали немецкие историки Мау и Краусник, – побочным театром военных действий. Масса германских вооруженных сил была связана в России, вела там длительную, сопряженную с тяжелыми потерями, безнадежную борьбу против постоянно возрастающих сил наступающей Красной Армии».²²

Такова истина, которая опровергает всех тех, кто пытается, в силу определенных соображений или недостаточной опоры на имеющиеся архивные документы, исказить подлинные события на фронтах Великой Отечественной войны, отрицать факт осуществления силами Красной Армии на советско-германском фронте коренного перелома в ходе войны.

Примечания

1. Dahms H. Geschichte des Zweites Weltkrieges – Tubingen, 1966; Роковые решения. М., 1957.
2. Якобсен Г.-А. 1939-1945. // Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. С.49.
3. Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation «Zitadelle». 1943. Stuttgart, 1996; Piekalkiewicz Y. Untemehmen «Zitadelle», Kursk und Orel: Die GroBte Panzerschlacht des 2. Weltkrieges. Bergisch Gladbach, 1983.
4. См. подр.: Каратуев М.И., Фролов М.И. 1939-1945 гг. Взгляд из России и из Германии. СПб, 2006. С. 156.
5. Klink E. Das Gesetz des Handelns S. 329-330.
6. Итоги Второй мировой войны: Сб. статей. М., 1957. С.82.
7. Gorlitz W. Der deutsche Generalstab. Geschichte und Gestalt. 1657-1945. Frankfurta. M., 1950.
8. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. Том первый. Основные события войны. М., 2011. С. 296; Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий / Пер. с англ. М., 1957. С. 326.
9. Ржешевский О.А. Война и история. М., 1984. С. 203.
10. Золотарев В.А. Курская битва: взгляд через полвека // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 279-280.
11. Guderian H. Erinnerungen eines Soldaten. Stuttgart, 1978. S. 280.
12. Цит. по: Гареев М. Оборона на Курской дуге // Свободная мысль. 1993. № 10. С. 79.
13. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашисткой Германии в войне против СССР: документы и материалы. М, 1967. С. 637.
14. Правда. 1983. 6 января.
15. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Пер. с нем. М., 1954. С. 130; Gorlitz W. Der Zweite Weltkrieg. Bd. 11. S.211.
16. Piekalkiewich I. Untemehmen «Zitadelle», Kursk und Orel. S. 7.
17. Gruchmann I. Der Zweite Weltkrieg. Kriegfuhung und Politik. Munchen, 1967. S. 240.
18. Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. М., 1973. С. 265.
19. Золотарев В.А. Указ. соч. С. 280.
20. Heinrici G., Nauk F.-W. «Zitadelle». Der Angriff auf den russichenn Stellungsvorspring bei Kursk // Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1965. 15 Jan. S. 597; Великая Отечественная война. 1941-1945. Том первый. Основные события войны. С. 310.
21. Орлов А., Новоселов Б. Факты против мифов. М., 1986. С. 79-80.
22. Май Н., Krausniek H. Deutsche Geschichte - Sftuttgart. 1956. S. 79-80.

Замулин В.Н.

ИЗ ПЛЕЯДЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ: ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ РОТМИСТРОВ

Среди тех, кто в июне 1941 г. первым встретил на западной границе гитлеровских захватчиков, был и полковник П.А. Ротмистров. Павел Алексеевич принадлежал к небольшой группе военачальников Красной Армии, которые, придя в бронетанковые войска незадолго до войны, благодаря высокой работоспособности и таланту смогли в короткий срок изучить новое дело, а затем, в тяжёлейших условиях Великой Отечественной, приобрести не только навык управления крупными танковыми соединениями и объединениями, но и стать настоящими мастерами военного дела.

Тот, кто впервые знакомится с послужными документами П.А. Ротмистрова, может быть немало удивлён, что первый в Красной Армии маршал бронетанковых войск вплоть до начала 1938 г. никакого отношения к танковым войскам не имел, а всё время служил в стрелковых частях. Но уже через три года он становится заместителем командира танковой дивизии, а затем и начальником штаба мехкорпуса. Столь стремительный взлёт был связан, прежде всего, с политическими репрессиями, развернувшимися в это время в стране и армии. Показателен в этом отношении разговор, который состоялся у подполковника П.А.Ротмистрова с начальником Академии механизации и моторизации РККА в октябре 1937 г. после его экстренного отъезда с Дальнего Востока. *«Меня принял начальник академии дивизионный инженер И.А.Лебедев, - вспоминал П.А.Ротмистров.*

- Как же я буду преподавать тактику танкистам, если не был танкистом? – спросил я у Лебедева.

- Все мы, когда-нибудь не были танкистами. Потребовали обучать танкистов – учим и сами учимся, - хмурясь, отвечал Иван Андреевич.

- Тогда прошу дать мне некоторое время для изучения техники и подготовки к проведению занятий со слушателями.

- Вот это другой разговор, - улыбнулся Лебедев».¹

Как видим, в тот момент, о каких - либо знаниях или элементарной подготовке речь не шла, даже в академиях. Иного выхода не было, срочно требовалось закрывать дыры – гасить ежедневно возникавшие всё новые и новые вакансии.

Преподавательская работа оказалась по душе, Павел Алексеевич глубоко и с большим интересом погрузился в неё. Защитил кандидатскую диссертацию. Но через некоторое время вспыхнул конфликт с Финляндией. В начале 1940 г. по личной просьбе для получения практического опыта его направляют на Карельский фронт. Этот период жизни будущего маршала мало изучен. О нём известно лишь по его воспоминаниям, которые как показывают документы, далеко не полностью отражают события, предшествовавшие выезду на фронт. Годы службы в академии были наполнены не только плодотворной работой. В 1939 г. коммуниста П.А.Ротмистрова исключили из ВКП(б), якобы за связь с «врагами народа». Но он не пал духом, не согласившись с огульным обвинением, направил письмо в Центральный комитет. Разобравшись, его восстановили в партии с сохранением стажа, но всё же объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку. Взыскание не столь строгое, но этот эпизод, безусловно, оказал влияние на его судьбу.

Рассмотрение персонального дела длилось более полугода, всё это время висела угроза ареста и даже после того, как стал известен вывод комиссии. Поэтому не удивительно, что Павел Алексеевич обратился с просьбой направить его на Кольский перешеек. Возможно, на время уехать

¹Ротмистров П.А.Стальная гвардия. М. Воениздат, 1984. С. 40.

из столицы, ему это посоветовали более опытные товарищи. Подполковнику П.А. Ротмистрову предложили должность начальника оперативного отдела штаба 7 армии (А), но он отказался и попросился в боевое танковое соединение. Его назначили начальником штаба 35 лёгко-танковой бригады. Хотя в силу сложившейся оперативной обстановки сначала ему пришлось принять танковый батальон. В боях с финнами он участвовал около двух месяцев - с февраля 1940 г. и до подписания мирного договора в марте. Здесь он приобрёл свой первый практический опыт организации боя танкового тактического соединения в реальных условиях. За успешные боевые действия в «зимней войне» бригада была награждена орденом Красного Знамени, а Павел Алексеевич – орденом Красной Звезды. После пребывания на фронте он вновь возвращается в академию.

В этот период в РККА идёт напряжённая работа по формированию первых девяти мехкорпусов. 9 декабря 1940 г. он получает приказ о направлении его в Прибалтику в качестве заместителя командира 5 танковой дивизии (тд) 3 мехкорпуса (мк), дислоцировавшейся в литовском городе Алитусе. Но в этой должности он пробыл не долго, через полгода, 19 июня 1941 г.¹ его переводят начальником штаба этого же корпуса. Сдав дивизию прибывшему с учёбы в Москве комдиву Ф.Ф. Фёдорову, он убыл к новому месту службы в г. Каунас.

С первого дня нападения гитлеровцев, 3 мк генерал-майора А.В.Куркина попал в тяжёлое положение. Пытаясь сдержать немцев, командование 11А начало бросать в бой одну за другой три его дивизии, ещё полностью некомплектованные материальной частью и без подготовки. Для удержания плацдарма на Немане западнее г.Алетус была выдвинута 5 тд, но её части не успели занять оборону. Во встречном бою с 3-й танковой группой немцев она потерпела поражение и, уже в ночь на 23 июня, оставив Алетус, с четырьмя десятками уцелевших танков начала отходить на Каунас и Вильнюс. Затем противник рассеял 84-ю мотострелковую дивизию. 2 тд планировалось использовать 23 июня на таурагенском направлении во фронтовом контрударе в полосе 8А, но его провести не удалось. 26 июня автоматчики противника прорвались на танках к штабу корпуса. В этот момент в его расположении находился лишь мотоциклетный полк. Бой был ожесточённый и неравный, погибли ряд офицеров, в том числе и командир 2 тд. Связь с 11А оборвалась. В сложившейся ситуации комкор А.В.Куркина принял решение уничтожить все танки, автотранспорт и прорываться из кольца. *«...Тяжёлые испытания выпали на нашу долю, - вспоминал П.А. Ротмистров. - Около двух месяцев продвигались мы через леса Белоруссии, и северной Брянщины на восток, обходя ночами города, деревни и сёла, занятые крупными гарнизонами врага, уничтожая тыловые подразделения гитлеровцев, колонны их автомашин с боеприпасами и различным*

¹ Эта дата указана в учётно-послужной карточке, а в мемуарах П.А.Ротмистров упоминает другую дату - конец мая 1941 г..

*снаряжением. Несмотря на все тяготы и лишения, наши люди не пали духом, не теряли облик советских воинов».*¹

Группа Куркина пробилась к своим 28 августа 1941 г. После перехода через линию фронта, весь личный состав подвергся жёсткой проверке органами военной контрразведки. Это было хотя обычным делом, но и серьёзным испытанием. П.А.Ротмистров относительно быстро прошёл её. Он постоянно был с подчиненными, сохранил документы и оружие, это сыграло свою положительную роль. Вероятно, повлияла и давняя дружба Павла Алексеевича с заместителем Наркома обороны и начальником главного автобронетанкового управления генералом Я.Н.Фёдоренко. Тогда же, Яков Николаевич предложил ему должность начальника штаба управления, но, он отказался и попросился на фронт. И уже 9 сентября 1941 г. вступил в командование сформировавшейся в с.Костерёво (120 км юго-западнее Москвы) 8 танковой бригадой (тбр). Это соединение для будущего маршала стало настоящей школой боевого опыта и командирского мастерства.

Уже во второй половине месяца бригада была направлена на Северо-Западный фронт, в Новгородскую область. После разгрузки на ст.Валдай, практически сходу, она приняла участие в боях совместно с войсками 11 А. В начале октября 1941 г. враг овладел г.Калинин,² перерезав Ленинградское шоссе. В середине октября бригада перебрасывается к Торжку для нанесения удара в направлении Калинина. Однако отбить город не смогли. Ситуация продолжала ухудшаться и 17 октября из войск, действовавших в этом районе создаётся Калининский фронт под командованием генерала И.С.Конева. В его состав вошла и 8 тбр. До начала декабря она удерживала подходы к каналу Москва – Волга на рубеже р.Лама (южнее Иваньковского водохранилища) и обороняла г. Клин.

Измотав врага на подступах к столице, Ставка отдала приказ войскам трёх фронтов 5 декабря 1941 г. начать общее контрнаступление. Согласно плану 30А Западного фронта наносила главный удар в направлении Рогачёва, Спас-Коркодина, Клина. 8 тбр предстояло действовать в составе центральной ударной группы фронта. Войска, заметно пополненные, действовали решительно, и уже через десять дней задача была выполнена. После освобождения Клина бригада вновь была передана в состав Калининского фронта и до окончания контрнаступления продолжала вести боевые действия в его составе.

11 января 1942 г. за мужество и стойкость, проявленные в Московской битве, 8 тбр преобразовывается в 3-ю гвардейскую, а полковник П.А.Ротмистров награждается орденом Ленина. Успешное командование соединением под Москвой дало серьёзный толчок для его служебного роста.

Период с августа 1941 г. по февраль 1942 г. был самый напряжённый для танковых войск. Шла эвакуация на восток оборонных предприятий,

¹ Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М., 1984. С. 55.

² Бывший город Тверь.

поэтому они были вынуждены выживать, численность бронетехники в войсках сократилась до минимума. Танкисты вели бои с численно превосходящим противником в сложных для людей и техники зимних условиях. Сражаться приходилось без поддержки артиллерии и авиации, имея лимит снарядов и горючего. В этих тяжёлых условиях шёл естественный «отбор и кристаллизация» командных кадров. Большинство из тех, кому удалось остаться в живых, в дальнейшем составили костяк командного состава танковых и механизированных войск Красной Армии. Накопленные знания и опыт в последующем позволили им занять достаточно высокие должности в танковых соединениях и объединениях.

Очень важным оказался это период и для Павла Алексеевича. Он впервые достаточно длительное время, более полугодом, самостоятельно командовал танковым соединением, вникал во все детали его боевой жизни и быта, ежедневно планировал боевые действия, управлял войсками в боях, наблюдал, и сам, в определённой мере, участвовал в выработке плана армейских операций. Накопленный опыт ложился на его богатые по тем временам теоретические знания, становясь базой, на которой он рос как командир-танкист и будущий руководитель крупных соединений и объединений.

Возрождение танковых войск РККА началось весной 1942 г., когда с Урала пошла новая техника. Ставка ВГК принимает решение о начале формирования крупных танковых соединений, пока только корпусов. В апреле П.А.Ротмистров принимает командование 7 танковым корпусом (тк). Он формировался в родных краях комкора, в районе г. Калинина. Базой для него стала 3 гв. тбр. Слабым местом соединения являлось наличие большого числа лёгких танков Т-70 и Т-60. Последний имел очень тонкую броню и 20-мм пушку. В то же время вермахт уже провёл модернизацию основного танка Т-4. На нём была установлена длинноствольная 75-мм пушка. Это заметно повысило его эффективность и позволило немецким танкистам перехватить инициативу на поле боя.

Дёбютом для молодого комкора стал контрудар войск Брянского фронта на воронежском направлении в июле 1942 г. Во второй половине июня, в связи с прорывом противника к Острогожску и Воронежу, 7 тк спешно был переброшен по железной дороге в Елец и передан в состав 5 ТА, которая получила задачу: нанести удар по северному флангу германской группы «Вейхс» в направлении Земляндск-Хохол, перерезать коммуникации противника и не допустить форсирование Дона. Но контрудар успеха не имел.

25 августа, после прорыва немцев к Волге, корпус перебрасывается на Сталинградский фронт. Здесь, уже генерал-майор П.А. Ротмистров, вновь ощутил холодок недоверия. В начале сентября 1942 г. 7 тк в составе 1 гв. А участвовал в контрударе с целью восстановить связь с отрезанной в Сталинграде 62 А. Положение складывалось тяжёлое, советской стороне было крайне важно оттянуть часть сил врага от города. Ставка торопила

командование фронта, поэтому контрудар начался без должной подготовки, наступающие войска не имели необходимого прикрытия с воздуха, а в 1 гв. А не было ни одного зенитного полка. Атакующие шли волна за волной, неся огромные потери. По некоторым данным, за трое суток стотысячная армия лишилась половины своего состава, не добившись результатов. А за спинами истекающих кровью соединений бесперебойно работала карающая система, подыскивая виновных стрелочников. Из донесения Особого отдела Сталинградского фронта: *«В течение трёх последних дней 1-й Гвардейская и 24-й армия безуспешно и с большими потерями пытаются прорвать линию обороны противника для соединения со Сталинградскими войсками...Введённый в бой 5 сентября 7-й танковый корпус в количестве 180 танков понёс большие потери и на сегодня в нём насчитывается всего 15 танков. Материалы расследования, свидетельствующие о вине командира этого корпуса генерал-майора Ротмистрова, представлены на месте товарищу Маленкову».*¹

Комиссия во главе с секретарём ЦК ВКП(б) Г.М. Маленковым признала, что корпус поставленную задачу не выполнил и при этом понёс большие потери. Из других танковых корпусов, задействованных в контрударе, поступали похожие документы. Оргвыводы, как было принято после таких расследований, быстро сделали в отношении почти всех командиров соединений, на своей должности остался лишь П.А. Ротмистров. Ставка учла сложную ситуацию, в которой действовал корпус и взяла часть ответственности на себя. Кроме того, сыграл важную роль и субъективный фактор. В ходе боёв командование ряда соединений пьянствовало и не решало стоящие перед войсками задачи. П.А. Ротмистров же демонстрировал личную дисциплинированность, собранность и жёстко требовал того же от всего командного состава. Поэтому, несмотря на тяжёлое положение, развала работы допущено не было: бригады после боёв приводились в порядок, подбитые танки собирались и круглосуточно шёл их ремонт. Обо всем этом было известно проверяющим и, надо полагать, повлияло на решение оставить комкора в должности, несмотря на то, что корпус за три дня потерял боеспособность.

По-настоящему «звёздный час» пробил для П.А. Ротмистрова после окружения армии Паулюса на Волге. С 12 по 30 декабря 1942 г. войсками Сталинградского фронта была проведена успешная наступательная операция по уничтожению группировки врага в районе Котельниковского. 7 тк в ней сыграл важную роль. На заключительном этапе, 28 декабря в 16.00, его бригады с ходу захватили находившийся рядом с поселком немецкий аэродром. Их удар оказался столь стремительны, что противник не смог даже опомниться. На захваченный аэродром продолжали садиться немецкие самолёты, возвращавшиеся с заданий. Этот рывок вывел генерал-майора П.А. Ротмистрова в ряды известных в РККА генералов – танкистов. Он получил

¹ Сталинградская эпопея. М., 2000. С. 167.

очередное воинское звание генерал-лейтенант, орден Суворова 2-й степени за номером 3, а 7 тк был переформирован в 3-й гвардейский.

Опыт боёв 1942 года показал, что для решения задач фронтовых операций, необходимо иметь мощные танковые объединения – армии, обладающие высокой подвижностью, манёвренностью и большой ударной силой. Только им было под силу обеспечить стремительное развитие тактического успеха в оперативный. Первые танковые армии начали формировать еще в мае 1942 года. Они были смешанные, имея в своём составе и танковые и стрелковые соединения. Но эта структура не оправдала себя. Поиск новой формы организации танковых армий шёл не просто. Мнения высказывались разные, часто противоположные по сути. Но в главном все были едины: танковые армии должны иметь оперативную самостоятельность. Поэтому необходимо освободить её от немоторизованных соединений, сделав однородной. Это позволило бы использовать широкий маневр при глубоком прорыве в тыл противника и улучшило управляемость всего объединения.

27 января 1943 г. Государственный комитет обороны (ГКО) принимает постановление № 2799 о формировании танковых армий однородного состава. Оно подвело черту под длительным процессом создания в РККА объединений обладавших тремя важными качествами: мощным вооружением, высокой мобильностью и возможностью эффективно бороться с бронетанковой техникой и средствами противотанковой обороны. А 22 февраля 1943 г. была подписана директива Ставки о формировании двух танковых армий. Командующим одной из них – 5 гвардейской стал генерал-лейтенант П.А. Ротмистров. Объединение формировалось трехкорпусного состава на территории Степного военного округа – резерва Ставки ВГК. К началу летних боёв армия по укомплектованности была одной из лучших в РККА.

Курская битва стала для командарма первой боевой операцией в этой должности. И хотя она принесли впоследствии ему широкую известность, сразу после завершения боёв, лишь благодаря порядочности начальника Генштаба маршала А.М. Василевского на его карьере не был поставлен жирный крест. Участие 5 гв. ТА в контрударе войск Воронежского фронта 12 июля 1943 г. оказалось неудачным. Два её ударных соединения 18 и 29 тк не смогли не только выполнить поставленную задачу, но и с огромным трудом выбили противника лишь с одной единственной высоты. Вместе с тем из 642 танков и самоходных артустановок, введённых в бой в районе Прохоровки, враг вывел из строя 53%. Следует особо подчеркнуть: командарм не имел влияния на принятие решения проводить или нет контрудар и не определял место ввода армии в бой. А именно эти факторы и имели решающее значение.

Была создана комиссия ГКО по расследованию причин столь огромных потерь. Возглавил её секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков. После войны маршал вспоминал: *«И.В. Сталин, когда узнал о наших потерях, пришел в*

ялость: ведь танковая армия по плану Ставки предназначалась для участия в контрнаступлении и была нацелена на Харьков. А тут – опять надо ее значительно пополнять. Верховный решил было снять меня с должности и чуть ли не отдать под суд. Это рассказал мне А.М. Василевский. Он же детально доложил И.В. Сталину обстановку и выводы о срыве всей летней немецкой наступательной операции. И.В. Сталин несколько успокоился и больше к этому вопросу не возвращался».¹

Стоит только удивляться, с каким мастерством Павел Алексеевич и его сторонники после войны смогли катастрофические последствия боя 12 июля 1943 г. юго-западнее ст. Прохоровка превратить в грандиозную победу советского оружия. До конца своих дней он утверждал, что в этот день его гвардейцы не только подбили невероятное число вражеской бронетехники, но и, не много не мало, решили за весь фронт стратегическую задачу. *«Тогда 5 гв. танковая армия, – утверждал маршал в беседе с профессором Ф.Д.Свердловым, – ...разгромила крупную танковую группировку фашистов, нацеленную на Курск...После этого сражения они вынуждены были отказаться от дальнейшего наступления, и перешли к обороне. Весь их стратегический план на лето 1943 г. был сорван. Вот так танковое оперативное объединение выполнило стратегическую задачу».²*

Подобными небылицами более полувека потчевали и, к сожалению, продолжают потчевать всю страну некоторые историки.

3 августа 1943 г. началось контрнаступление Воронежского и Степного фронтов, в котором принимала участие и, пополненная после понесенных потерь, армия Ротмистрова. В течение двадцати суток советские войска освободили Белгород, Харьков и значительную часть восточной Украины. За участие в разгроме летнего наступления немцев командарм был удостоен орденами Кутузова 1-й степени. После этого 5 гв. ТА продолжала действовать в составе Воронежского фронта, переименованного в 1-й Украинский.

В январе – феврале 1944 г. она участвовала в Корсунь-Шевченковской операции. Это было одно из наиболее тяжёлых и в то же время «звёздных» сражений для командарма. В нём он в полной мере проявил и талант, и настоящую выдержку военачальника. В тот момент объединение находилось в составе 2-го Украинского фронта. Наступать приходилось в сложных зимних условиях, противник отрезал её от основных сил фронта. Командарм это не смутило, он отдал приказ корпусам первого эшелона продолжать наступление с целью соединиться с двигавшейся навстречу 6 ТА 1-го Украинского фронта. Одновременно он развернул второй эшелон и, отбросив неприятеля, расчистил путь пехоте. В результате десять немецких дивизий и одна бригада попали в окружение. 17 февраля 1944 г. эта группировка была ликвидирована, а 21 февраля за успешное руководство войсками в сложных

¹ Свердлов Ф.Д. Неизвестное о советских полководцах. М., 1995. С. 56.

² Там же, с.56.

условиях и проявленное при этом мужество и мастерство П.А. Ротмистрову, первому в Красной Армии, присваивается звание маршала бронетанковых войск.¹ И, кроме того, он награждается орденом Суворова 1-й степени.

В марте 1944 г. 5 гв. ТА продолжала успешно действовать в авангарде 2-го Украинского фронта. Пройдя до 300 км, её корпуса вышли к реке Прут и государственной границе, а затем она была выведена в резерв Ставки.

Через три месяца, имея только два корпуса, 5 гв.ТА передается 3-му Белорусскому фронту, который в этот момент готовился к операции «Багратион». Её цель – освобождение Белоруссии и Литвы. Армия Ротмистрова была включена в состав подвижной группы фронта. Но у командарма не сложились отношения с командующим фронтом генерал армии И.Д.Черняховский. Наступление началось 23 июня. В ночь на 3 июля её войска вышли к Минску и к вечеру освободили его. А восточнее города в «кольце» оказалась более чем 100-тысячная вражеская группировка. Однако командование фронтом требовало более решительных действий. Объяснения же П.А. Ротмистрова о том, что он перед операцией просил дать ему мехкорпус, который бы позволил развивать успех, не принимались. После нескольких жалоб в Ставку командарм был снят с должности и *«назначен заместителем командующего бронетанковыми и механизированными войсками РККА, на должность почётную, но не самостоятельную»*.²

Возможно, свою роль на принятие этого решения сыграли «старые грехи» и «сигналы», направлявшиеся в Москву, политорганами о моральном облике маршала. Судя по воспоминаниям тех, кто знал лично П.А. Ротмистрова, он никогда не был аскетом. Член Военного совета БТ и МВ РККА Н.И.Бирюкова писал в дневнике за 13 июня 1944 г.: *«П.А.Ротмистров мало бывает в частях. Каждый приезд заканчивается банкетом... Не замечает подхалимов»*.³

Как бы там ни было, но на этом его непосредственное участие в боевых действиях Великой Отечественной войны завершилось. Хотя вплоть до конца войны он не раз выезжал в действующую армию в качестве представителя штаба БТ и МВ РККА.

После войны П.А.Ротмистров занимал ответственные должности в Вооруженных силах СССР. С конца 40-х служба его была связана с военными учебными заведениями. Немаловажная деталь, характеризующая маршала, он не переставал учиться, даже достигнув пика своей военной карьеры: в 52 года он окончил Военную академию Генерального штаба, защитил докторскую диссертацию и серьёзно изучал иностранные языки. С 1958 по 1964 гг. - возглавлял Военную академию бронетанковых войск,

¹ Это высокое звание было присвоено одним приказом П.А. Ротмистрову и Я.Н.Федоренко.

² Свердлов Ф.Д. Неизвестное о советских полководцах. М.1995.С.58, 59.

³ Бирюков Н.И. Танки – фронту! Записки советского генерала. Смоленск, 2005. С. 416.

потом являлся помощником Министра обороны СССР по высшим учебным заведениям. Ушёл из жизни маршал 6 апреля 1982 г.

Анализируя боевой путь Павла Алексеевича нельзя не отметить его удивительную целеустремленность и преданность главному делу своей жизни - танковым войскам. Это была неординарная личность, человек сильной воли, целеустремленный и талантливый военачальник, многое сделавший для становления и развития нашей армии в годы тяжелейших испытаний.

Аронов Д.В.

НОТАРИАТ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Любая война коренным образом меняет жизнь любой страны, любого народа. Прежде всего, это относится к войнам, которые требуют от страны всемерного напряжения сил, использования всех имеющихся в ее распоряжении ресурсов. В полной мере все это относится и к Великой Отечественной войне. Однако в дни самых трудных испытаний жизнь продолжает оставаться жизнью. Люди встречаются, люди влюбляются, рождаются дети, другие уходят из жизни и все это, волею судеб середины XX в. было связано с правом, с гражданским оборотом, неотъемлемой частью которого был и институт нотариата. Даже в период боевых действий, в действующей армии, нотариат продолжал жить, его функции выполняли командиры воинских частей, сведений о деятельности которых в архивах военного времени, увы, обнаружено не было.

Анализируя законодательство о нотариате можно отметить что, например, в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 3 июня 1937 г. № 99/898 воинские части и учреждения вправе были свидетельствовать копии с документов, исходящих от них.¹ По Постановлению СНК СССР от 15 сентября 1942 г. № 1536 всякого рода доверенности, а также завещания военнослужащих могли быть удостоверены и командованием отдельных воинских частей, а доверенности и завещания военнослужащих, находящихся на излечении в госпиталях, начальниками госпиталей.²

Большая часть территории Орловской области находилась в оккупации с осени 1941 г. по зиму 1943 г., соответственно органы советского нотариата здесь не действовали. Их восстановление постепенно проходило на освобожденной территории страны.

Одной из первых задач вновь созданных контор было нередко составление актов об ущербе, нанесенном немецко-фашистской оккупацией

¹ СЗ СССР. 1937. № 37. Ст. 149.

² СП СССР. 1942. № 8. Ст. 133.

имуществу довоенных контор. Сохранился акт оценки общего ущерба, нанесенного оккупацией Орловской государственной нотариальной конторе (ул. Ленинская, 22) 3-4 октября 1941 г., когда танки Гудериана вошли в Орел. Согласно акта в конторе было разграблено 100 кг. бумаги (1200 руб.) и на 800 руб. канцтоваров. Была уничтожена библиотека, состоявшая из 600 книг и мебель на 6844 руб. Общая сумма ущерба составила 19 844 руб. (подсчет, согласно инструкции НКФ производился в балансовых ценах июля 1941 г. Акт ущерба (точнее копий, т.к. подлинники посылались в Москву) причиненного конкретным нотариальным конторам не сохранилось, но в сводной ведомости оценки ущерба нанесенного учреждениям системы Наркомата юстиции на территории Орловской области (народным судам и нотариальным конторам) указывается сумма 885 103 руб.¹

Восстановление сети нотариальных органов Орловщины началось сразу после освобождения ее от немецко-фашистских войск. Первые четыре нотариальные конторы действовали уже в начале 1943 г. В них работали сотрудники без юридического образования, но как отмечалось в отчете, направленном в Наркомат юстиции «со стажем работы по нотариату».² В апреле того же года их ряды пополнили двое выпускников юридических курсов. В октябре, уже через два месяца после освобождения Орла уже работала Областная нотариальная контора и еще 7 контор. В конце года, когда в результате контрнаступления советских войск была освобождена территория Орловской области, были открыты уже 10 нотариальных контор из 28 запланированных. В них работало 12 штатных сотрудников и один практикант, 10 человек учились на юридических курсах. Для замещения прочих вакансий требовались кадры, которые готовили на ускоренных курсах со сроком окончания обучения в феврале 1944 г., когда и планировалось укомплектовать все имеющиеся вакансии. В подавляющем большинстве штат тогдашних нотариальных контор состоял из одного нотариуса, которому разрешалось изредка оплачивать работы по уборке помещения и его хозяйственному обустройству.

В военные и послевоенные годы в нотариате работали преимущественно женщины – Орловскую нотариальную государственную контору в ноябре 1943 г. возглавляла Наталия Игнатьевна Трёмбачева, занимавшая должность старшего нотариуса со средним образованием и работавшая в нотариате с 1937 г. а ответственным исполнителем (термин из штатного расписания нотариальных контор того времени) была Любовь Васильевна Басова.³ Позднее Трёмбачеву на должности старшего нотариуса сменил Ольга Ивановна Марсюкова, не имевшая не только юридического, но и среднего образования, хотя свою работу в нотариате она начинала еще в

¹ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 4. Д. 32 ОЦ. Л. 60.

² ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 1. Д. 13. Л. 64.

³ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 4. Д. 32 ОЦ. Л. 46.

1933 г.¹ В 1949 г. Марсюкову на этой должности сменяет старший нотариус, ранее народный судья М.И. Норкина.²

В первые послевоенные годы органы юстиции осуществляли управление нотариатом в минимальной степени. Фактически всё управление сводилось к кадровым вопросам. По Положению 1939 г. и по номенклатуре (1947 г.) Министр юстиции РСФСР назначал старших нотариусов. Начальники Управлений Минюста в РСФСР назначали нотариусов. В Управлениях работал только один ревизор по нотариату. В Орловской области на начало 1944 г. в штатное расписание была внесена должность Старшего ревизора по адвокатуре и нотариату (оклад 850 руб. – близок к среднему для нотариусов). В июле 1944 г. Управление предложило разделить должность на Старшего Ревизора по адвокатуре и по нотариату. В историко-правовой литературе отмечается, что во многих управлениях по стране эта должность не была замещена и исполнялась работниками управления по поручению начальника. Однако, судя по протоколам оперативных совещаний Управления Министерства Юстиции по Орловской области, в Орле эта вакансия не пустовала и все нотариальные конторы на рубеже 40-50-х гг. попадали в сферу внимания управления, хотя и не ежегодно.³

Первые послевоенные годы нотариат продолжал оставаться правоохранительным органом, которому уделялось явно недостаточное внимание. Не хватало квалифицированных кадров, помещений, инвентаря. При этом нельзя не отметить, что ситуация начала 50-х гг. XX века мало отличалась от военных и первых послевоенных лет. Определенная динамика была в сфере образования, где на начало 1944 г. из 17 орловских нотариусов высшего образования не имел никто, семеро имели среднее, шестеро начальное среднее и трое низшее образование, один обучался на юридических курсах. Через два года один человек имел среднее юридическое образование и двое окончили юридические курсы.⁴

В 1946 г. половина должностей нотариусов (8) была замещена женщинами. Среди них были недавние счетоводы (Е.М. Саппо), двадцатилетний адвокат военного времени, одна из немногих, имевшая за плечами юридическое образование Т.Ф. Филатова, окончившая после средней школы трехмесячные юридические курсы и пришедшая в двадцать лет в нотариат Р.Ф. Зиборова.⁵ Вместе с тем четверо были членами и кандидатами в члены ВКП(б), шестеро комсомольцами и семеро беспартийными.⁶ Среди мужчин, пришедших в нотариат было немало вчерашних военнослужащих Советской армии, инвалидов военного времени. Среди них В.Г. Щербakov (Красная Зоря), М.П. Рошупкин (Долгоруковский

¹ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 4. Д. 31. Л. 29.

² ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 4. Д. 19. Л. 1.

³ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 4. Д. 19. Л. 1, 19, 90, .

⁴ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 1. Д. 31. Л. 52.

⁵ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 1. Д. 31. Л. 31, 32, 32об, 33об.

⁶ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 1. Д. 13. Л. 30.

район), Мозгляков (Малоархангельск), пришедшие в нотариат с начальным средним образованием с должностей судебных исполнителей, секретарей суда.

Половина послевоенных нотариусов Орловщины была в возрасте от 20 до 30 лет, еще семь человек от сорока до пятидесяти и один нотариус был старше 50 лет. Большинство – 10 человек – имело незначительный стаж работы в органах юстиции (до 1 года), а, соответственно и в нотариате. Два районных нотариуса Бредо (Елец) и Антонов (Ливны) имели стаж работы около 10 лет, отмечались в ходе ревизий как отличные работники, хотя систематического юридического образования не имели.¹ При этом они и не могли получить его, т.к. не имели среднего образования вообще, т.е не могли по формальным признакам поступить в высшее учебное заведение. На хорошем счету был и кромской нотариус В.В. Золотарев.²

Даже через десять лет после окончания Великой Отечественной войны более трети нотариальных контор не имели не только своих помещений, но и отдельных комнат в зданиях народных судов,³ а на общее оснащение 16 контор расходовалось 5000 руб. в год, а ремонта нотариальных контор вообще не предусматривалось. Позднее хозрасходы увеличили до 19 000 руб., а на ремонт выделили 5000, но это мало что меняло.⁴ Если на 1 января 1946 г. на все 12 нотариальных контор приходилось 8 столов, 11 стульев, 2 негоряемых ящика для документов, 5 портретов вождей, 1 пишущая машинка, 1 чернильница, 2 ведра и 2 замка.⁵

При этом в первой половине 1946 г. орловские нотариусы совершили 18285 нотариальных действия заработав при этом 355096 руб. (из них за нотариальные действия 333046 руб. и 22050 руб. за техническую работу).⁶ При общем фонде заработной платы нотариусов около 100000 руб. в год. С незначительными хозрасходами 9092 руб. (220 руб. отопление, 760 руб. аренда, 20 руб. газеты и журналы, услуги ЖКХ 588 руб.), мы не можем сказать, что нотариат был убыточным звеном Министерства (Наркомата) юстиции.⁷

Воссоздаваемая в 1944 г. в Орловской области сеть нотариальных контор включала в себя 27 единиц (с учетом современных Липецкой и Брянской областей, последняя вскоре была выведена из состава области в ходе разукрупнения 1944 г.), однако штатное расписание подавляющего большинства из них включало нотариуса и одну единицу вспомогательного персонала, чьи обязанности в проектах штатного расписания объединяли

¹ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 1. Д. 31. Л. 52.

² ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 4. Д. 36ОЦ. Л. 75об.

³ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.

⁴ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 4. Д. 58. Л. 11, 20.

⁵ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 4. Д. 36ОЦ. Л. 182.

⁶ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 1. Д. 31. Л. 53.

⁷ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 1. Д. 36 ОЦ.Л. 107.

функции уборщицы, курьера и архивариуса.¹ Штатное расписание Областной конторы включало 7 человек и двух городских (впоследствии отделившихся городов Брянск и Елец – по 4 человека). В апреле 1944 г. открылись Болховская и Новосильская контора. Окончательно сеть нотариальных контор на территории Орловской области была утверждена Решением Областного исполнительного комитета Орловского областного Совета депутатов трудящихся № 1825 31 октября 1944 г.

Согласно данному решению в 1944 г. в области предполагалось иметь 8 нотариальных контор (из них 6 на территории современной Орловской области – Орел, Болхов, Ливны, Малоархангельск, Мценск, Дмитровск) и открыть еще 6 также в рамках современных административных границ региона (Кромская, Свердловская, Новосильская, Урицкая, Верховская, Колпнянская).² Объем выполняемых ими действий был вполне сравним с довоенным. Так в 1945 г. Орловская нотариальная контора выполнила 9996 нотариальных действий, получив в качестве платы 121 786 руб., а Ливенская 950 действий, заработав 8153 руб.³ В 1949 г. Орловская нотариальная контора выполнила за год уже 31672 нотариальных действия.⁴ Объем работы во Мценской нотариальной конторе (Полякова) вырос к 1950 г. с 50 до 500 действий.

При этом заработная плата нотариуса составляла в Орле 1000, в райцентрах до 900 руб. прочие работники получали от 100 до 250 руб.⁵ Таким образом Ливенская контора работала фактически в убыток. Небезынтересно отметить, что по штатному расписанию заработная плата народного судьи составляла в среднем 694 руб. (по факту она находилась в диапазоне от 600 до 850 руб.), судебного секретаря 207 руб., судебного исполнителя 256 руб. Подобная диспропорция, впрочем, существовала недолго. Систему заработной платы привели в соответствие с местом и ролью каждого органа в системе правоохранительных органов советского государства, простым и эффективным способом, привязав заработную плату нотариуса к заработной плате судьи. Это было сделано еще в 1937 г.⁶ и его действие возобновили в 1944 г. указав, что заработная плата нотариуса на 15% ниже судьи, а для заведующего нотариальным столом на 25%. Исключение было сделано нотариусов Областных контор, чью зарплату приравнивали к заработной плате членов областного суда (замам на 10% ниже).⁷

Для того что бы оценить реальное значение указанных зарплат следует учитывать, что время войны стало периодом выпуска необеспеченных денег, что станет основной причиной денежной реформы 1947 г. и значительную

¹ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 4. Д. 33 ОЦ. Л. 2, 55об-56.

² ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 4. Д. 35 ОЦ. Л. 6.

³ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 4. Д. 35 ОЦ. Л. 13об.

⁴ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 4. Д. 58. Л. 1а

⁵ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 4. Д. 33 ОЦ. Л. 2.

⁶ Постановление СНК № 1356 от 11 августа 1937 г.

⁷ Постановление СНК № 639 от 4 июня 1943 г.

часть жизненно необходимых товаров население получало фактически через систему государственного распределения по символическим, не отражающим реальных затрат на производство, ценам.¹

Для понимания масштаба цен приведем несколько примеров цен на товары военного времени. Так в Москве по коммерческим ценам водка стоила 40 руб. – 100 грамм, а буханка хлеба 500 руб. На рынке буханка хлеба стоила дешевле и колебалась в диапазоне 150-200 руб. килограмм соленого сала обходился в 1500 руб., стакан самосада 30-50 руб.² Таким образом, в условиях недавней зоны боевых действий зарплаты нотариусов представляются очень небольшими и отнюдь не чрезмерными, а доходы прочих категорий сотрудников нотариальных контор не превышали стоимости буханки хлеба на черном рынке.³

Стоимость литературы, находившейся на балансе нотариальных контор, также была невелика. Так Уголовный кодекс стоил 2 руб. 50 коп., УПК – 4 руб., том собрания сочинений В.И. Ленина 3 руб. 30 коп., а числившаяся по разделу Транспортные средства «Мерин серой масти по кличке «Мальчик» был оценен в 4560 руб.⁴ Около трехсот рублей за штуку стоили портреты вождей, каковых в нотариальных конторах числилось пять штук.

Таковы простые рабочие будни орловского нотариата в военные и первые послевоенные годы. Полагаю, что обращение к отдельным сторонам бытовой, провинциальной (в самом высоком смысле этого слова) истории нашей страны создают ту благодатную почву на которой только и может появиться многоцветная картина той далекой, нелегкой жизнью старших поколений, судьбу которых мы, порою, воспринимаем через «подвиг ратный – подвиг трудовой». Но жизнь всегда богаче самых правильных схем и поиск новых смыслов в ушедших эпохах еще ждет своих благодарных исследователей.

¹ Вместе с тем цены «черного рынка» отражают не столько покупательную способность населения, сколько острый дефицит товаров даже в этом секторе. В этот период средняя зарплата по промышленности выросла с 375 руб. в 1940 г. до 573 руб. в 1944 г. В угольной промышленности она составила 729 руб., а в металлургии 697 руб. Инженерно-технический персонал получал 768 руб. в 1940 г. и 1209 руб. в 1944 г., поднимаясь в черной металлургии до 1725 руб. // Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 116-117.

² Кустов М.В. Цена Победы в рублях. М., 2010. С. 186-187.

³ В Красной Армии меньше всех получали рядовые штрафники – 8 руб. 50 коп., а больше всех командующий войсками фронта – 4000 руб. Накануне битвы на Орловско-Курской дуге был подписан приказ «О поощрении бойцов и командиров за боевую работу по уничтожению танков противника» от 24 июня 1943 г., где за уничтоженный танк платили 500 руб. командиру расчета (экипажа) и 1000 руб. за индивидуальное уничтожение танка. Помимо этого сержантский состав получал в зависимости от выслуги и рода войск 25-100 руб. ежемесячно // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943-1945 гг.). Т. 13 (2-3). С 162, 186.

⁴ ГАОО. Ф. Р-1312. Оп. 4. Д. 360Ц. Л. 160, 163..

Абовян Е.Н.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВООРУЖЕННОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ БРЯНСКОГО РЕГИОНА (СЕНТЯБРЬ 1941 - МАЙ 1942 гг.)

22 июня 1941 года Германия и ее союзники обрушили на нашу страну невиданный в истории удар: 190 дивизий, свыше 4000 танков, более 47 тысяч орудий и минометов, около 5000 самолетов, до 200 кораблей. Началась Великая Отечественная война. В первые же дни Великой Отечественной войны большинство наших соотечественников сделало свой выбор: мужчины отправились на фронт воевать с врагом, женщины, а зачастую старики и дети, стали с полной отдачей трудиться в тылу. Но по другую сторону фронта также оказалось довольно много наших сограждан. Речь идет не о партизанах и разведчиках, рисковавших собственными жизнями в тылу врага, не о тех, кто был пленен в боях в результате ранения, контузии, нехватки оружия либо насильственно угнан немцами за пределы СССР, и не о гражданском населении на оккупированных территориях, всемерно помогавшем сопротивлению, а о наших соотечественниках, которые сознательно шли на сотрудничество с противником.

В статье рассматривается одна из форм коллаборационизма, проявившая себя в период оккупации Брянского региона – вооруженный коллаборационизм. *Вооруженный коллаборационизм* – полный, необратимый, завершившийся процесс перехода к сотрудничеству с врагом, служба врагу с оружием в руках против своего Отечества. Синоним данного понятия – предательство. Основные категории вооруженного коллаборационизма: *агентурная сеть* – скрытый коллаборационизм, который на территории Брянщины означал службу в структурах таких организаций, как «Абвер», тайная полевая полиция ГФП и др.; *военные формирования* – служба соотечественников в кадровых германских частях или кадровых войсках «местного самоуправления», находящихся под контролем врага вне зависимости от занимаемой должности. На оккупированной территории Брянского региона действовали следующие военные формирования: РОНА, добровольческие полки «Десна», «Припять» и др.; *полицейские формирования* – служба в местных полицейских формированиях под руководством местного самоуправления под контролем врага. К ним относятся: *вспомогательная полиция* – называлась «служба порядка», «служба охраны», «стража порядка» или «организация самозащиты». Посредством вспомогательной полиции немецкое командование в лице комендатур и гестапо поддерживало правопорядок на оккупированной территории региона; *силы самообороны*, то есть добровольное служение в самообороне в сельских населенных пунктах или в кварталах городов, создаваемых под руководством органов местного

самоуправления или индивидуально, но находящиеся под контролем врага¹.

Становление вооруженного коллаборационизма началось с создания агентурной сети как скрытой категории данной формы коллаборационизма. Особое место отводилось разведывательным службам, в которые вербовались представители местного населения. Служба разведки и контрразведки немецких вооруженных сил была известна под общим названием die Abwehr («абвер» – отражение, контрразведка). С началом нападения против СССР действовало свыше 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд, групп абвера и СД, а также 60 школ, в которых велась подготовка агентов, диверсантов и террористов².

На территории Брянского региона действовала тайная полевая полиция – «Гехаймфельд - полицей» (ГФП), являющаяся полицейским исполнительным органом военной контрразведки в действующей армии. Распоряжения по основным направлениям своей работы ГФП получала от управления «Абвер - заграница». Подразделения ГФП на советско-германском фронте были представлены группами под соответствующими номерами при штабах армейских группировок, армий и полевых комендатурах, а также в виде комиссариатов и команд при корпусах, дивизиях и отдельных местных комендатурах.

Одна из групп тайной полевой полиции – ГФП-729, сформированная в мае 1941г. в г. Альтенбурге (Тюрингия) для борьбы против шпионажа и саботажа в тылу немецкой армии, была направлена на оккупированную территорию. Сотрудники занимались «агентурным выявлением советских патриотов, их арестами, допросами, а затем расстрелами». На территории СССР ГФП-729 находилась с конца июня 1941 по сентябрь 1943гг. Продвигаясь за частями наступающей немецкой армии, группа дислоцировалась с августа в Клинцах. ГФП-729, насчитывающая в своем составе 120 солдат и офицеров, была разбита на 5 команд численностью по 15-20 человек. Штаб группы первоначально возглавлял капитан Йохум, затем - капитан Лэфнер или Лехнер. Команды направлялись в города Сураж, Мглин, Клетня, Унеча, Почеп, Погар³, где вербовали в свой штат агентов из местного населения. Лица, служившие при ГФП именовались «Хильфевелиге», что означало – «желающие добровольно оказывать помощь»⁴.

Справка

¹Шанцева, Е.Н. Генезис партизанского движения и коллаборационизма в Великую Отечественную войну : на примере оккупированной территории Брянского региона: август 1941 - сентябрь 1943 гг.: дисс. ... кандист.наук /Е.Н. Шанцева. - Брянск, 2011. – С.51-52.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945. М., 1960-1965. - Т.2. - С. 119-137, 344-355, 476-487; Т.3. - С 434-478; Т.6. - С. 135.

³ Справка по существовавшему немецкому контрразведоргану «ГФП» в период немецкой оккупации в г. Клинцы // АУФСББО. Открытый фонд. Д. 133. Л. 4-13.

⁴ Протокол допроса обвиняемого Плавинского Ивана Ивановича // АУФСББО. Открытый фонд. Д. 35. Л.109.

*по существовавшему немецкому контрразведоргану «ГФП»
в период немецкой оккупации в г.Клинцы¹*

В период временной оккупации гор. Клинцы и Климовского р-на на территории которого находился филиал немецкого контрразведывательного органа, так называемый «ГФП», который размещался в доме специалистов при фабрике им. Ленина в гор. Клинцы на Стодоле.

Руководство указанных к/разведорганом «ГФП» осуществлялось следующими лицами:

1. Начальником органа являлся немецкий офицер Зонке...

В подчинении «ГФП» находился вооруженный отряд немецких солдат, численностью в 200 чел., который размещался в одном здании с «ГФП», а позднее в 1942 г. «ГФП» дополнительно был передан отряд полицейских...

Основное назначение этого немецкого органа «ГФП» - борьба с советскими партизанами, участие в арестах и расстрелах советских граждан, охрана и конвоирование арестованных и охрана самого здания «ГФП». В целом «ГФП» занималось контрразведработой, направленной на выявление лиц, из числа советско-партийного актива, оставшихся на оккупированной территории, выявление лиц, имеющих связи с советскими партизанами и установление местонахождения партизанских отрядов.

Для этих целей «ГФП» вербовало свою агентуру, из числа а/с элемента и немецких ставленников, а также из числа неустойчивых лиц, попавших к ним в руки. «ГФП», кроме открытой вооруженной борьбы с советскими партизанами, самостоятельно производил массовые аресты советских патриотов, вел следствие и массовые расстрелы.

Из числа агентуры немецкого контрразведывательного органа «ГФП» выявлены Клиновским ГО МГБ, арестованы и осуждены следующие лица:

1. Татарина Валентина Александровна, 1922 г. рожд., урож. и житель гор. Клинцы, Брянской области, русская, гр-ка СССР, в период немецкой оккупации работала пом. повара в столовой «ГФП» одновременно являлась их агентом. Занималась предательской деятельностью в пользу немцев. Арестована 4/XII – 43 г. и осуждена Особым Совещанием при НКВД СССР сроком на 5 лет ИТЛ.

2. Корзун Александр Александрович, 1891 г. рожд., урож. г. Клинцы, Брянской области, русский, б/п, гр-н СССР, по специальности учитель. Агент «ГФП», находился на связи у зам. начальника «ГФП» Лейфер. Арестован Клиновским ГО МГБ 14/II – 46 г. и осужден на 10 лет ИТЛ.

3. Колосов Валентин Сергеевич, 1897 г. рожд., урож. гор. Рига, русский, гр-н СССР, по профессии артист, проживал в гор. Клинцы по ул. МЮД 38. Агент «ГФП». Арестован Клиновским ГО МГБ 13/IX – 45 г. и 23/XII – 45 г. осужден на 10 лет ИТЛ.

4. Соколов Георгий Васильевич, 1898 г. рожд., уроженец и житель г.

¹ АУФСББО. Открытый фонд. Д.133. Л.1-3.

Клинцы, Брянской области, русский, б/чл. ВКП(б), гр-н СССР, в период немецкой оккупации служил уполномоченным горпромкомбината. Одновременно являлся агентом «ГФП». Арестован Клинецовским ГО МГБ 25/VIII – 45 г. и 15/XI – 45 г. ВТ в/НКВД осужден на 10 лет ИТЛ.

Заброска агентов в советский тыл осуществлялась чаще всего под видом бойцов и командиров РККА, бежавших из плена или вырвавшихся из окружения. Так, окончивший школу разведчиков при батальоне особого назначения сержант Васильев¹ несколько раз переходил линию фронта в красноармейской форме. В партизанские отряды агентура также засылалась под видом «военнопленных, бежавших из лагеря; под видом солдат украинских батальонов или полицейских отрядов, не желающих бороться против партизан; под видом рабочих или служащих» и т.д. В отряд им. Ворошилова (номер отряда в источнике не указан) была заброшена группа агентов немецкой разведки в составе 5-ти человек (среди них, по данным донесения партизан, был один еврей), с целью проникновения в отряд и ведения там разведывательной и террористической работы по отношению к руководству отряда. Группа была заброшена под видом бежавших из плена, но была разоблачена и уничтожена².

Одновременно с организацией местного самоуправления происходит создание полицейских сил как еще одной уже публичной категории вооруженного коллаборационизма. Идет генезис полицейского коллаборационизма. Для контроля над захваченной территорией германские вооруженные силы уже с августа 1941г. начали создавать так называемую вспомогательную полицию. В некоторых районах она называлась «службой порядка», «службой охраны», «стражи порядка» или «организацией самозащиты». В ее задачи входило: «поддержание общественного порядка и безопасности среди местного населения, содействие [оккупантам] при выполнении уголовно-полицейских поручений, в особенности информирование СД и полиции безопасности, обо всех фактах противогосударственной деятельности»³. Фактически же вспомогательная полиция работала по заданиям и под контролем немецкого командования в лице комендатур и гестапо.

Так, 28 августа 1941г. в г. Стародубе была организована Городская гражданская вспомогательная полиция. В нее вступило 20 человек при штате в 41 должность. Территория города была разбита на 10 районов, к каждому из которых было прикреплено по 2 человека Городской гражданской вспомогательной полиции. Они были ответственны за проведение всех мероприятий и распоряжений среди населения данного района. «Городская гражданская вспомогательная полиция, – как писала 20 октября в своем

¹ Инициалы в документе не указаны.

² Агентурная обстановка на временно оккупированной немцами территории // ЦНИБО. Ф. 1650. Д. 87. Л. 41.

³ ГАНПИНО. Ф. 260. Оп.1. Д. 139. Л. 34-35.

первом номере коллаборационистская «Стародубская газета», – провела большую работу по выселению из гор. Стародуба еврейского населения и по сохранению оставшегося имущества и скота после их выселения»¹. При полиции 13 октября был организован паспортный стол «прописки и выписки». «Все граждане, не имеющие домовых книжек, а также не приписанные в имеющихся домовых книжках, должны будут приписаться в десятидневный срок», – сообщала жителям газета². Так зарождается еще одна форма коллаборационизма, самая коварная – идеологический коллаборационизм.

Для поддержания порядка в Брянске и прилегающей территории 25 октября 1941 г. была учреждена служба городской охраны во главе с В.Н.Покровским. Служба использовалась также для охраны лагеря беженцев, располагавшегося в урочище Лесные сарай³.

4-5 октября 1941 г. в Локте был создан вооруженный отряд самообороны («народная милиция», в немецких документах именовался «народной стражей» – Volkswehr), численностью 18 добровольцев. 16 октября с санкции германских властей⁴ численность локотского отряда была увеличена до 200 человек. Общее командование этими силами находилось в руках Воскобойника (в ряде документов – Воскобойников) и Б.В. Каминского⁵.

Первоначально во время передвижения германских войск через захваченные территории, в том числе и территорию Брянского региона, на население оккупированных районов особого внимания противник не обращал, подозрительные лица уничтожались сразу. Армия проходила территорию, не занимаясь мелкими проблемами, оставляя их новым органам власти. Оккупационные власти, создаваемые после ухода кадровых войск, по мнению Г.Гудериана, своей жестокой политикой вынудили население начать вооруженную борьбу. С другой стороны, подготовленная руководством СССР и местными советскими органами власти база сопротивления, а также оставшиеся в тылу остатки частей Красной армии и бежавшие военнопленные стали основой нарастающего движения сопротивления.

Появились и структуры местной власти, полностью контролируемые и создаваемые Германией, с участием местного населения, но еще не объединенные в общую систему. Возникает коллаборационизм.

¹ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д.9. Л. 2 об.

² Стародубская газета. 1941. 20 октября.

³ ГАБО. Ф. 1757. Оп. 1. Д.2. Л. 57, 58; Д. 5. Л. 281.

⁴ 16.11.41 г. Германским командованием было утверждено «Управление Локотской волости» во главе с Воскобойником. См. ЦНИБО Ф. 1650. Оп.1. Д. 77. Л. 80.

⁵ Ермолов, И.Г. История Локотского округа и Русской Освободительной Народной Армии / И.Г. Ермолов. – Орел, 2008. – 168 с.

Коровин В.А.

СУРОВЫЙ ЭКЗАМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ЗРЕЛОСТИ (О ПРОВЕРКЕ КОМСОМОЛЬСКИМИ ОРГАНАМИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ КУРЯН НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ)

Весной 1943 г. 56 (из 66) районов Курской области были частично или полностью освобождены от немецко-фашистских захватчиков. Параллельно с восстановлением административных органов в городах и районах области шел процесс возрождения партийных, комсомольских и других общественных организаций.

Эта работа имела сложные и достаточно противоречивые особенности. Как указывалось в докладе первого секретаря Кировского РК ВЛКСМ А.И. Нехорошевой на первой комсомольской конференции, проходившей 16 апреля 1945 г. после освобождения района «... Длительная оккупация немецко-фашистскими захватчиками Курска явилась строгим экзаменом для всей районной организации, серьезной проверкой способностей комсомольцев, их преданности Родине...»¹

С марта 1943 г. руководящий состав райкома комсомола (первый секретарь – В.Т. Калинин, инструктор политотдела Курского отделения железной дороги им. Дзержинского М.С. Кузьменкова) приступили к учету комсомольцев, остававшихся на территории, оккупированной немецко-фашистскими войсками.

К лету 1943 г. численный состав районной организации по сравнению с довоенным сократился почти в 7 раз. Так, если в июне 1941 г. Кировская районная комсомольская организация насчитывала почти 2500 человек (из них более 1900 сражались в рядах Красной Армии, отстаивая честь и независимость Родины), то на 15 июня 1943 г. в районном комитете ВЛКСМ зарегистрировались 318 человек². Из них – 97 молодых мужчин и 221 женщина: 105 рабочих, 155 служащих, 4 врачей и учителей, 53 школьника. Из этого числа 250 человек имели возраст от 18 до 26 лет³.

По данным Кировского РК ВЛКСМ, в марте-ноябре 1943 г. стали на учет 370 комсомольцев. На бюро РК ВЛКСМ было обсуждено 186 чел., из них 132 – восстановлены в комсомоле, 54 – исключены из рядов ВЛКСМ (при наличии на них компрометирующих сведений за период оккупации)⁴. Городской комитет ВЛКСМ (секретарь – В.Ф. Костин) был не удовлетворен ходом этих организационных мероприятий.

9 сентября 1943 г. бюро Курского горкома комсомола заслушало отчет первого секретаря Кировского райкома ВЛКСМ А.И. Нехорошевой⁵ о ходе

¹ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 80. Л. 12-об.

² Там же. Л. 11-об.; Д. 81. Л. 8.

³ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 80. Л. 11-об.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ В этой должности А.И. Нехорошева работала с 15 июля 1943 г. (ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 4. Д. 799. Л. 214).

регистрации комсомольцев по Кировскому району, остававшихся на оккупированной территории¹. В принятом постановлении бюро горкома ВЛКСМ оценило работу по перерегистрации неудовлетворительно. Отмечалось, что бюро РК ВЛКСМ к этому периоду рассмотрело 51 заявление, а 18 зарегистрированных комсомольцев совсем не подавали заявлений о принятии их на учет. Но организационные проблемы не стали основными причинами замедления этой работы.

При анализе материалов, рассматриваемых на бюро РК ВЛКСМ, прослеживаются следующие особенности. Молодежь района по социально-политическим настроениям была разобщена на две части. Юноши и девушки, настроенные патриотически, открыто выражали презрение многим сверстникам за их поведение и общение с немецкими оккупантами. Как отмечалось в донесениях сотрудников НКГБ «молодежь женского пола, значительная часть которых в период временной оккупации находилась на более привилегированном положении, проявляли антисоветские настроения. Они сожалели о потерянном своем прошлом положении при оккупантах и восхваляли немецких грабителей»².

Поэтому для рассмотрения заявлений некоторых молодых людей требовалось значительное время, определенные усилия по сбору различных свидетельских показаний. Специальная группа райкома комсомола, в состав которой входили бывшие фронтовики и партизаны М.С. Кузьменкова, В.Т. Калинин, технический секретарь РК ВЛКСМ М.Ф. Нехорошева³, в первую очередь анализировала заявления и объяснительные записки тех, кто принимал участие в сопротивлении оккупантам. Так, 26 марта 1943 г. бюро райкома восстановило в членах ВЛКСМ бывшую студентку педагогического института, участницу подпольной диверсионной группы Курского железнодорожного узла (1942-1943 гг.) Зою Емельянову⁴. В этот же день в Кировском РК ВКП(б) командующий 15-й воздушной армией генерал И.Г. Пятыхин вручил ей орден Красной Звезды за участие в спасении и переправлении в партизанский отряд трех советских летчиков К.А. Дулжицкого, Н.К. Евграфова, П.И. Бубекова. Они находились в немецком плену в здании областной больницы⁵. 10 июня 1943 г. райком комсомола выдал комсомольский билет В.В. Агибаловой – партизанской связной, участнице подпольной деятельности⁶.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 218. Л. 47.

² «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003. С. 160-161.

³ Нехорошева М.Ф., бывшая старшая пионервожатая и преподаватель физкультуры школы № 16 (ул. Маяковского) была восстановлена 26 марта 1943 г. в комсомоле на заседании бюро РК ВЛКСМ и утверждена тогда же в должности технического секретаря райкома комсомола (ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 7-об., 9, 61-62)

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 8.

⁵ Курская правда. 1943. 27 марта.

⁶ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 40.

6 мая 1943 г. в рядах ВЛКСМ была восстановлена комсомолка с 1938 года, помощник машиниста паровоза Анна Артамонова – бывшая связная партизанского отряда¹. В ходе рассмотрения заявления фельдшера Кировской амбулатории А.Н. Меняйленко о восстановлении в рядах ВЛКСМ, бюро Кировского райкома комсомола проявило явную необъективность.

В период оккупации студентка 4-го курса медицинского института А. Меняйленко работала медсестрой в немецком госпитале, всячески вредила гитлеровцам, не соблюдала правил антисептики. Тем самым распространяла раневую инфекцию у немецких солдат. Несмотря на показания свидетелей о ее антифашистской деятельности, 28 мая 1943 г. бюро Кировского РК ВЛКСМ исключило ее из рядов Союза «за измену ленинско-сталинскому комсомолу и работу на немцев»². Но бюро горкома комсомола 11 августа 1943 г. отменило решение райкома и постановило выдать А.Н. Меняйленко комсомольский билет³.

В марте 1943 г. бюро райкома комсомола восстановило в членах ВЛКСМ работниц паровозного и вагонного депо, склада топлива Т.Г. Солянину, Н.С. Руцкую, Р.П. Степанову, учащуюся железнодорожной школы № 42 Л.Н. Ломакину и других, сохранивших в период оккупации свои комсомольские билеты⁴.

Необходимо ответить, что за первые месяцы восстановление в членах ВЛКСМ районным комитетом проводилось лояльно. Так, 30 марта 1943 г. на заседании бюро Кировского РК ВЛКСМ было рассмотрено 20 материалов и заявлений лиц, переживших оккупацию. Решением бюро райкома 17 человек были восстановлены в рядах комсомола⁵.

Но постепенно требования к моральному и политическому облику восстанавливаемых в рядах ВЛКСМ ужесточались. Так, 28 марта 1943 г. бюро Кировского районного комитета восстановило в рядах ВЛКСМ бывшего секретаря комсомольской организации железнодорожного политотдела, работницу транспортной прокуратуры А.Е. Власову. Но уже 28 мая 1943 г. бюро горкома комсомола отменило это решение «за сокрытие фактов работы на немцев»⁶. 25 марта 1944 г. бюро Кировского РК ВЛКСМ повторно рассматривало ее заявление о восстановлении в рядах комсомола. Но с учетом ряда фактов морально-нравственного характера из биографии

¹ Там же. Л. 26-об.; Книга Памяти. Т. 15. Ч. 4. Курск, 2006. С. 11.

² ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 37; Д. 67. Л. 58-59.

³ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 75. Л. 18-18-об.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 2, 11-об., 16. В дни Курской битвы Т.Г. Солянина, Н.С. Руцкая работали в составе Военно-эксплуатационного отделения № 14, а Л.Н. Ломакина в свои неполные 18 лет добровольно вступила в ряды Красной армии (ОАМЖД. Ф. 3. Оп.1. Д. 3. Л. 4; Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 100-об.; Книга Памяти. Т. 15. Ч. 1. Курск, 2005. С. 60; Т. 15. Ч. 4. Курск, 2006. С. 25)

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 13-16.

⁶ Там же. Л. 10, 38.

молодой женщины, решение районного руководящего органа вновь было отрицательным¹.

Бескомпромиссно члены бюро райком комсомола подходили к лицам, дезертировавшим из рядов Красной Армии и народного ополчения. В 1943 г. не были восстановлены в комсомоле работники железнодорожного узла Н.И. Бутов, В.Ф. Болдырев, А.И. Булатников, оставившие Кировский полк народного ополчения в период обороны города 1-2 ноября 1941 г.²

Таким же было отношение к молодым железнодорожникам, которые, имея возможность осенью 1941 г. эвакуироваться, остались в Курске и работали на оккупантов. Несмотря на хорошие характеристики с мест работы (например, Курская дистанция пути, Кировская районная амбулатория), положительные заключения членов проверочной комиссии, бюро Кировского РК ВЛКСМ вынесло отрицательное решение по заявлениям счетовода дистанции пути Л.З. Гончаровой, бывшей студентки мединститута, фельдшера районной амбулатории А.И. Аксеновой, табельщицы Л.М. Болтенковой. В вину им ставилась работа «на оккупантов с первых дней» их пребывания в Курске³.

11 августа 1943 г. и 20 января 1944 г. эти решения райкома комсомола были утверждены на заседании бюро Курского горкома ВЛКСМ. При повторной апелляции Л.М. Болтенковой была получена характеристика, содержащая такие сведения: «... Эвакуироваться была возможность. Но отбыла соседка. Была оставлена в Курске по заданию органов НКВД. Но никакой работы не вела, вызывалась повестками в гестапо (запрашивались комсомольские документы). Во время оккупации работала переводчицей в депо. С 13 февраля по 1 апреля 1943 г. находилась под арестом в органах НКВД»⁴.

Достаточно жесткие, но далеко не всегда оправданные решения принимались в отношении студенток курских вузов, по разным причинам оставшимся в 1941 г. на оккупированной территории. Так, в мае 1943 г. из рядов ВЛКСМ были исключены студентки КГПИ и КГМИ М.П. Беликова и Т.П. Богданова «за уничтожение комсомольских билетов и измену Родине»⁵.

Показательна судьба сестер Мошенко. Старшая из них – Вера, студентка КГПИ, при оккупантах работала переводчицей в Северном паровозном депо. Средняя – Анна, студентка 2-го курса КГМИ, работала табельщицей в том же депо. Младшая – Валентина, была чернорабочей на железнодорожном узле. В марте 1943 г. двое из сестер Мошенко «за

¹ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 69. Л. 7, 19; Д. 75. Л. 9, 10.

² ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 18, 30; Д. 66. Л. 4-4-об., 5; Д. 75. Л. 5,7; Ф. П-2. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

³ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 3-об., 37; Д. 66. Л. 1-3; Д. 75. Л. 1, 6-об.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 37; Д. 66. Л. 14.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 3, 31; Д. 75. Л. 3, 8. Эти постановления бюро Кировского РК ВЛКСМ были утверждены горкомом комсомола 25 августа 1943 г. и 7 января 1944 г.

сотрудничество с гитлеровцами» арестовывались в Курске органами НКВД. Вскоре бюро Кировского РК ВЛКСМ исключило Анну и Веру Мошенко из комсомола. 10 июня 1943 г. бюро райкома восстановило ученицу школы № 42 Валентину Мошенко в рядах ВЛКСМ, объявив ей выговор «за проявленное малодушие»¹.

В докладе первого секретаря Кировского РК ВЛКСМ А.И. Нехорошевой на V районной комсомольской конференции (апрель 1945 г.) отмечалось, что пошли на услужение врагу комсомолки Слитикова – работала переводчицей в управе, Перькова – работала переводчицей в воинских частях².

Так, Н.И. Слитикова, оставшись на оккупированной территории, с мая 1942 г. обучалась на курсах немецкого языка. Избежала отправки в Германию, устроившись работать на железную дорогу. С августа 1942 г. под контролем оккупационных властей работала на бирже труда в Касторном. В феврале 1943 г. в Курске арестовывалась органами НКВД. 28 мая 1943 г. на заседании бюро Кировского РК ВЛКСМ была исключена из комсомола³.

А.В. Перькова «за активную работу на немцев» была исключена из членов ВЛКСМ решением бюро Кировского райкома комсомола 15 июля 1943 года. Как отмечалось на заседании, рассматривавшем ее персональное дело, Перькова работала учителем немецкого языка в Дмитриеве, в период оккупации – переводчицей в паровозном депо Курск. Две ее сестры добровольно уехали на работу в Германию. После освобождения Курска она была арестована органами НКВД⁴.

Придерживаясь высоких нравственных принципов и учитывая всенародную ненависть к немецко-фашистским оккупантам, члены бюро Кировского РК ВЛКСМ часто применяли высшую меру комсомольской ответственности к тем, кто сожительствовал с солдатами и офицерами противника. Так, в 1943-1944 гг. из рядов ВЛКСМ были исключены А.Б., В.Б., В.З., Л.П., В.К. и другие молодые женщины⁵. Одна из них, оказавшись на оккупированной территории, уничтожила комсомольский билет, работала в столовой, а затем в немецком ресторане официанткой⁶.

В марте 1943 г. бюро РК ВЛКСМ приняло положительное решение по заявлению Л.А. С-ко – технического работника Кировского райкома партии о восстановлении ее в комсомоле. Но уже 27 марта 1943 г. в райкоме было получено письмо-заявление от трех граждан, проживавших на одной улице по соседству с С-ко. В нем сообщалась информация, раскрывавшая

¹ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 40; Д. 66. Л. 36-37; Д. 75. Л. 21.

² ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 80. Л. 12.

³ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 37-37-об.; Д. 66. Л. 48.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 75. Л. 23. Решение бюро Кировского РК ВЛКСМ 12 августа 1943 г. было утверждено горкомом комсомола.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 12-об., 30-об.; Д. 66. Л. 42, 53; Д. 75. Л. 8, 15, 16. По этическим соображениям фамилии заменены инициалами.

⁶ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 75. Л. 16.

особенности поведения их соседки на территории, подконтрольной врагу: «... Она преднамеренно осталась в Курске, оккупированном немцами. Оставаясь на занятой территории, она достаточно поработала на немцев, в первую очередь своей деятельности после курсов немецкого языка, она поступила работать переводчицей [железнодорожных – авт.] парков. Затем ее берут в переводчицы в район, куда она не едет, а устраивается на кухню к немцам». Имея тесную связь со старостой улицы, она обеспечивала его и свою семью продуктами. Вскоре по его протекции она была принята официанткой в немецкий ресторан. С-ко «справляет себе платье, за 2500 покупает новое платье, часы и шляпу». На глазах соседей она «крутила любовь» с немецкими офицерами, разъезжала с ними на машинах и мотоциклах. После освобождения Курска от оккупантов С-ко и другие, «как провинившиеся дети, прибежали работать в милицию, а затем в райком»¹.

Комиссионно изучив сообщенные сведения, подтвержденные сотрудниками органов НКВД, 5 апреля 1943 г. бюро Кировского райкома комсомола постановило: «Исключить С-ко Л.А. из членов ВЛКСМ за то, что не оправдала звание комсомольца в тяжелое для Родины время: вместо активной борьбы, она работала у немцев официанткой в ресторане. Поставить перед райкомом ВКП(б) вопрос о снятии ее с работы»².

Обстановка, сложившаяся в комсомольских организациях в 1940-е годы, свидетельствовала о явно нетерпимой позиции к тем, кто в период оккупации в различных формах сотрудничал с немецко-фашистскими оккупантами. В заключение приведем слова, сказанные первым секретарем Курского обкома ВКП(б) П.И. Дорониным на VI Кировской районной отчетно-выборной партийной конференции: «Хорошо, что процент этих людей оказался ничтожно малым и они не определяют лица трудящихся Кировского района. Эти люди никогда не были советскими людьми, а просто маскировались, а в создавшихся для них благоприятных условиях, они показали свое подлинное лицо»³.

Прошедшие десятилетия сглаживают остроту противоречий тех лет. Но не подлежит забвению и то обстоятельство, что наряду с миллионами защитников Отечества, работали на оккупантов те, кого сегодня принято именовать коллаборационистами.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК: ОТКРЫТИЕ ИМЕНИ

Березников В.А.

(руководитель – Колесникова Е.В.)

ОН ШТУРМОВАЛ БЕРЛИН. РАССКАЗ О МОЁМ ПРАДЕДЕ

¹ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 66. Л. 51-52-об.

² ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 21.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 202. Л. 37.

АРКАДИИ ТАРАСОВИЧЕ КОЛЧАНОВЕ

*Прошла война, прошла страда.
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем!
...Затем, чтоб этого забыть
Не смели поколенья.
Затем, чтоб нам счастливей быть,
А счастье – не в забвенье!
А.Т. Твардовский*

Когда шла Великая Отечественная война, на свете не было ни моих родителей, ни меня. Но как поется в известной песне «Нет в России семьи такой, где не памятен свой герой», война вошла в каждый дом, в каждую семью. Своего прадеда, фронтовика, штурмовавшего Берлин, Колчанова Аркадия Тарасовича я в живых не застал. Он умер еще до моего рождения, в январе 1992 года. Много о военной поре я слышал от своей прабабушки, его жены Валентины Сергеевны Колчановой.

Родился Аркадий Тарасович 19 января 1920 г. в ярковской деревне Новоселово Тюменской области, в семье крестьянина-середняка. Детей в семье было пятеро: Аркадий, старший сын, и четыре дочери: Анна, Нина, Ольга и Римма.

В то время много работали взрослые и дети. Аркадий любил ходить на охоту, очень любил рыбалку (это увлечение он сохранил до конца своих дней), сам мастерил ходули и ловко на них ходил! В то время негде было купить коньки, и Аркадий с ребятами делали их сами, мастерили из дерева: строгали чурочки, огибали их железом и получались самодельные коньки. Учился прадед сначала в Новоселовской начальной школе, потом стал ходить в Иевлевскую школу. Учиться Аркадий старался, к учебе относился серьезно. В 1935 г. окончил Ярковскую семилетнюю школу, поступил в Тюменский сельскохозяйственный техникум, в 1939 г. окончил его и получил специальность техника-землеустроителя. По распределению работал землеустроителем в Тобольском отраслевом подотделе.

Оттуда в сентябре 1939 г. Аркадий Тарасович был призван Тобольским окружным военкоматом на действительную военную службу в 1-ю Особую Краснознаменную армию, охранявшую рубежи на Дальнем Востоке. До апреля 1941 г. служил в 28-м отдельном строительном батальоне 1-ой особой краснознаменной армии в Приморском крае в качестве рядового. Но началась война, и уже в июле 1941 Аркадия Тарасовича направили на курсы младших лейтенантов, срок обучения был установлен 5 месяцев, но в силу обстоятельств, группу курсантов в 50 человек, в том числе и Аркадия, которого назначили командиром взвода, спешно направили на оборону Москвы. Вместе со своими бойцами он сражался на Волоколамском,

Рогачевском, Клинском и Ленинградском направлениях. Став заместителем командира роты 44-й бригады, воевал под Старой Руссой. Был ранен в правое плечо и до июня 1942 года находился на излечении в госпитале г. Кострома Ярославской области, вернулся в ту же часть. В одном из оборонительных боев в Ленинградской области вновь получил ранение, в левое плечо. И снова встал в строй, но уже в другом соединении. В 1942 г. в боевой обстановке вступил в ВКП(б).

Способного командира, члена партии заметили и направили в Вышний Волочек на офицерские курсы Северо-Западного фронта. После них стал капитаном, командиром стрелковой роты 207-й дивизии, воевавшей на 2-м Прибалтийском фронте. Третье ранение было терпимым, и поэтому он часть не покидал.

Участвовал в освобождении от гитлеровцев Курской области. Однажды, осматривая в бинокль рубежи города Рыльска, занятые врагом, он заметил на берегу юную девушку, полоскавшую бельё. Через несколько дней уже в освобождённом городе он вновь её увидел. Так познакомился прадед с моей прабабушкой – это была любовь с первого взгляда! Прабабушка Валентина Сергеевна ушла вместе с суженым в действующую армию поваром. Она никогда не держала в руках оружие, но так как до конца войны тоже слышала свист пуль над головой и, подвергая свою жизнь опасности, обеспечивала боеспособность части, по праву является ветераном войны и носит с гордостью на своей груди медали.

Но вернусь к рассказу о пражеде. В августе 1944 г. под городом Резекне Аркадий Тарасович в четвертый раз получил две пули в левую голень. И опять, едва стал ходить, отпросился из госпиталя к своим боевым друзьям. Назначенный заместителем командира батальона, истреблял в Латвии Курляндскую фашистскую группировку. А потом, в составе 3-й Ударной армии 1-го Белорусского фронта, освобождал Варшаву и стремительно преследовал врага на его же территории.

В марте 1945 г. Аркадий принял командование стрелковым батальоном, в этой должности служил до августа 1945 года. Участвовал в штурме Берлина.

Хочется привести строки из поэмы Л. Алексеева «Путь к Берлину»:

*Кроль-Опера в трехстах шагах,
Колчановцы рванулись с хода.
Здесь, здесь немецкий был рейхстаг
Последние четыре года*

*Из окон всех, из амбразур
Огонь фашисты изрыгали,
Но шли колчановцы на штурм
И перед ними стены пали.*

Эти строки образно воссоздают последние мгновения Великой Отечественной войны, победную точку в которой поставил и мой прадед. Вот как об этом говорится в документальной повести А. Бессараба «Берлин, 1945 год»: «... В десять часов утра 30 апреля к нам прибыл командир полка Вознесенский... Вместе с ним подоспел и его стрелковый батальон под

командованием капитана Колчанова. Пехотинцам предстояло очистить от гитлеровцев окопы между домом Гимmlера и Кроль-Оперой и овладеть зданием театра».

И далее: «... В полночь ударили в лоб всеми огневыми средствами и дружной атакой... Кроль-Оперу взяли штурмом... Первыми в здание ворвались бойцы капитана Колчанова... Через час бой шел под землей. Колчановцы – молодцы десятками тащили наверх здоровенных верзил-эсэсовцев из личной охраны Гитлера и его приближенных».

Через полтора месяца после сокрушения фашистской Германии, 24 июня 1945 года Аркадий, счастливый, гордо шагал триумфальным маршем по брусчатке Красной площади на Параде Победы во главе отделения героев войны сводного полка 1-го Белорусского фронта. Вот как он рассказывал потом о самом знаменитом событии праздника: *«Потрясающим моментом состоявшегося торжества было предание позору плененных знамен противника. В ходе войны их захватили множество, но выбрали для этого двести. И под дробь барабанов двести наших воинов, поравнявшись с Мавзолеем, швырнули их к его подножию. Свершилось справедливое возмездие».*

Вернувшись из Москвы в свою часть, капитан Колчанов был направлен на курсы повышения квалификации офицеров пехоты группы советских войск в г. Штеттине. Окончив их в сентябре 1946 года, в звании майора уволился в запас, женился и вскоре вернулся в родные края, т.е. в Тюменскую область. На его груди красовались ордена Ленина, Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В феврале 1947 года прославленный воин с удовлетворением окупился в мирную жизнь. Его избрали секретарём партийной организации Иевлевской машинно-тракторной станции. Работал там же участковым агрономом, потом был заместителем директора по политической части.

Шли годы... В 1956 году семья Колчановых переехала в город Рыльск Курской области, откуда родом моя прабабушка. Аркадий Тарасович трудился в Рыльске в райтопе, затем в учебном хозяйстве совхоза-техникума.

Известного воина многократно чествовали за ратные подвиги, приглашали выступать перед школьниками, писали о нём в районной газете «За изобилие», в областной «Курской правде».

Но главное счастье было у него дома – любящая и заботливая жена и трое детей: Галина, Николай и младшая дочь, моя бабушка Людмила. Затем у Аркадия Тарасовича появились и шесть внуков. К сожалению, до правнуков Аркадий Тарасович не дожил. Но его подвиг помнят и чтут уже четыре правнука.

В 1985 г. в райвоенкомате ему торжественно вручили второй орден Отечественной войны 1-й степени и медаль в ознаменование 40-летия

Победы над Германией. В Рыльском краеведческом музее находятся портрет и биографические сведения о моём прадеде.

Земляк А.Т. Колчанова, сибиряк Пётр Филимонович Смиренко увековечил память о моём прадеде в юбилейном сборнике, посвященном 55-летию Великой победы, «Земля Яркoвская – родина моя». Большое ему за это спасибо. Сегодня Новосёловская школа Яркoвского района Тюменской области носит имя Аркадия Тарасовича Колчанова.

Я горжусь моим прадедом и пронесу это чувство через всю жизнь, чтобы передать его своим детям и внукам.

Источники и литература:

1. Земля Яркoвская – родина моя, юбилейный сборник, посвящённый 55-летию Великой Победы и 75-летию образования Яркoвского района Тюменской области, Шадринск, ПО «Исеть», 2000 г.; с.165-167.
2. Ярково.ру, районный информационно-развлекательный интернет-портал, Яркoвчане и Великая Отечественная война, Он штурмовал Берлин. Колчанов А.Т.; 26.04.2007.
3. Воспоминания жены А.Т. Колчанова, моей прабабушки Валентины Сергеевны Колчановой, проживающей в городе Рыльске.
4. http://zagony.ru/2012/02/29/berlin_posle_vojny_20_foto__tekst.html

Селина А.Е.

ПИСЬМО О БРАТЕ

Вячеслав Егорович Евдокимов родился в деревне Косторная Иванинского района Курской области. Его отец Егор Тимофеевич, 1908 г.р., был участником военных кампаний 1939-1940 гг. и Великой Отечественной войны. Вячеслав Евдокимов стал активным участником сопротивления немецко-фашистским оккупантам. Сведения о нем изложены в письме о сестры Альбины Егоровны Селиной, 1932 года рождения.

В школе, где учился В.Е. Евдокимов, есть уголок боевой славы, в котором собран материал, посвященный его памяти.

«Евдокимов Вячеслав Егорович родился в 1924 году, в первой половине года. Число и месяц не помню. Но точно знаю, что он хотел уйти в армию. Это было в начале Великой Отечественной войны. Его не взяли, потому что не хватало совсем немного до 18 лет.

В 1939 г. окончил Косторнянскую семилетнюю школу. Был сильным, смелым, мог постоять за своих друзей. Его побаивалась молодежь из окружающих деревень. Частенько между ними происходили драки. Иногда брат приходил домой с разбитым лицом и большими синяками.

После окончания школы Вячеслав пошел работать токарем на сахарный завод «Коллективист». Сначала был учеником, а потом стал неплохим специалистом. На заводе его быстро заметили и избрали секретарем комсомольской организации. В начале войны были организованы молодежные батальоны, Славу назначили руководителем.

Приблизительно за месяц до прихода немцев батальон был эвакуирован, а через недели две брат вдруг вернулся домой. На вопрос мамы,

почему вернулся, он сказал, что получил задание остаться в тылу. Больше ничего не сказал...

Примерно за неделю до прихода оккупантов, между деревнями Косторная и Житень появилась немецкая разведка. Ее обстреляли и забросали гранатами. Прошел слух, что в числе напавших на врага был и Вячеслав. Или просто Славка. Тогда его все так называли.

Когда немцы большой группой вплотную подошли к нашему селу, прямо перед ними через мост проскакала группа всадников. Не успела она скрыться за горой, раздался сильный взрыв. Мост взлетел на воздух. В числе диверсантов, как говорили местные жители, был и наш Славка. Путь немецким войскам на Курск был отрезан. Вражеские солдаты и офицеры заняли для своих нужд здания сельского совета и школы.

В это время с оккупантами начал контактировать житель села, которого все звали Сюрка. Он немного знал немецкий язык еще со времен Первой мировой войны, когда находился на территории Германии. Сюрку назначили старостой. Нашей семье он доводился дальним родственником. Позже я слышала от его жены и моей бабушки, что он получил задание остаться на оккупированной территории, войти в доверие к немцам и получить должность старосты. Что он и сделал.

За месяц до прихода немцев в деревне появилась семья беженцев. Поселились они в избе Маши-богомолки. Ее хата находилась на Бокановке, в конце огорода Косторного Ивана Дмитриевича. Главу семьи звали Сенечка. Это был благородный мужчина. По-моему он знал бухгалтерское дело. Вот он то и стал помогать Сюрке. Семью Сенечки я знала хорошо, потому что дружила с его племянницей Ниной. Еще у него был сын.

Все это я описываю в связи с тем, что эти люди спасали от смерти и Славку, и других людей, бывших сельских активистов. На многих из них поступали жалобы от недовольных советской властью людей. Все эти жалобы не передавались в немецкую комендатуру. Это продолжалось около года. В это время никто из жителей не был посажен в тюрьму, не был расстрелян.

Вскоре в село стали возвращаться ранее раскулаченные люди. Они хотели возврата своей земли и построек. Вот они-то и стали писать доносы в комендатуру на Сюрку и бывших активистов. В деревню приехали каратели. Сюрку и еще несколько человек повесили в центре села. Насильно согнали жителей (стариков, детей) смотреть на казнь. Было очень страшно. Славку арестовали и отправили во Льговскую тюрьму. Была очень холодная зима. Мама ездила к нему, вернее, на саночках возила сушеные свеклу, картошку, черные сухари. Другие продукты отобрала себе охрана. Освободили его через несколько месяцев. родственникам мамы удалось подкупить начальника тюрьмы. Это долгая история.

Теперь о Славке. У него была лошадь, которую он поймал в поле. На колхозном дворе достал сани и сбрую для коня. Это было средство передвижения, поскольку уезжал он иногда надолго. Однажды возвратился с

большой раной в ноге. Сказал, что нечаянно напоролся на вилы. в Любимовке был фельдшер. мама отвезла брата к нему. Оказалось, что нога была прострелена.

Об этом все должны были молчать. Иначе фельдшера могли серьезно наказать, т.к. он обязывался сообщать в комендатуру обо всех случаях обращения за помощью с огнестрельными ранениями. Позже удалось установить и обстоятельства Славкиного ранения. Ходили слухи, что в окрестностях района был обстрелян немецкий обоз.

Однажды случайно в сарае под соломой мама обнаружила завернутые в мешковину 5 винтовок. Они были новые, промасленные. У нас в доме часто проводились обыски полицейскими вместе с немцами. Искали они оружие. Найденные винтовки грозили расстрелом всей семье. Испуганные мама и бабушка ночью отнесли эти винтовки к реке, и в районе поляны бросили их в воду. Это было в конце октября. Когда брату понадобились винтовки, на месте их не оказалось. Разразился большой скандал. Славка сказал, что если он их не доставит в назначенное место, погибнут наши люди. Ему указали на место, где было затоплено оружие. Стоял уже ноябрь, но Славка нырнул в воду до тех пор, пока не достал все винтовки. Ночью, за закрытыми окнами, он разбирал и чистил оружие. За происходящим я наблюдала украдкой. Затем брат уложил винтовки в сани под огромный слой сена, и уехал. Сколько времени он отсутствовал, не помню.

Вернулся Славка очень усталый, похудевший, а через день-два слег с высокой температурой. Оказалось у него – брюшной тиф. Диагноз поставил все тот же знакомый фельдшер, которого привела мама. Около десяти дней брат находился в бреду, терял сознание. В это время у его постели часто появлялся полицейский, задавая один и тот же вопрос о месте расположения партизанского отряда. Славка в бреду говорил о многом, но ни разу не произнес ни одного слова о партизанском отряде и месте его нахождения. Полицейского это сильно бесило, он ругался, угрожал расстрелом. Примерно дней через десять брату стало легче. Пролежал он еще почти целый месяц, потом стал поправляться.

А теперь о полицейском. Это был школьный товарищ брата. Звали его Женька-беженец. Жил в небольшом домишке на шляху, недалеко от въезда в деревню со стороны Житеня. Очевидно, он был из семьи раскулаченных. Это он предал Славку. Доносы на брата продолжали поступать в комендатуру.

В ноябре-декабре 1942 г. Славку арестовали во второй раз. До этого мама просила его уехать из деревни километров за 20, к родственникам, на время. Брат возразил матери, сказав, что не может, что нужен здесь. В это время всем было понятно, что немцы отступают. Шлях был забит их отходящими войсками. Немцы шли и шли – грязные, замерзшие, оборванные, голодные и злые.

Арестовывать брата пришел все тот же его бывший товарищ Женька-беженец. Я слышала их разговор. Славка спросил его, зачем он нужен в старостате. Так ему объяснил с начала разговора Женька. «Если посадить в

тюрьму, – ответил ему брат, – то ты меня не нашел». Женька сказал брату, что ему хотят предложить работу в старостате. Подобные предложения поступали ему часто, но ответ всегда был отрицательным: «Полицаем работать я не собираюсь».

Брат поверил Женьке и пошел с ним. Так он вторично попал в тюрьму. После очередной поездки к Славке мама привезла от него грязное нательное белье. Стала стирать и увидела чернильные пятна. Быстро вытащила эту вещь и в поясе обнаружила записку. Она была написана лиловы карандашом на обрывке бумаги. Там было написано, что сидит он в одиночной камере. Весь зарос, спит на голом полу. Просил привезти частый гребешок, одеяло и подушку. От него требуют выдать партизанский отряд. В камеру подливают на пол холодную воду.

Мама снова собралась в путь. Когда приехала от него назад, на санках лежала передача, которую она ему возила. Она долго не отвечала на наши вопросы. Была будто окаменевшая, а потом вымолвила несколько слов. Сказала, что Славку расстреляли в торфяниках под Львовом. Тогда, перед немецким отступлением, расстреляли всех заключенных тюрьмы.

Мама долго болела. После освобождения района искать останки брата было некому. Мне тогда было всего 12 лет, а мама всю жизнь его ждала и надеялась на чудо. Говорила, что он смелый, мог выжить.

Меня брат часто посылал к школе, где жили немецкие военнослужащие. Просил, чтобы играя с другими детьми, которые собирали там блестящие бумажки, я считала, сколько там вражеских солдат и машин. Все это я докладывала ему.

Писать можно много. Как проходили обыски, как наши русские люди выдавали друг друга немцам. Из этого письма возьмите то, что вам нужно.

20.01.2009. *Альбина – сестра Славки*»

Коровин В.В.

КОМДИВ МОРОЗОВ

Майор в отставке, ветеран военной авиации, курянин Вячеслав Федорович Морозов поделился с нами информацией о своих родственниках – участнике Первой мировой войны Егоре Ивановиче Морозове и его родном брате Павле Ивановиче, командовавшем во время Великой Отечественной войны дивизией.

По обнаруженным в открытом доступе сведениям, сегодня мы публикуем краткую справку на нашего земляка, генерал-майора Павла Ивановича Морозова. В дальнейшем надеемся получить дополнительные данные о нем из Центрального архива Министерства обороны РФ.

Павел Иванович Морозов родился в 1898 г. в с. Павловка Обоянского уезда Курской губернии. В 1918 г. он начал службу в Красной Армии, был участником Гражданской войны и присоединения Западной Белоруссии и Западной Украины к территории СССР. В 1938 г. награжден медалью XX лет

РККА. На основании наградных документов, опубликованных на сайте «Подвиг народа», можно установить, что на фронтах Великой Отечественной войны П.И. Морозов находился с июля 1941 года.

В декабре 1942 г. он занимал должность заместителя командира 83-й Туркестанской горно-стрелковой дивизии, имел несколько ранений. 19 февраля 1943 г. был представлен к награждению орденом Красного Знамени. В наградном листе, подписанном командиром дивизии полковником А.А. Лучинским, отмечалось: «Полковник Морозов – храбрый, опытный командир, участник Отечественной войны с ее первых дней. В должности заместителя командира 83 горно-стрелковой дивизии участвовал беспрерывно во всех боях с декабря 1942 по 15 февраля 1943 г., лично руководя частями наиболее ответственных направлений.

Под личным руководством полковника Морозова при прорыве обороны противника 16.01.1943 были захвачены станицы Ставропольская и Григорьевская. своим личным примером и указаниями командирам частей на поле боя, обеспечивал выполнение дивизией боевых задач, в боях с 10 по 12 февраля 1943 года по овладению населенными пунктами Натухай, Толтамухай и станции Энеем.

В ночном бою 15 февраля 1943 г. на х. Коваленко, когда в результате контратаки противника, штаб дивизии оказался в окружении и был изолирован от других частей, а сам полковник Морозов был ранен, организовал силами личного состава штаба отражение контратаки противника и не покидал поля боя до полного восстановления положения. Нанес противнику большие потери»¹.

Приказом по войскам Черноморской группы Северо-Кавказского фронта от 16 марта 1943 г. № 061/н «за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» полковник Морозов Павел Иванович был награжден орденом Красного Знамени². С 5 по 18 марта 1943 г. он командовал 83 ГСД.

С 9 апреля по 9 декабря 1943 г. полковник Морозов занимал должность командира 20-й горно-стрелковой дивизии. Подписывая наградной лист, командир 3-го горно-стрелкового корпуса, в состав которого входила дивизия Морозова, генерал-майор А.А. Лучинский указывал: «Командуя 20 ГСД в боях по освобождению Кубани и Таманского полуострова от немецких захватчиков, полковник Морозов умело управлял дивизией в боях под ст. Неберджаевская, ст. Крымская и в Кубанских плавнях. 16.09.1943 г. части 20 ГСД первыми обнаружили начало отхода противника с «голубой линии» обороны и немедленно перешли в преследование.

Энергичный и смелый полковник Морозов, не давая противнику задерживаться на промежуточных рубежах, овладел с дивизией крупными

¹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 457. Л. 468.

² Там же. Л. 453.

пунктами: Неберджаевская, Н. Баканская, Натухаевская, захватив большие трофеи, поставил противника под угрозу быть отрезанным, чем содействовал успешному наступлению остальных дивизий корпуса и правому флангу соседней 18 Армии»¹. Приказом по войскам Северо-Кавказского фронта от 7 ноября 1943 г. № 0379/н П.И. Морозов был награжден орденом Отечественной войны I степени².

С 16 сентября 11 ноября 1944 г. и с 29 апреля по 9 мая 1945 г. полковник Морозов командовал 181-й стрелковой Сталинградской, ордена Ленина Краснознаменной, ордена Суворова дивизией. Соединение отличилось при взятии крепости Бреславль, успешно проведя боевые операции по уничтожению ее окруженного гарнизона. «Полковник Морозов, как командир дивизии полностью обеспечил руководство своими боевыми подразделениями и частями, и в тяжелых уличных боях за город Бреславль добился больших успехов.

За этот период боев дивизия нанесла противнику непоправимые потери. Только убитыми 5249 солдат и офицеров, уничтожена 1931 единица вооружения разных систем и калибров. Взято пленными и трофеями: солдат и офицеров – 3321, 1320 единиц вооружения, боеприпасы, склады и другое военное имущество.

Своими упорными наступательными действиями и осадой дивизия отсекала все попытки врага вернуть потерянные рубежи, обеспечила успех боевых действий 7 мая 1945 г., крепость Бреславль капитулировала»³. За успешное проведение этой операции П.И. Морозов был награжден орденом Суворова II степени⁴, а войскам, участвовавшим в боях за овладение Бреслау, приказом ВГК от 7 мая 1945 г. объявлена благодарность и в Москве дан салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

27 июня 1945 г. П.И. Морозову было присвоено очередное воинское звание генерал-майор. Кроме упомянутых наград, за годы Великой Отечественной войны он был удостоен ордена Ленина, еще одного ордена Красного Знамени и медалей.

Шендриков Е.А., Логинов Г.В.

«А ДО УЧЕБЫ Я ЖАДНЫЙ...»: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СНАЙПЕРА 121-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ГВАРДИИ СТАРШЕГО СЕРЖАНТА В.А. КОНАРЕВА

Во второй половине 1942 г., после того, как войска Воронежского фронта перешли к обороне, грозой гитлеровцев стали советские снайперы. Активно развивалось снайперское движение в частях войск, входившей в

¹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 645. Л. 90.

² Там же. Л. 86.

³ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 181. Л. 220.

⁴ Там же. Л. 134.

состав фронта 60-й армии генерал-майора И.Д. Черняховского. Иван Данилович, еще в первых успехах снайперов увидев зарождение новой эффективной формы истребления врага и высоко оценивая деятельность снайперского движения, писал следующее: «Каким должен быть снайпер?»

Советский снайпер – это храбрый, смелый, решительный, инициативный воин, знающий тактику, умеющий вовремя находить нужные цели: немецких снайперов, наблюдателей, офицеров. Своими меткими выстрелами снайпер нарушает коммуникации врага, связь и наблюдение.

Снайпер должен безукоризненно владеть своим оружием, изучать местность, знать каждый кустик, бугорок, дерево, каждое пятнышко впереди позиций должно быть у него на примете. Снайпер должен знать повадки врага, знать, когда он обедает, когда сменяется – это поможет планировать боевую деятельность, проводить организованную охоту на фрицев. На своем участке он должен подготовить прицелы по всем ориентирам. Снайпер должен быть вполне уверенным в том, что немца обязательно убьешь. Чтобы на ловца и зверь бежал, как говорится в поговорке.

Снайпер должен показывать пример во всем. Его должны за версту узнать по выправке, подтянутости, по уверенной походке.

Снайпер – это всеми уважаемый человек, гроза немецких оккупантов и любимец своей роты, своего полка. Он – опора командира. Своей боевой активностью снайпер должен цементировать свою роту, разжигать наступательный порыв наших воинов.

Мы имеем все для того, чтобы разгромить врага. Ни одна армия в мире не чувствует такой заботы своего народа, как наша родная Красная Армия. Бойцы одеты и обуты с ног до головы, имеют все вооружение – от лыж да сложнейших орудий.

Наше воинское умение, наш наступательный порыв сломают все преграды на пути к победе. С именем Великого Сталина мы пойдем в решительный бой и выполним с честью свою историческую задачу по разгрому гитлеровской армии, гитлеровского государства»¹.

По мере увеличения числа подготовленных снайперов нарастали потери, наносимые ими врагу. Немецкое командование издало приказ выслеживать и обезвреживать их². Но эти усилия врага были тщетны. Советские снайперы совершенствовали тактику своих действий и огневое мастерство. Они подчинялись непосредственно командирам рот, на которых возлагалась ответственность за боевую работу каждого снайпера, в том числе за выбор огневой позиции и секторов наблюдения. В обороне снайперов расставляли так, чтобы они контролировали весь передний край противника и всегда были готовы к открытию огня. Каждому назначались по 3-4 позиции. Практиковались и действия кочующих снайперов, а также парные и

¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее ЦАМО РФ). Ф.417. Оп.10589. Д. 2. Л. 56.

² Зыков П.М. На огненной черте // Воронежское сражение. Воронеж, 1968. С. 93.

групповые их действия¹. Чтобы заставить фашистов покинуть блиндажи и ДЗОТы, снайперы через командиров вызывали огонь бронбойщиков и миномётчиков².

Развитие снайперского движения стимулировалось обобщением и распространением передового опыта, в том числе в военной прессе, различными воспитательными мерами, например, с помощью специальных листовок-вкладышей в красноармейские книжки. В них командиры рот делали отметку о каждом убитом воином фашисте и заверяли этот факт своей подписью. Среди бойцов развернулось соревнование за право открыть собственный лицевой счёт.

Особенно хорошо было организовано снайперское движение в 121-й стрелковой дивизии (сд). Его развитию содействовали командир дивизии генерал-майор Петр Макарович Зыков, командир 383-го стрелкового полка (сп) подполковник Василий Прокофьевич Шабанов и другие офицеры³.

24 октября 1942 г. газета 60-й армии «Армейская правда» под заголовком «Роль командира в развитии снайперского движения» рассказала, что «своей командирской властью тов. Шабанов создал Беляеву условия для успешной охоты за гитлеровским зверьём. Лучших стрелков-красноармейцев и младших командиров, изъявивших желание стать снайперами, освободили от другой боевой работы, предоставив им возможность проявлять полную инициативу на снайперской огневой позиции. В результате такой командирской заботы снайперское движение в этой части разрастается... Снайперы тов. Шабанова уничтожили за последнее время свыше 250 немецких оккупантов»⁴.

26 октября «Армейская правда» посвятила всю первую страницу «школе» снайпера Н.М. Беляева⁵. Когда он был награждён орденом Красной Звезды, на счету снайпера был 151 уничтоженный фашист⁶.

Рассматривая снайперское движение в 121-й сд нельзя обойти вниманием учеников старшины Н.М. Беляева, одним из которых был командир взвода пешей разведки гвардии старший сержант В.А. Конарев, имевший на своём счету 142 оккупанта⁷.

Василий Андреевич родился в 1913 г. в пос. Колупаевка г. Челябинска⁸. Вот как его описывал генерал-майор П.М. Зыков: «Ученики Беляева показывали настоящий класс. Вспоминается гвардии старший сержант Василий Андреевич Конарев, высокий, сухощавый, щедрый на разные военные хитрости.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 574 сп. Оп. 77931с. Д. 2. Л. 10-об.

² ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 10589. Д. 2. Л. 56-об.

³ ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 10564. Д. 237. Л. 3; Зыков П.М. Указ. соч. С. 89, 90.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 10589. Д. 2. Л. 19.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Там же. Ф. 383 сп. Оп. 80727с. Д. 1. Л. 14.

⁷ Там же.

⁸ www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=156075

Однажды на ничейной полосе его засек гитлеровский стрелок. Ни рукой не двинуть, ни отползти в сторону. Конарев еще плотнее прикип к земле и застыл. Кругом шлепались мины, ухали снаряды, а он все лежал и лежал не шелохнувшись.

– Неужто убит? – заволновалась наша оборона.

А когда стемнело, Василий Андреевич неожиданно появился в наших первых боевых порядках, живой и невредимый.

– Обдурил фашиста, – смеялся он. – Дай, думаю, порадую его, окаянного. Пусть запишет в свою пользу, что, мол, ухлопал русского снайпера... Нет ли у кого махорочки?..

133 отметины сделал Конарев на прикладе своей снайперской винтовки. Это означало, что с августа по сентябрь он отправил на тот свет 133 ненавистных оккупанта»¹.

Один из учеников Конарева писал 22 октября 1942 г. в газете «Армейская правда»: «Я – ученик снайпера гвардии старшего сержанта Василия Андреевича Конарева. Сильно заинтересовала меня его боевая работа. Очень хотелось самому скорее научиться снайперскому делу и без промаха разить проклятых немцев. Пришел я однажды к тов. Конареву на огневую позицию и попросил разрешения понаблюдать вместе с ним за фашистами.

Тов. Конарев охотно согласился и подробно стал объяснять мне особенности своей снайперской винтовки. Много внимания уделил он устройству оптического прицела, рассказал, как удобнее определять расстояние до цели и показал мне передний край обороны немцев с их ходами сообщения, блиндажами и ДЗОТами.

Я был внимательным учеником и на второй день уже самостоятельно пошел охотиться на фрица»².

Зыков в своих воспоминаниях привел разговор снайперов 383-го стрелкового полка Н.М. Беляева и В.А. Конарева: «Вечером в землянке Беляев размечтался:

– Кончим войну, обязательно поступлю в Воронежский СХИ. На агронома буду учиться... Как думаешь, Василь Андреевич?

– А что, может, и поступим, – улыбнулся Конарев. – Красота тут вокруг редкостная... А до учебы я жадный. Учительница в школе меня хвалила. Ты, говорит, Вася, старательный хлопец...

Не пришлось Василию Андреевичу учиться. 29 октября 1942 года он погиб на своем боевом посту»³.

В архивных документах 383-го сп 121-й сд так описывается гибель В.А. Конарева: «Снайпер Конарев, имевший на своем счету 142 немца, геройски погиб при выполнении специального задания командования с

¹Зыков П.М. Указ. соч. С. 91.

²ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 10589. Д. 2. Л. 17.

³Зыков П.М. Указ. соч. С. 93.

группой разведчиков из четырех человек. Группа под его командой с поднятыми руками подошла к самому ДЗОТу противника. Расчет вышел из ДЗОТа, чтобы указать им дорогу куда идти, думая, что они идут сдаваться в плен. По команде Конарева ДЗОТ был забросан гранатами и уничтожен расчет. Но немцы быстро поняли их замысел и открыли огонь. Все пять храбрецов погибли, но задачу, поставленную перед ними, с честью выполнили. Слава герою Конареву и его товарищам»¹.

Василий Андреевич был похоронен на северной окраине Воронежа (позднее был перезахоронен в братскую могилу №17, расположенную на территории опытного лесхоза ВГЛТА (ул. Морозова))². Как вспоминал Зыков, «весь полк провожал в последний путь Конарева. Товарищи поклялись продолжить его боевой счет, обучить снайперскому мастерству новых бойцов»³. Эту клятву воины 60-й армии полностью сдержали. В начале 1943 г. в 60-й армии насчитывалось свыше 500 снайперов. За осень и зиму 1942 г. они вывели из строя более 6 тысяч солдат и офицеров противника⁴.

Василий Андреевич Конарев совместно с другими снайперами 60-й армии внес достойный вклад в уничтожение немецко-фашистских захватчиков. В целом, необходимо подчеркнуть, что успехи советских снайперов признавались и за рубежом. Так, в 1945 г., уже после окончания войны, американская пресса писала: «Русские снайперы показали огромное мастерство на немецком фронте. Они побудили немцев на производство в большом масштабе оптических прицелов и обучение снайперов»⁵.

Воронежцы с благодарностью вспоминают мастеров точного огня, поэтому один из переулков Воронежа носит название «Снайперский».

ИЗ ОПЫТА ВОЕННО-ШЕФСКОЙ И МЕМОРИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Ковалевская И.П.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ШЕФСКОЙ ПОМОЩИ И ДРУЖБЫ КУРСКОЙ МОЛОДЁЖИ С МОРЯКАМИ – ЧЕРНОМОРЦАМИ (1938-1941 гг.)

История Курской области богата замечательными делами молодёжных общественных организаций. В конкретно-исторической обстановке 20-90-х годов минувшего XX века особая роль принадлежала комсомолу как

¹ ЦАМО РФ. Ф.383 сп. Оп.80727с. Д.1. Л.14.

² www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=260375015; Кононов В.И. Воронеж. История города в памятниках и мемориальных досках. Воронеж, 2005. С. 52.

³ Зыков П.М. Указ. соч. С. 93.

⁴ Дайнес В.О. Генерал И.Д. Черняховский. Гений обороны и наступления. М., 2007. С. 254.; Гринько А.И. Линия ратной славы. Воронеж, 1988. С. 173.

⁵ Рязанов О. Указ. соч. С. 37.

передовому отряду и в труде, и в бою. В непростые годы после гражданской войны, когда катастрофически не хватало материальных средств, осуществлялось становление Военно-Морского Флота молодого Советского государства. И немалую роль в этом деянии наших дедов и прадедов сыграло шефство комсомола, принятое на V съезде РКСМ 16 октября 1922 года.

1923 год ознаменовал начало шефства курских комсомольцев над Балтийским Флотом и Военно-морским инженерным училищем (с 1927 года – имени Ф.Э. Дзержинского). Шефство вмещало в себя не только постоянное пополнение шефского денежного фонда, но и агитационно-пропагандистскую работу о значении флота для советского государства, воспитание будущих моряков (знакомство с условиями службы и быта военных моряков, обмен делегациями и многое другое).

С 1938 г. подшефным Курской областной комсомольской организации стал ещё и учебный отряд Черноморского Флота в городе Севастополе. Именно в предвоенные годы куряне и моряки-черноморцы внесли в историю курского края новые страницы о своей дружбе и взаимопомощи. 25 апреля 1938 г. первая курская делегация была командирована в Севастополь для вручения подшефной части (учебному отряду) Черноморского Флота переходящего Красного знамени Курской областной комсомольской организации¹.

22 мая 1938 г. бюро Курского обкома ВЛКСМ утвердило смету расходов в сумме 7100 руб. на проведение в Севастополе 15-летнего юбилея шефства курского комсомола над Военно-Морским Флотом СССР и 3000 руб. были переведены на имя комиссара Черноморского Флота для покупки музыкального оркестра подшефному учебному отряду. В июле 1939 г. ко Дню Военно-Морского Флота комсомольская организация моряков-черноморцев была премирована Курским горкомом ВЛКСМ четырьмя патефонами из средств проведённых массовых субботников.

А в праздничные дни Октябрьской революции 1939 г. и на Первомай в 1940 г. состоялись обмены делегациями курян в Севастополь, а моряков-черноморцев в Курск². В 1930-1940-е годы, когда комсомол стал значительной силой при выполнении конкретных хозяйственно-экономических задач, когда в борьбе за ускорение темпов реконструкции хозяйства страны родилось социалистическое соревнование, в содержание шефской работы вносится соревновательное начало с военными моряками как одно из направлений в военно-патриотическом воспитании молодых курян.

10 марта 1939 г. в газете «Молодая гвардия» (орган Курского обкома ВЛКСМ) было опубликовано обращение трактористов Валуйской машино-тракторной станции и моряков-черноморцев о проведении соревнования в честь XVIII съезда ВКП(б). Победителю соревнования вручалось переходящее Красное знамя учебного отряда Черноморского Флота. Обращение нашло отклик среди комсомольцев и молодёжи МТС, колхозов и совхозов. В результате развернувшегося соревнования за Красное знамя

краснофлотцев 50 райкомов комсомола представили кандидатами на его получение свыше 80 тракторных отрядов.

Первенство в соревновании завоевала бригада С.В. Шатунова Курской МТС Стрелецкого района. В бригаде имелось 4 трактора. Плановое задание бригады составляло 1970 га, а фактически было вспахано 3178 га или 161%. При высоком качестве работы и хорошем состоянии тракторов бригада сумела сэкономить 7364 кг горючего³.

Бригада С.В. Шатунова выступила с предложением продолжить соревнование. За успешное проведение весеннего сева 1940 года включилось около 350 молодёжных тракторных отрядов. В этом соревновании многие бригады успешно выполнили взятые на себя обязательства. А на получение переходящего Красного знамени моряков-черноморцев были представлены 80 тракторных бригад из 44 районов области.

Наилучших успехов добилась бригада Митрофана Занина¹ из МТС имени Профинтерна Советского района и ей вручили переходящее Красное знамя учебного отряда в День Военно-Морского Флота. Премии получили участвовавшие в соревновании бригадиры и трактористы лучших тракторных отрядов, в их числе тракторный отряд Русанова (Кривецкая МТС Щигровского района), тракторный отряд Труфанова (Кривцовская МТС Кривцовского района)⁴.

Весной 1941 года трактористы бригады Митрофана Занина выступили с инициативой о соревновании за экономию горючего и смазочных материалов, за бережное отношение к машинному парку.

Курский обком ВЛКСМ, рассматривая ход соревнования тракторных бригад по инициативе Митрофана Занина за переходящее Красное знамя учебного отряда Черноморского Флота, указал райкомам комсомола на необходимость «всемерно разъяснять оборонное значение соревнования, организуя связь трактористов с подшефниками – краснофлотцами», наметил подвести итоги соревнования после весеннего сева и подъёма паров и вручить победителю переходящее Красное знамя⁵.

В обстановке политического и трудового подъёма в стране, нарастания военной опасности разворачивается соревновательная работа и среди подрастающего поколения – пионеров и школьников. На IV областной комсомольской конференции (сентябрь 1940 г.) было отмечено, что обком ВЛКСМ «провёл значительную работу по организации массовых оздоровительных и военно-физкультурных мероприятий среди детей. 39 тыс. пионеров и школьников приняли участие во внутришкольных и районных оборонных соревнованиях, 27 тыс. школьников сдали нормы на оборонные

¹ Занин Митрофан Никифорович (1913 г. рожд., дер. Волжанец Щигровского уезда) – рядовой, погиб в дни Курской битвы 3 августа 1943 г. Захоронен в дер. Плоское Дмитровского района Орловской области. (Курская областная Книга Памяти. Т.6. Курск, 1994. С. 465)

значки. Мы должны готовить каждого пионера к службе в Красной Армии и научить его делать самые необходимые вещи».

Такую характеристику получило соревнование «пионерских звеньев по военно-спортивной работе и за право быть гостями подшефников – краснофлотцев», организованное с февраля 1939 г. в ответ на постановление ЦК ВЛКСМ, Центрального совета Осоавиахима и исполкома Союза Красного Креста и Красного Полумесяца о проведении всесоюзных оборонных соревнований пионеров и школьников⁶.

После подведения в июле 1939 г. итогов соревнования среди 76 кандидатов, был назван лучший пионерский отряд, завоевавший право поездки в гости к краснофлотцам в город Севастополь. Им стало пионерское звено имени Клары Цеткин школы № 1 Сталинского района города Курска. Каждый пионер звена имел по 3-7 оборонно-физкультурных значка («Готов к труду и обороне», «Готов к санитарной обороне», «Готов к противоздушной и противохимической обороне», «Юный ворошиловский стрелок», «Юный моряк», «Юный авиастроитель» и др.). Два пионера получили звание инструктора ПВХО и обучили 90 пионеров младших классов. А пионерский отряд имени О.Ю. Шмидта Щигровской средней школы, инициатор оборонно-спортивных соревнований среди пионеров области, был премирован 500 руб.⁷.

19 декабря 1939 г. Курский обком ВЛКСМ принимает постановление о продолжении соревнования, дополнив соревновательной работой за переходящее Красное знамя учебного отряда моряков и получение экспонатов для оборудования военно-морского кабинета, организованного редакцией областной газеты «Пионер»⁸.

По итогам 1939/40 учебного года победителями вышли пионерский отряд имени Молотова Малоархангельского детского дома № 1 и Щеголянской неполной средней школы Беловского района. Красное знамя учебного отряда Черноморского Флота было вручено пионерам детского дома «за хорошую воспитательную, учебную и оборонную работу». Лучшими были названы также пионерские отряды имени Ворошилова Хомутовской неполной средней школы и имени Сталина Никольской средней школы Солнцевского района⁹.

В целях всемерного развития водного спорта и лучшей подготовки молодёжи к службе на флоте спортивные общества и физкультурные организации Курской области предложили проводить ежегодные соревнования за лучшие спортивные показатели по плаванию и гребле между районами и отдельными физкультурными коллективами. Это начинание поддержало командование подшефного учебного отряда Черноморского Флота и установило переходящий приз «Кубок дружбы» для вручения победителю.

27 июля 1940 г. бюро Курского обкома ВЛКСМ поддержало начинание моряков о спортивных соревнованиях за переходящий приз «Кубок дружбы» и в целях «ещё большего укрепления тесной связи и шефства курской

комсомольской организации над учебным отрядом» и в ознаменование Дня Военно-Морского Флота решило совместно с областным комитетом по делам физкультуры и спорта установить свой переходящий приз «Кубок дружбы» (с 9 июня 1941 г. – «Кубок газеты «Молодая гвардия»»). Кубок подлежал вручению подразделению учебного отряда, занявшему первое место в соревнованиях, проводимых среди моряков¹⁰.

Сохранилось свидетельство члена курской делегации, литературного сотрудника газеты «Молодая гвардия» Анатолия Павловича Ефременко о вручении кубка газеты: по прибытии курян в Севастополь моряки-черноморцы организовали с ними торжественную встречу субботним вечером 21 июня 1941 года. Над Корабельной стороной до позднего вечера звучал флотский оркестр. А ночью 22 июня куряне были разбужены грохотом стрельбы зенитных орудий. В 2 часа 30 минут ночи гитлеровская авиация в ходе войны совершила первый налёт на корабли Военно-Черноморского Флота, базировавшиеся в бухтах Севастополя. Анатолий Ефременко вместе с краснофлотцами участвовал в спасении от огня и осколков бомб женщин и детей¹¹.

Возвратившийся в Курск А.П. Ефременко опубликовал на страницах газеты «Молодая гвардия» свои впечатления о первых часах Великой Отечественной войны на севастопольской земле. В 1942 году он ушёл добровольцем на фронт и погиб, защищая Родину¹².

Примечания:

¹ ГАОПИ КО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 45. Л. 67-об.

² Там же. Л.94; Д. 60. Л. 250; Ф. П-40. Оп. 1. Д. 186-а. Л. 107.

³ Там же. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 51. Л. 10, 52; Д. 58-а. Л. 62.

⁴ Там же. Д. 58-а. Л. 63-65; Д. 60. Л. 204-205; Д. 61. Л. 41, 163, 165-167.

⁵ Там же. Д. 68. Л. 245; Д. 69. Л. 8-10.

⁶ Там же. Д. 58-а. Л. 132-141.

⁷ Там же. Д. 55. Л. 54-55.

⁸ Там же. Д. 56. Л. 84-85.

⁹ Там же. Д. 61. Л. 170-171.

¹⁰ Там же. Д. 61. Л. 171-173; Д. 69. Л. 155-156.

¹¹ Курская правда. 1965. 5 мая; Молодая гвардия. 1984. 24 августа 1984.

¹² ГАКО. Ф. Р-651. Оп. 1. Д. 5-а. Л. 4.

Головин Е.А.

ВЫПОЛНЕНИЕ ОБОРОННЫХ ЗАКАЗОВ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ (НАЧАЛО 60-х гг. XX ВЕКА)

Противоречивость внутренней и внешней политики СССР второй половины 1950-х – середины 1960-х гг. оказывала особое влияние на социально-экономическое развитие не только государства в целом, но и его регионов. Волонтаристский стиль административно-хозяйственного

реформирования не мог не отразиться на деятельности отдельных предприятий и отраслей производства.

Реализуемый политическим руководством СССР курс на мирное сосуществование государств с различным общественным строем предполагал, что сотрудничество с капиталистическими странами возможно, особенно в области использования достижений научно-технического прогресса. Важным шагом в этом направлении стал визит Н.С. Хрущева в США осенью 1959 года. Но последовавший затем Карибский кризис 1962 г. обнажил острые противоречия, сохранявшиеся в межгосударственных отношениях.

Международное положение СССР могло оставаться стабильным только при сохранении и укреплении мощнейшего военно-промышленного комплекса. Тема выполнения оборонных заказов в силу известных обстоятельств длительное время была закрытой для исследователей истории отечественного промышленного производства. Открытие доступа к архивным документам позволяет по-новому взглянуть на деятельность местных предприятий, специализировавшихся в то беспокойное время на выпуске сугубо мирной продукции, но при этом выполнявших ответственные государственные задания оборонного характера.

Так, в фонде Промышленного обкома КПСС архива общественно-политической истории сохранилась справка об установленных заданиях по созданию мобилизационных мощностей на предприятиях Курской области, датированная 18 апреля 1963 года. Из документа следует, что в соответствии с постановлениями Советов Министров СССР и РСФСР за 1957-1962 гг. ряду курских предприятий поручалось изготовление оборонной продукции.

Курский завод резиновых технических изделий должен был изготовить в первой половине 1960-х гг. 15 млн. штук спецукупорки (резиновых пробок) для донорской крови; 3 млн. противогазов ГП-4У – самых распространенных на тот период в СССР; 550 тыс. комплектов резиновых изделий к изолирующему противогазу ИП-46, предназначенному для обеспечения выхода членов экипажа из затопленного танка; 5500 тыс. комплектов резиновых деталей к регенерирующему патрону РП-46.

Свободинскому электромеханическому заводу поручалось производство электрооборудования для радиолокационной техники и средств военной связи – 9400 агрегатов питания АБ-1 и АБ-0,5, а также 1000 осветительных передвижных электростанций для инженерного оборудования. Выпуск 800 тыс. взрывателей ДБР-2, предназначенных для комплектования бронебойных боеприпасов, был доверен Курскому заводу «Счетмаш», а 60 тыс. автопилотов для управляемых авиационных снарядов – заводу «Прибор».

Коллективу Щигровского механического завода, в соответствии с правительственными постановлениями, было дано задание изготовить тысячу комплектов удлиненного заряда разминирования УЗ-3, использовавшегося для проделывания проходов в противотанковых минных

полях взрывным способом. Более 2500 агрегатов питания и передвижных электростанций для военной техники должен был поставить в войска Курский завод передвижных агрегатов¹.

Выполнение государственных оборонных заказов на промышленных предприятиях Курской области было сопряжено с решением ряда серьезных организационно-технических проблем. 25 февраля 1963 г. руководство Курского завода передвижных агрегатов обратилось с письмом к председателю Совнархоза Центрально-Черноземного экономического района К.Н. Беляку, секретарю Курского промышленного обкома КПСС С.И. Шапурову, начальнику Управления электротехнической промышленности Центрально-Черноземного экономического района М.Т. Печеневу с просьбой о помощи. Суть проблемы заключалась в следующем. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1096-460 от 22 октября 1962 г. завод должен был обеспечить выпуск передвижных электростанций, генераторов и преобразователей для укомплектования важных оборонных объектов. Но, несмотря на всю серьезность поставленной задачи, большинство изделий, выпускаемых заводом, не были обеспечены не только годовыми, но даже квартальными фондами на основные виды материалов и комплектующих деталей, что привело к срыву выполнения государственного плана и поставок продукции.

Так, для выполнения плана по выпуску 20-киловаттных агрегатов и электростанций заводу требовалось на 1963 год 2200 дизелей производства Рыбинского завода. Разнарядкой Росглавэлектроснабсбыта Курскому заводу передвижных агрегатов выделялось всего 1195 дизелей, т.е. на 1000 меньше требуемого. Не полностью обеспечивалось фондами комплектующих изделий и материалов производство генераторов и преобразователей. Например, при годовой потребности в подшипниках 15800 шт., предприятию выделено было всего – 4560 (60 % от потребности). Всего к 20 февраля 1962 г. завод не имел фондов по 63 наименованиям комплектующих изделий.

Подвергалась сомнению и обоснованность передачи производства другим предприятиям. К примеру, недополученные от Рыбинского завода дизели Д-40А, ранее изготавливались на Липецком тракторном заводе. ВСНХ не обеспечил производство указанной продукции в Рыбинске, в результате чего в течение января-февраля 1962 г. КЗПА не получил ни одного дизеля, что привело к массовым простоям рабочих, невыполнению плана за февраль и затруднениям в выплате зарплаты работникам.

Серьезные недостатки имелись и в планировании производственной деятельности. Утвержденный правительственными постановлениями план выпуска и поставок военной техники на 1963 год постоянно корректировался, вследствие отказа части потребителей от получения готовой продукции, что отрицательно сказывалось на экономических показателях работы и финансовом состоянии завода. Так, по состоянию на 20

¹ ГАОПИКО. Ф. 4971. Оп. 1. Д. 56. Л. 103-107.

февраля 1963 г. потребители отказались от продукции на сумму 2021 тыс. руб. Причем, подобная ситуация повторялась на протяжении уже нескольких лет. В 1962 г. на заводе был зафиксирован отказ от 439 изделий на сумму 2068 тыс. руб., в 1961 г. – от 906 изделий на сумму 3702 тыс. рублей.

Отказ от готовой продукции в середине календарного года свидетельствовал о необоснованных заявках потребителей, но ВСНХ и Госплан РСФСР не контролировал их на предмет соответствия реальной экономической ситуации. К сожалению, допущенные в планировании просчеты, не корректировались. Из изготовленных в соответствии с планом 93 преобразователей ВПЛ-200, заводу удалось реализовать всего три. Несмотря на это, в 1963 г. завод должен был выпустить еще 52 единицы указанной продукции. Приводимые факты свидетельствовали о тяжелой ситуации, сложившейся на заводе в связи с выполнением плановых заданий по вине планирующих органов.

В условиях неполучения дизелей от Рыбинского завода, нерегулярных поставок угольных регуляторов с Киевского завода «Реле и автоматика», отсутствия подшипников, без которых не могло быть изготовлено и испытано ни одного изделия, Курский завод передвижных агрегатов к концу февраля 1962 г. оказался практически остановлен¹.

Спустя месяц, 28 марта 1963 г., руководство КЗПА направило по тем же адресам дополнительное письмо. Кроме обозначенных ранее проблем в нем были подняты новые вопросы организации производства. Так, за последние три года, в связи с ростом генераторного производства, на предприятии происходило увеличение трудовых затрат на 100 руб. валовой продукции. При этом Управление машиностроения СНХ не учитывало изменений структуры производственного плана, не обеспечивая завод необходимыми лимитами рабочего персонала. В результате, на предприятии сложилось тяжелое положение, особенно, в службах главного механика и инструментального хозяйства.

Недостаток специалистов сказывался и на работе Специального конструкторского бюро, созданного в соответствии с Постановлением СМ СССР от 17 августа 1959 г. № 962, согласно которому КЗПА был утвержден головным предприятием по производству передвижных электростанций мощностью 20 кВт, специальных агрегатов питания 20-30 кВт повышенной частоты и автоматизированных передвижных электростанций мощностью 200, 300 и 500 кВт. Из необходимых 150 сотрудников в СКБ работал всего 41 человек. Из-за этого срывалась своевременная разработка конструкции и изготовление опытных образцов автоматизированных электростанций ЭСД-200.

Обращаясь с письмом в партийные и административные структуры, дирекция отмечала, что на заводе имеются необходимые площади и достаточный производственный опыт для выполнения государственных

¹ ГАОПИКО. Ф. 4971. Оп. 1. Д. 56. Л. 215-219.

плановых заданий, но при их утверждении требуется учет сложившейся специализации и более рациональное распределение заказов между предприятиями отрасли¹.

Документы свидетельствуют, что ситуация с организацией работы СКБ продолжала оставаться напряженной. В апреле 1963 г. по договорам, заключенным с Министерством обороны СССР, КЗПА занимался разработкой тем: автоматизированные электроагрегаты 20 и 30 кВт на 50 и 400 герц; автоматизированные передвижные электростанции 30 кВт типа АПСП, мощностью 200 кВт теплого (в кунге на автоприцепе), холодного (под капотом на автоприцепе) и стационарного исполнения типа ЭСД-200-ВС, мощностью 500 кВт в кузове и на раме-салазках типа АПЗС-500; передвижные электростанции 2 и 4 кВт типа ЭСБ-2с и ЭСБ-4с, мощностью 12 кВт типа ЭСБ-12Н; высокочастотный генератор ГСД-20; малогабаритный синхронизатор и автоматический распределитель активных мощностей. Продукция соответствовала специализации завода и предназначалась почти всем родам войск Вооруженных Сил СССР. Но для своевременного выполнения заказов требовалось увеличить численность СКБ с 39 до 125 человек².

Еще одно управленческое решение СНХ Курского экономического административного района, связанное с выполнением оборонных заказов, вызывало полное неприятие со стороны руководства КЗПА. В конце 1962 г. изготовление щитов управления изделия ВПЛ-30 было передано от завода в исправительно-трудовую колонию ОХ-30/2, где содержались заключенные, совершившие государственные преступления. Указанное изделие поставлялось в Советскую Армию и на другие заводы, входило в состав секретных комплексов ракетного вооружения С-200, предназначенных для обороны больших площадей от бомбардировщиков и других стратегических летательных аппаратов, а также использовалось для питания радиолокационных установок.

Требование повышения качества военной техники, исключения возможностей поступления в части и на полигоны вооружения с производственными дефектами содержалось в Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 16 февраля 1961 г. № 166-68 «О мерах по улучшению качества производства военной техники». На Курском заводе передвижных агрегатов предпринимались меры по повышению качества выпускаемой продукции. По щитам управления к изделию ВПЛ-30 проводилась отработка чертежей и технологии; создавались эталонные щиты и шаблоны, приспособления и стенды для предварительных испытаний и настройки; осуществлялись техническая учеба и подготовка квалифицированных кадров электромонтажников.

¹ ГАОПИКО. Ф. 4971. Оп. 1. Д. 56. Л. 351-356.

² ГАОПИКО. Ф. 4971. Оп. 1. Д. 56. Л. 377-378-а.

После передачи изготовления щитов управления исправительной колонии результаты подготовительной работы на заводе были сведены к нулю. Участки электромонтажа щитов управления ВПЛ-30 были ликвидированы, а опытные монтажники переведены на другие участки. Качество изделий резко ухудшилось. Генераторный цех завода простаивал из-за отсутствия щитов управления, т.к. их новые изготовители срывали поставки или присылали некачественную продукцию. Все дефекты приходилось исправлять во время испытания изделий, что создавало дополнительные трудности, поскольку заводчане вынуждены были разбирать и повторно собирать изделия.

Поступали рекламации из войсковых частей. Военным представительством только в феврале 1963 г. были возвращены заводу для устранения дефектов и переработки 15 изделий. Среди основных претензий: отказ в работе автоматических переключателей; повреждения проводов в жгутах; некачественная маркировка проводов электромонтажа, не позволяющая разобраться в схеме; ошибки в порядке прикрепления элементов схемы, бирок, табличек; обрыв проводов; слабая окраска деталей; загрязненность и мусор в щитах и др.

При проверке соблюдения технологии и чертежей на производстве в учреждении ОХ-30/2 было выявлено отсутствие комплектов документации на щит управления; альбомов на стандартные, унифицированные детали, укомплектованные согласно спецификациям; инструкции на технологические процессы. Монтаж и контроль правильности монтажа осуществлялся, в основном, методом внешнего осмотра. Испытание приборов и «прозвонка» монтажной схемы предварительно не производилась. Из-за отсутствия чертежей и условий для проверки детали и собранные изделия на предмет соответствия чертежам не проверялись.

Для создания условий, обеспечивающих выпуск высококачественной продукции в учреждении ОХ-30/2, требовалась передача ему полного комплекта технической и технологической документации, альбомов стандартных, унифицированных деталей и сборок, применяемых для всех изделий завода, что не обеспечивало установленных требований к сохранению государственной тайны. Характер выполняемой в колонии работы мог способствовать распространению сведений, разглашающих количество и назначение изделий, профиль завода и его мощности, производственные связи. Большая часть изделий ВПЛ-30 поставлялась особо режимным предприятиям, выпускавшим секретную продукцию. Малоэффективна была воспитательная работа, проводимая с заключенными, задействованными на производстве, и направленная на формирование их сознательного отношения и личной ответственности за качество выпускаемой продукции.

В то же время, сокращение квалифицированных электромонтажников, перевод их на другие участки работ, вызывал недовольство со стороны рабочих, особенно в связи с трудностями, связанными с загрузкой

предприятия. Выходом из создавшейся ситуации, по мнению руководства КЗПА, мог стать пересмотр решения Курского СНХ о передаче изготовления щитов управления ВПЛ-30 учреждению ОХ-30/2.¹

Критикуя руководящие структуры за принятие неоправданных административных решений, дирекция Курского завода передвижных агрегатов и сама допускала серьезные просчеты в организации производства. Так, 26 января 1962 г. с территории завода на площадку «Втормета» были вывезены и утилизированы в металлолом 8 наименований новых, не бывших в употреблении изделий, в числе которых оказались 707 радиаторов и 1497 вентиляторов к автомобилю «Победа», 151 возбудитель В-5 и 13 электромоторов специального исполнения, 379 регуляторов напряжения и др.

Всего же было оформлено документов для списания в лом на 81 наименование изделий общей суммой 133 тыс. рублей. Причем, как минимум 5 наименований заводской продукции на сумму 40 тыс. руб. предназначались для действовавшего производства. Как отмечал военный представитель завода, многие сданные в металлолом изделия могли использоваться для нужд обороны².

Случившееся стало достоянием гласности благодаря журналистскому расследованию корреспондента газеты «Курская правда» М.Я. Лейбельмана. Впоследствии ветеран курской журналистики вспоминал: «Мне стало известно, что с предприятия на свалку вывезли большое количество приборов и списали в убытки сотни тысяч рублей. Может, приборы действительно были бракованными, но ящики даже не распаковали, не демонтировали очень дорогие детали из платины и серебра. Со свалки я привез десяток приборов и устроил в редакции их выставку. На другое утро на первой полосе был опубликован репортаж с этой «выставки». Через пару часов звонок из обкома: немедленно привезти все приборы. В тот же день состоялось внеочередное заседание бюро обкома, где и обсудили ЧП. Виновных наказали...»³

Постановлением бюро Курского промышленного обкома КПСС от 13 февраля 1962 г. начальнику управления машиностроения и металлообрабатывающей промышленности совнархоза М.Т. Печеневу был объявлен выговор, а директору завода Г.П. Белякову – строгий выговор с занесением в учетную карточку. Главного инженера предприятия И.Л. Жданова было предложено освободить от занимаемой должности. К партийной ответственности привлекался и секретарь парткома завода Герой Советского Союза И.М. Чехов. Всем партийным организациям и органам партийного контроля предлагалось принять меры, направленные на строгое

¹ ГАОПИКО. Ф. 4971. Оп. 1. Д. 56. Л. 235-239.

² ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3826. Л. 156, 159-160.

³ Страницы и лица. «Курская правда» 1917-2002 / Автор-сост. Феррапонтов Н.С. Курск, 2002. С. 260-261.

соблюдение производственной дисциплины всеми руководителями и работниками предприятий¹.

Серьезные претензии по поводу сроков выполнения оборонных заказов предъявлялись Курскому заводу резиновых технических изделий. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР № 1096-460 от 22 октября 1962 г. промышленные предприятия обязывались поставить Министерству Обороны СССР в 1963 г. полевые магистральные трубопроводы, в комплект которых входили резиновые уплотнительные кольца Ду-150. Распоряжением Курского совнархоза № 7-137/1284 от 31 мая 1962 г. их производство и обеспечение поставок заказчику поручалось заводу РТИ. В июне 1963 г. письмом на имя первого секретаря Курского промышленного обкома КПСС С.И. Шапурова начальник Управления снабжения горючим МО СССР генерал-лейтенант В.В. Никитин сообщал, что «распоряжение совнархоза заводом не выполнено, к производству деталей Ду-150 завод не приступал, в результате чего полевые магистральные трубопроводы, поступившие от промышленности, резиновыми кольцами не укомплектованы, чем наносится ущерб боевой готовности войск»².

Комментируя ситуацию, сложившуюся с производством детали Ду-150, руководство Курского завода РТИ отмечало, что деталь была принята к проработке в октябре 1962 года, тогда же на предприятие поступила прессформа для изготовления опытной партии. В декабре 1962 г. было изготовлено 85 изделий опытной партии, но заказчик не утвердил ее к серийной поставке, о чем сообщил заводу-изготовителю в письме от 12 марта 1963 года. Было принято решение командировать своего представителя на Ленинградский завод РТИ для ознакомления с технологией изготовления этой детали. К 19 июля 1963 г. на Курском РТИ была произведена повторная опытная партия в количестве 170 изделий. После ее утверждения заказчиком, предполагался запуск серийного производства детали³.

Серьезные проблемы у Курского завода резиновых технических изделий возникли в связи с производством резиновых манжет для колесных тормозов изделия 135-К, выпускавшегося Брянским автомобильным заводом по заказу Министерства Обороны СССР. Изготавливавшееся в Брянске длиннобазное колесное шасси ЗИЛ-135К являлось носителем пусковой установки крылатой ракеты С5, разработанной в ОКБ В.М. Челомея. Уникальный мобильный комплекс, «презентация» которого состоялась на военном параде 7 ноября 1961 г., своей мощью поразил военных специалистов НАТО, поскольку на Западе ничего подобного тогда не существовало.

¹ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3826. Л. 158.

² ГАОПИКО. Ф. 4971. Оп. 1. Д. 56. Л. 428.

³ ГАОПИКО. Ф. 4971. Оп. 1. Д. 56. Л. 429.

В 1962 г. Брянский автозавод поставил для нужд Советской Армии 30 изделий 135-К. При транспортных испытаниях комплекса в целом, тормозная система изделия оказалась непригодной в связи с течью тормозной жидкости. По этой причине все 30 машин на вооружение в войска переданы не были. Как удалось установить проверкой, причиной течи тормозной жидкости стало использование некачественных резиновых манжет для колесных тормозов, поставляемых Курским заводом РТИ.

В июне-августе 1962 г. инженерная служба Курского РТИ сообщила в Брянск, что в связи с резким ограничением расходования импортного натурального каучука, изготовление манжет для гидротормозной системы по рекомендации НИИ резиновой промышленности и по согласованию с Госпланом СССР было переведено на новую резиновую смесь, которая, как предполагалось, была более качественной. Брянские автомобилестроители обратились за экспертными заключениями в ряд головных организаций, после чего пришли к выводу, что замена резиновой смеси не была санкционирована. В связи с тем, что материальный ущерб предприятия, связанный с устранением неисправностей, составил 1800 рублей, военный прокурор Брянского гарнизона обратился в Прокуратуру Курской области с инициативой возбуждения уголовного дела в отношении поставщика некачественных деталей – Курского завода резиновых технических изделий.

Проведенной прокурорской проверкой удалось установить, что все необходимые согласования, в том числе с Брянским заводом, куряне сделали, о чем свидетельствовали предоставленные в распоряжения следствия документы. В течение августа-сентября 1962 г. в Брянск было поставлено почти 1500 деталей, изготовленных на Курском РТИ. С передачей в октябре 1962 г. прессформы заказчику, производство манжет на заводе прекратилось. Таким образом, в действиях должностных лиц Курского завода РТИ не было обнаружено состава преступления, предусматривающего ответственность за выпуск недоброкачественной продукции, в возбуждении уголовного дела было отказано¹.

С 1959 г. приступил к выпуску оборудования для военно-авиационной промышленности Курский завод «Прибор». На предприятии было аккредитовано военное представительство Министерства обороны СССР во главе со старшим военпредом подполковником В.М. Скрипником, который осуществлял строгий контроль качества принимаемой продукции. Производство первых изделий – термостатов регулятора температуры воздуха кабины (ТРТВК-45 и ТРТВК-45М) было сопряжено с преодолением ряда трудностей, вызванных отсутствием необходимого опыта и освоением технологического процесса.

С 1960 г. завод осваивал производство указателей курса (ПДК-49, УГК-1, блоков УК1-4), велась подготовка к изготовлению гидроиндукционного компаса ГИК-1. Завод стал монополистом в производстве индукционных

¹ ГАОПИКО. Ф. 4971. Оп. 1. Д. 56. Л. 19-26.

датчиков типа ИД. В 1961 г. коллектив предприятия начал осваивать новые проверочные установки для курсовых систем (УПКС и УПКСИ), что позволило постепенно накапливать технологический и экономический потенциалы¹. К 1963 г. Курский завод «Прибор» выпускал 14 наименований изделий². В последующие годы основными направлениями в производственной деятельности предприятия стали: системы управления оружием, указатели положения элементов самолета, измерители массы и центровки, накопители полетной информации («черные ящики»).

Таким образом, в начале 1960-х гг. промышленные предприятия Курской области принимали участие в выполнении важных государственных заданий, связанных обеспечением обороноспособности государства и осуществлением военно-технического сотрудничества с зарубежными странами. Приведенные в статье факты свидетельствуют о том, что на отдельных курских заводах своевременному и качественному выпуску продукции оборонного назначения, как правило, препятствовали трудности организационно-управленческого характера и низкие темпы освоения новых технологических процессов.

Грибова Н.В.

**«МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ – ПАМЯТЬ О ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЯХ»
(ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЕМОРИАЛЬНЫХ ДОСОК В
ГОРОДЕ КУРЧАТОВЕ)**

*«Не могут люди вечно быть живыми,
Но счастлив тот, чье будут помнить имя».*

Алишер Навои

Память. Зачем она дана человеку?

Человек хотел передать свой опыт другим.

На заре человечества мудрым считали того, кто много знал и помнил.

Помнить, чтобы не повторять ошибок, не совершать необдуманных поступков.

Помнить, чтобы продолжать дело, творить добро.

Помнить, значит быть благодарным тем, кто создавал настоящее.

Помнить тех, кто защитил, кто исполнил свой долг на своем месте.

Помнить, чтобы гордиться прошлым.

Мемориал – тоже означает память.

Мемориальный – служащий для увековечения памяти.

Мемориальная доска – плита с надписью (иногда с изображением), увековечивающая память о каком-либо лице или событии на стене здания, связанного с ним.

Мемориальный ансамбль – архитектурно-художественный комплекс, воздвигнутый в честь павших героев, выдающихся деятелей или

¹ 40 лет ОАО «Прибор» / Автор-сост. Ю.А. Бугров. Курск, 1999. С. 16-17, 29.

² ГАОПИКО. Ф. 4971. Оп. 1. Д. 56. Л. 240-241.

исторических событий, с надписями, изображениями, иногда даже со звуковыми и световыми образами.

Всё это делается для будущего. Ведь без прошлого – нет настоящего, и не будет будущего.

Тринадцать человек, наших земляков-курчатовцев, будут помнить, проходя мимо памятных плит, где начертаны их имена. Среди них люди труда и защитники Родины в разные времена. Я хочу рассказать именно о них, о защитниках.

Самая первая в нашем городе мемориальная доска находится на здании пятиэтажного дома по улице Космонавтов, 20. Здесь жил, отсюда уходил в армию Кузьмин Сергей. Отсюда его провожали в последний путь. Он служил высоко в горах Афганистана, было жарко, воды не хватало. Все необходимое доставляли снизу от подножья горы. Чтобы враг не заметил, приходилось идти на хитрость – всегда возвращались другим путем. Однажды группа попала в засаду и приняла бой. Сергей занял огневую позицию и открыл огонь, убил двух душманов, но, когда менял позицию, пуля сразила его. Товарищи по службе тепло отзывались о нем, называли настоящим боевым другом. Кузьмин Сергей Николаевич посмертно награжден орденом Красной Звезды. Выпускник гимназии № 2.

Целых три памятных доски размещены на стенах старейшей гимназии нашего города, две из них хранят память о воинах-интернационалистах. Однофамильцы, выпускники гимназии № 2, почти ровесники (разница в два года), оба честно выполнили свой воинский долг один в Афганистане, другой – в Чечне. Кузьмин Сергей Николаевич и рядом Кузьмин Олег Юрьевич.

После школы Олег работал слесарем на заводе «Вектор», бетонщиком на заводе КПД. 15 февраля 2000 года был призван на контрактную службу, в воинской части стал гранатометчиком и водителем-электриком. Прослужил полтора месяца и 29 марта 2000 года при выполнении боевого задания получил тяжелое ранение в голову и скончался. Посмертно награжден орденом Мужества.

У входа в лицей № 3 сразу бросается в глаза мемориальная доска. Её открыли в декабре 2011 года. Инициаторами стали члены Совета ветеранов воинов-афганцев в лице Ивана Анатольевича Ситникова и администрации Лицея № 3 в лице директора Владимира Григорьевича Бобкова. Мы видим лицо совсем молодого юноши. Это Москаленко Алексей Анатольевич, выпускник лицея 1997 года. Его биография очень короткая. Родился, поступил и окончил школу, поступил в техникум, пошел в армию. Прослужил полгода и был отправлен в Чечню. Он погиб 29 декабря 1999 г. выполняя свой воинский долг на Северном Кавказе за два месяца до демобилизации. Награжден орденом Мужества посмертно. Прощание проходило в спорткомплексе «Энергетик». Сюда пришли не только люди, знавшие его, но и совсем незнакомые. Их объединила скорбь, война, которая принесла в российские семьи слезы и душевную боль. Мама Алексея живет в нашем городе, иногда приходит в школу на встречи с ребятами.

А рядом в доме по улице Космонавтов, 14 жил Герой Советского Союза Евгений Васильевич Мишин. В 1995 г. А.И. Антропов создал проект мемориальной доски, которую мы видим. Евгений Васильевич родом из Фатежского района. До войны работал электриком. В армию призван в 1939 году. А демобилизовался только 1948 г. по инвалидности. Прошел всю Великую Отечественную войну. Был командиром отделения в стрелковом полку. Участник Курской битвы. Одним из первых сержант Мишин осенью 1943 года преодолел Днепр. С отделением обошел противника с фланга и вызвал на себя его огонь. Это позволило обеспечить успешную атаку основных сил и продвижение вперед подразделений полка. Когда противник контратаковал их позиции, Мишин первым ринулся вперед, расстреливая гитлеровцев из автомата, уничтожил 8 солдат противника. В этих боях Евгений Васильевич был ранен, но остался в строю. За мужество, решительность и стойкость Е.В. Мишин был представлен к званию Героя Советского Союза и получил его 17 октября 1943 года. После войны вернулся в родные края. Возглавлял общество слепых Курчатовского района. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1 степени, Славы III степени, медалями.

В декабре 2011 года на стене школы № 5 была открыта новая мемориальная доска. На ней портрет молодого воина Пьявченко Владимира, выпускника школы 1990 года. После школы окончил Курскую школу ДОСААФ. В 1991 г. был призван на срочную службу, получил военную специальность гранатометчика. В ходе службы награжден медалью «За отвагу». А с июля 1995 г. нес военную службу по контракту. В звании сержанта был заместителем командира взвода. Служил на Северном Кавказе в Чеченской республике. Погиб от пулевого ранения в голову 19 декабря 1995 года. Посмертно награжден орденом «Мужества».

Ежегодно в февральские холодные дни учащиеся школы вспоминают ветеранов не только далекой Великой Отечественной войны, но и воинов-интернационалистов, и прежде всего Владимира Пьявченко, своего выпускника. Возлагают цветы. Читают стихи. В гости к ним приходит мама героя. Она видит, что сына помнят, значит, он живет, пусть только в памяти ребят и взрослых, но живет.

В 2013 г. появилась еще одна мемориальная доска на улице Ленинградская, дом 19. В нем жил Свеженцев Николай Сергеевич, ветеран Великой Отечественной войны, участник Курской битвы, старший лейтенант, командир танка Т-34. В далекие 70-ые годы прошлого века приехал строить атомную станцию и остался здесь навсегда. Он часто приходил в гости к ребятам соседней школы – гимназии № 1. Рассказывал о войне, замечательно читал стихи. В 2011 г. Николай Сергеевич ушел от нас на 93-м году жизни.

15 февраля 2014 г. у входа в гимназию № 1 было многолюдно. Гимназисты, учителя, ветераны Афганской войны, жители города собрались на открытие мемориальной доски выпускнику 1982 г. Алтухову Валерию

Ивановичу. Молодой юноша был призван армию, в 1984-1985 гг. служил в Афганистане. В одном из боев был тяжело ранен в ногу (подорвался на mine). Долгое лечение, ампутация и инвалидность, а 13 марта 1987 г. Валерий умер. Сейчас у входа в гимназию с мемориальной доски на нас смотрит молодой красивый парень, который честно выполнил свой долг и навечно остался молодым.

Такова история появления мемориальных досок в нашем городе Курчатове в память о тех, кто защищал нашу землю.

Воробьев В.Г.

«ЭТА ПАМЯТЬ ВСЕЙ ЗЕМЛЕ НУЖНА»: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

Эту книгу ждали. О ней мечтали краеведы, историки, поисковики, учителя. Она вышла как раз к 69-летию Великой Победы над фашистской Германией.

Называется книга «Эта память всей земле нужна». Она о том, как события Великой Отечественной сказались на нашей области. Особенно подробно изложены оборона Курска, его освобождение и события лета сорок третьего – Курская битва. Многие сражения описаны подробно – по дням и даже по часам.

У книги три автора – известные в области историки – доктор исторических наук Владимир Коровин и два кандидата – Александр Манжосов и Алексей Золотухин. Ученые посвятили военной теме суммарно 86 лет своих жизней. Причем добывали сведения они не только в архивах, но и в походах по местам боев.

На территории области много памятников, памятных досок, обелисков, памятных знаков. По сути – это энциклопедия Великой Отечественной войны в Курской области. Причем написана она так, что читать интересно и школьнику, и ветерану. Уверен, к ней будут обращаться все, кого интересует история родного края, отсюда будут брать темы диссертаций, дипломных и курсовых работ.

«Эта память...» как бы подводит итог огромной поисковой работы коллектива авторов. Часть материала публиковалась в книгах и статьях, в исторических сборниках и брошюрах.

Но поисковая работа продолжалась, и новые знания, находки в архивах, открытия заставляли авторов дополнять, переделывать, актуализировать материал. Так и родилась книга «Эта память всей земле нужна». Она вобрала в себя последние знания по краеведению времен войны.

Но, что особенно ценно, в издании более трехсот фотографий. Это снимки наших легендарных земляков, это памятники, обелиски, курганы славы – святыне для курян места.

И новинка – четыре маршрута по местам сражений. Первые два – это «Огненные высоты», «Танковые сражения», путешествия на Северный и Южный фасы Курской битвы. Третий – по боевым путям гвардейских

соединений (восточные районы области), четвертый – «Партизанская слава» (по западу области).

Одно расстраивает – тираж книги всего 200 экземпляров. Это ничтожно мало. Она попадет далеко не в каждую школу города, не в каждую библиотеку, вуз или техникум. А ведь эта память всей земле нужна...

(Городские известия. 2014. 8 мая)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абовян Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия, история и социология» ФГБОУ ВПО «Брянский государственный технический университет»

Аронов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права» ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК» (г. Орел), действительный член АВИН

Березников Владимир Артурович – учащийся лицея № 6 г. Курска, руководитель работы – учитель истории Колесникова Елена Васильевна

Бормотова Александра Руменовна – кандидат исторических наук, старший лаборант кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», член-корреспондент АВИН

Воробьев Василий Гурьевич – корреспондент газеты «Городские известия»

Головин Евгений Анатольевич – аспирант кафедры конституционного права ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет»

Грибова Наталья Вячеславовна – учитель истории МБОУ «Гимназия № 1» г. Курчатова

Замулин Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», член-корреспондент АВИН

Ковалевская Ирина Павловна – научный сотрудник ОКУ «Государственный архив общественно-политической истории Курской области»

Коровин Валентин Александрович – аспирант кафедры конституционного права ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет»

Коровин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного права ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет»

Логинов Глеб Валерьевич – студент группы ЭМ-2-4 ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I»

Манжосов Александр Николаевич – кандидат исторических наук, член-корреспондент АВИН

Марковчин Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет», старший научный сотрудник НИИ (военной

истории) Академии Генерального Штаба Вооруженных Сил России, член-корреспондент АВИН

Селина Альбина Егоровна – сестра участника партизанской борьбы В.Е. Евдокимова

Фролов Михаил Иванович – доктор исторических наук, профессор, вице-президент Академии военно-исторических наук

Шендриков Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и русского языка ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I», член-корреспондент АВИН

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА В ДНЕВНИКАХ И МЕМУАРАХ

Марковчин В.В. Князь Тундутов: О Великой войне и не только.....
Николай Александрович Черенков: страницы автобиографии.....

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ПОБЕДЕ

Коровин В.В., Манжосов А.Н. Их судьбы в единую слиты... (Светлой памяти защитников Отечества, погибших в двух войнах).....
Бормотова А.Р. Патриотическое воспитание школьников в годы Великой Отечественной войны (по материалам «Курской правды»).....
Фролов М.И. Историки и мемуаристы ФРГ о Курской битве.....
Замулин В.Н. Из плеяды победителей: Павел Алексеевич Ротмистров.....
Аронов Д.В. Нотариат Орловской области в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства.....
Абовян Е.Н. Возникновение вооруженного коллаборационизма на территории Брянского региона (сентябрь 1941 – май 1942 гг.).....
Коровин В.А. Суровый экзамен гражданской зрелости (о проверке комсомольскими органами поведения молодых курян на оккупированной территории).....

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК: ОТКРЫТИЕ ИМЕНИ

Березников В.А. Он штурмовал Берлин. Рассказ о моём прадеде Аркадии Тарасовиче Колчанове.....
Селина А.Е. Письмо о брате.....
Коровин В.В. Комдив Морозов.....
Шендриков Е.А., Логинов Г.В. «А до учебы я жадный...»: к 100-летию со дня рождения снайпера 121-й стрелковой дивизии гвардии старшего сержанта В.А. Конарева.....

ИЗ ОПЫТА ВОЕННО-ШЕФСКОЙ И МЕМОРИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Ковалевская И.П. Становление и развитие шефской помощи и дружбы курской молодёжи с моряками – черноморцами (1938-1941 гг.).....

Головин Е.А. Выполнение оборонных заказов промышленными предприятиями Курской области (начало 60-х гг. XX века).....

Грибова Н.В. «Мемориальные доски – память о знаменитых людях» (история возникновения мемориальных досок в городе Курчатове).....

Воробьев В.Г. «Эта память всей земле нужна»: рецензия на монографию.....

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ОГЛАВЛЕНИЕ